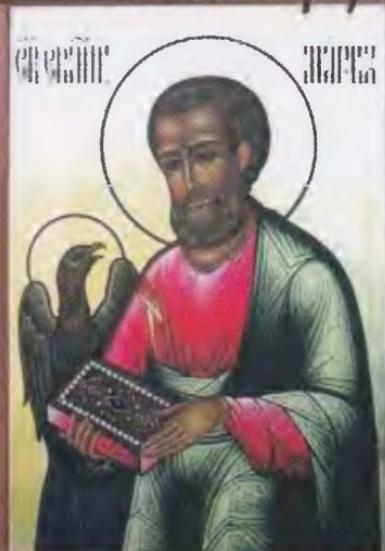
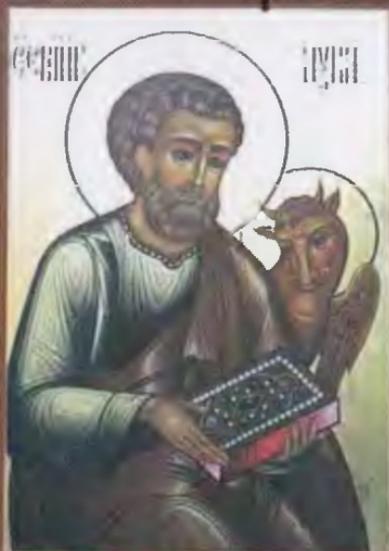

Ричард А. Берридж

Четыре евангелия,

ОДИН ИИСУС?

Символическое прочтение

Ричард А. Берридж

ЧЕТЫРЕ ЕВАНГЕЛИЯ, ОДИН ИИСУС?

Символическое прочтение

Издательство «Вера и святость»
Христианское общество «Библия для всех»
Санкт-Петербург
2010

ББК 86.376

УДК 242

Б52

Four Gospels, one Jesus? by *Richard A. Burridge*

Copyright © Richard A. Burridge 1994, 2005

Society for Promoting Christian Knowledge

36 Causton Street

London SW1P 4ST

ISBN 0-281-05678-1

All rights reserved

Русское издание © 2010 «Вера и святость»

Издательство «Церкви Назарянина»

Среди христиан не найдется ни одного человека, кто никогда не читал бы евангелия. Жизнеописания Иисуса Христа, написанные Его учениками, скрупулезно изучаются богословами, по тексту евангелий написаны десятки тысяч проповедей, тысячи книг, проведены сотни семинаров и созданы десятки экранизаций.

Но насколько хорошо мы понимаем то, что пытались донести до нас евангелисты в своих «портретах» Иисуса?

Этот вопрос ставится перед нами в книге «Четыре евангелия, один Иисус?». Автор книги рассматривает евангелия как биографические произведения, при написании которых евангелисты стремились передать для читателей свои определенные «портреты» Христа.

Книгу отличает прекрасный текстологический анализ, мастерское привлечение исторического контекста, а также живой, образный язык, благодаря которому серьезный богословский труд превращается в увлекательное чтение.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Переводчик *М. А. Думчев*

Богословские редакторы

О. А. Дружинина, А. В. Шиповалов

Редактор *К. Э. Мартенс*

Технический редактор *Д. В. Тимофеев*

Корректор *А. Ю. Лосева*

Дизайнер обложки *Т. Е. Балдина*

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-7454-1216-5

Отзывы о книге «Четыре евангелия, один Иисус?»

«Это блестящая книга, поскольку она написана свежим, увлекательным, нестандартным языком, а также заставляет задуматься... Я давно не встречал книги, представляющей собой глубокий научный труд, который предназначен для богословов с воображением и, тем не менее, легко читается».

Christian Herald

«Эта книга снова и снова просвещает читателя, указывая ему на те нюансы использования слов и речей, которые так часто являются ключевыми и помогают понять, как думают авторы евангелий и как они относятся к личности Иисуса».

Contact

«Здесь столько здравого смысла! И все это в совокупности образует целостную и информативную книгу, написанную исследователем, к которому невольно испытываешь чувство доверия».

Theology

«Эта книга... достойна того, чтобы читать ее не спеша, постоянно изучая дополнительные материалы и ссылки. И те, кто будет ее читать, никогда об этом не пожалеют».

Catholic Herald

«Мне не остается ничего другого, как настоятельно порекомендовать вам прочитать эту книгу. Она вполне доступна пониманию самого широкого круга читателей — и в то же время не лишена глубины научной мысли... Хочу выразить автору самую сердечную признательность за написание такой интересной и исчерпывающей работы, посвященной евангелиям».

London Link

«...Эзотерическая местами, духовная по замыслу и исследовательская во всех отношениях. Эта книга дает возможность погрузиться в увлекательное чтение».

Reform

«Эту книгу с пользой для себя могут читать те люди, которые хотят познакомиться с евангелиями в контексте нашей сегодняшней жизни».

Methodist Recorder

«...Превосходная книга. Ее идеи просто необходимо проповедовать — ради здоровья и благополучия всего Божьего народа».

Expository Times

«[Ричард Берридж] проделал блестящую работу, продемонстрировав свои познания и доказав, что на них может опереться всякий христианин, который еще не обладает профессиональными навыками».

Church Times

*Посвящается Ребекке и Саре
с пожеланием, чтобы они росли,
читали четыре евангелия
и любили одного Иисуса.*

*Памяти Айрис Джойс Берридж
(4 мая 1928 года — 1 мая 1994 года),
которую я так люблю и которой
мне так не хватает.*

Предисловие и выражения признательности из первого издания

«Думаю, тебе следует читать евангелия», — произнес мой духовный наставник, пристально глядя на горящие поленья и потягивая напиток из своего стакана. Было холодное Рождество, и мы находились в уединенном местечке Лонд Эбби, где-то на окраине Лейкестершира. Ничего не понимая, я уставился на него: не сошел ли он с ума? В конце концов, я ведь посвятил добрый десяток лет изучению евангелий, чтобы защитить докторскую диссертацию, а потом опубликовал на эту тему целую монографию!

На следующий день, выйдя прогуляться, я завернул за угол и вышел к тихой долине; и у меня выстроилось представление о названии, идее и даже отдельных главах этой книги, как будто они были навеяны мне тем зимним небом. Прошло два года, за которые работа с книгой особенно не продвинулась, но в течение которых я активно читал евангелия. Затем мне посчастливилось в течение определенного времени заниматься преподавательской деятельностью и выступать с лекциями в Соединенных Штатах Америки. В эти же я годы я занимался исследовательской работой и написанием этой книги.

Вернувшись из поездки и вновь оказавшись в уединенном местечке (на этот раз «в прекрасном Западе, в живописном Уэльсе», как писал Джерард Мэнли Хопкинс, находясь в Колледже св. Буэно), я вспоминал различные лектории и кафедры, библиотеки и аудитории, в которых этот материал зарождался,

развивался, составлялся, систематизировался и оттачивался. Оба контекста являются жизненно важными, потому что эта книга представляет собой попытку проложить мост между молитвой и семинарскими дебатами. Я надеюсь, что люди с научным складом ума примут духовный текст, ибо евангелия — это не мертвые древние тексты, и что люди с духовным складом примут научный характер этой книги, ибо ум дан нам Богом. Поскольку символическое прочтение повествовательных портретов Иисуса в четырех евангелиях основано на самых последних достижениях науки, я надеюсь, что книга будет интересной как для тех, кто только начинает заниматься богословскими исследованиями, так и для думающих христиан. Для простоты чтения в тексте нет сносок; материал для дополнительного изучения представлен в конце книги. Цитаты из Библии в этой книге взяты либо из Переработанного Стандартного Перевода, либо из Нового Переработанного Стандартного Перевода, либо из моего собственного перевода греческого текста.

Я благодарен всем тем, кто помогал мне в этот период; надеюсь, читатель простит мне этот длинный перечень, ибо очень многие люди по-разному помогали мне. В первую очередь, я должен поблагодарить д-ра Дэвида Харрисона, вице-канцлера Университета Экзетера и председателя благотворительной организации «Лэйзенби Траст», за предоставление мне возможности заниматься научной деятельностью и финансовую поддержку, а также за грант Британской академии и за другие гранты, предоставленные мне Фондом св. Луки и благотворительной организацией «Бишоп Филлпоттс Траст» через настоятеля и руководителя собора города Экзетер. Я был глубоко тронут теплотой и гостеприимством всех тех, кто пригласил меня в Америку, и в первую очередь — профессора Ерла Эллиса из Юго-Западной Баптистской Богословской семинарии, что в Форт-Уорте, штат Техас; профессора Кристофера

Брайана из Южного Университета, что в Сьюанни, штат Теннесси, где мы провели незабываемую Пасху; профессора Дэниела Пэтта и профессора Мэри-Энн Толберт из Университета Вандербилт в Нэшвилле; профессора Муди Смита и Дэйла Мартина с богословского факультета Университета Дюк, что в Чэпел Хилл, штат Северная Каролина; профессора Тэда Шамплена и профессора Джона Кейджеса из Принстонского университета; профессора Беверли Гавенту из Принстонской богословской семинарии и профессора Дена Харди из Принстонского центра богословских исследований; профессора Линдера Кека с богословского факультета Йельского университета; брата Питера Салливэна III из католической епархии Олбани, штат Нью-Йорк; всех сотрудников и студентов Общей богословской семинарии Нью-Йорка за тот удивительный месяц, который я провел в «Большом яблоке»; профессора Ричарда Перво из Западной семинарии Сибёри, что в Чикаго, за его доброту и непрекращающийся интерес к моей работе. Я хотел бы поблагодарить всех коллег и студентов, которые посещали мои лекции и семинары, за их участие и многочисленные беседы, и я с искренней благодарностью помню всех тех, кто открыл для меня свои библиотеки и аудитории, кабинеты и ресурсы, дома и сердца.

Как до, так и после моей поездки по США я мог сочетать проповедь и научную работу посредством дискуссий со служителями университета Экзетера, проповедей в университетской церкви Святой Троицы и проводимых мной занятий на факультете гуманитарных и математических наук. По возвращении из этой поездки я был приглашен для выступления с ежегодными мемориальными лекциями в университете в ноябре 1993 года, где и воспользовался этим материалом; я благодарен всем тем, кто пришел на них, за их энтузиазм и отзывчивость, которые и помогли мне окончательно сформировать эту книгу. Бесценную помощь оказали мне мои коллеги

с богословского факультета, особенно Алистер Логан с его умением читать машинописные рукописи, Ян Маркхэм с характерным для него неисчерпаемым энтузиазмом и профессор Дэвид Кэтчпол с его дошностью и скрупулезностью в систематизации научного материала. Я хочу поблагодарить Энн Ньюком и Салли О'Ши, секретарей отдела служения, за их готовность взять на себя некоторые мои обязанности на то время, пока я был в отъезде. Я благодарен профессору Лесли Хоулдену и моим новым коллегам по Королевскому колледжу в Лондоне за то, что они брали на себя мою работу, пока я завершал эту книгу и выполнял некоторые другие обязательства. Во время своего отъезда я мог провести часть времени в Оксфорде и посвятить его исследовательской работе по приглашению моего бывшего учителя, доктора Кристофера Пеллинга, который когда-то пробудил во мне интерес к классической биографии. Джейн и Тони Коллинзы из литературного агентства «Коллинз и Коллинз» помогли мне своей дружеской поддержкой и профессиональными навыками, несмотря на то, что они были завалены рукописными текстами и бесконечными телефонными звонками. Филип Лоу из Общества содействия христианскому образованию в течение всего этого процесса оказал мне очень полезную поддержку. Ничего из этого проекта я не мог бы осуществить без оптимистичной поддержки доктора Кристофера Саутгейта, друга и коллеги, который проделал немалую работу в мое отсутствие; и поскольку я далеко не поэт, я не могу подобрать слова, чтобы сказать, насколько для меня дорога его дружба!

И, наконец, моя семья не только несла на себе тяжесть, легшую на нее в период моего отсутствия или просто пребывания в работе, но и поддерживала меня своей любовью. Моя жена, Сюзан, оказалась одним из самых строгих читателей и самым верным партнером; без нее я ничего не смог бы сделать. Я всегда счастлив, когда нахожусь дома с моими до-

черьми, Ребеккой и Сарой, — и мне так их не хватает, когда я нахожусь в отъезде; их жизнерадостность и жизнелюбие придали мне столько сил для написания этой книги, что я с удовольствием посвящаю эту книгу и им.

Да, и кстати, Гордон, я до сих пор продолжаю читать евангелия...

*Ричард Берридж,
праздник Рождества 1993 года*

P.S.

Когда эта книга была практически готова выйти в свет, скоропостижно умерла моя мать. Ее любовь была неиссякаемой — это была любовь Иисуса, тогда как ее собственная мать первой научила меня читать евангелия. Вероятно, она предвидела то, что эта книга будет опубликована; и в моей жизни она заслуживает только самой достойной памяти.

Р. Б.

Предисловие к переработанному изданию

Я не перестаю удивляться тому воздействию, которое эта небольшая книга оказывает на сердца и умы людей за последние десять лет, с тех пор как она впервые была опубликована. Несколько раз она переиздавалась по обе стороны Атлантики и распространялась по всему миру. Тот факт, что год за годом уровни продаж по-прежнему остаются высокими, говорит только о том, что эта книга продолжает пользоваться большим спросом в качестве учебного пособия в колледжах и на разного рода курсах — и я могу судить об этом по тем многочисленным письмам и комментариям, которые я получаю от студентов и учителей. Часто, когда я участвую в работе различных конференций в Великобритании и США, люди обращают внимание на мое имя, написанное на моей аккредитационной карточке, после чего начинают беседовать со мной о пользе моей книги, а такое обстоятельство доставляет радость и прибавляет силы любому автору. Кроме того, я часто выступаю с проповедями и лекциями по всей стране и не скрою, что все еще чувствую волнение, когда люди подходят ко мне с экземплярами моей книги и просят расписаться на них! Если же эта книга помогает людям понимать евангелия — особенно тем из них, кто преподает эту тему и выступает с проповедями по ней, — тогда я могу считать себя по-настоящему счастливым человеком.

Поэтому я приготовил это новое переработанное издание в ответ на многочисленные обзоры и выска-

звания, сделанные за последние годы, чтобы пересмотреть некоторые аспекты первоначального текста, написанного более десяти лет назад. Параллельно хочется поблагодарить всех тех, кто поддерживал меня в этой работе. Главные изменения коснулись некоторых дискуссий, связанных с новым методом «истории восприятия», где внимание было обращено на «Переработанный сборник лекций», а также были добавлены материалы из фильма Питера Джексона «Властелин колец». Кроме того, были сделаны некоторые уточнения, которые связаны с развитием науки, в частности, в свете исторических данных об Иисусе, полученных за последнее десятилетие.

Особую благодарность я хочу выразить моим издателям, Рут Маккарри из Общества содействия христианскому образованию и Сэму Эрдмансу из американского издательства «Эрдманс». Я признателен им за их постоянную поддержку книги и за их желание выпустить в свет это переработанное издание. Многочисленные университеты и колледжи, семинарии и учебные центры, школы и соборы, епископов и профессоров, друзей и коллег, которые приглашали меня выступить перед ними по поводу этой книги и ее содержания, сейчас просто невозможно перечислить — но я благодарен всем вам и бережно храню в своих воспоминаниях эти бесчисленные визиты и беседы. Первое издание этой книги вышло в свет, когда я еще только начинал свое новое служение в качестве декана в Королевском колледже в Лондоне — я и сейчас там работаю; именно поддержка и дружба моих коллег по деканату, среди священнослужителей, преподавателей и сотрудников богословского факультета, а также многочисленных сотрудников всего колледжа вдохновляет меня и придает мне силы для дальнейшей работы по написанию новых книг. Как я уже говорил в предисловии к первому изданию, бремя этой работы в первую очередь ложится

на мою семью, поэтому я еще раз хочу выразить свою благодарность Сью за ее любовь и поддержку и вновь посвятить книгу Ребекке и Саре, которые теперь уже выросли и сами познают наш необъятный мир.

*Ричард Берридж,
день св. Варнавы.
11 июня 2004 года*

**Четыре евангелия,
один Иисус?**

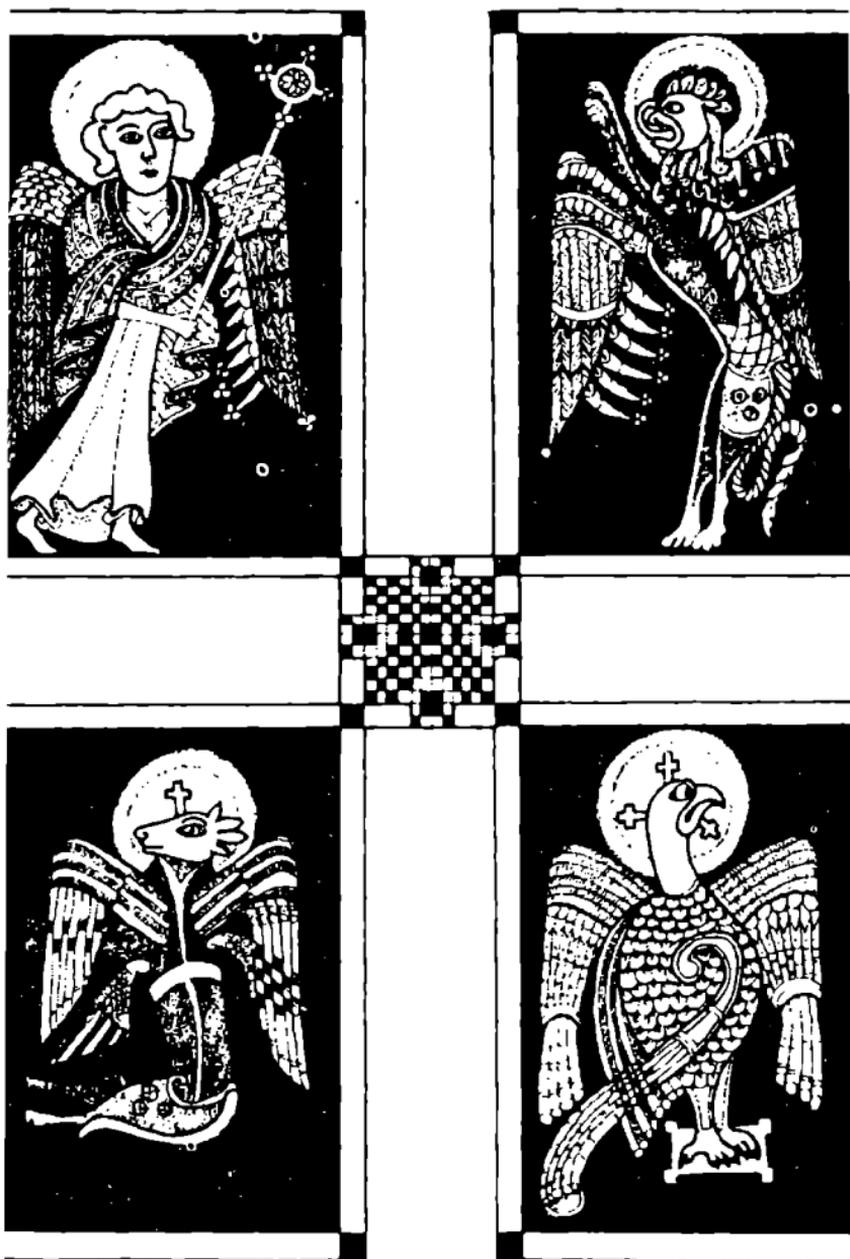

Рис. 1. Четыре символа евангелий.
«Келлская книга», фоллио 27V.

Четыре евангелия...

Четыре портрета

Где-то в самом сердце графства Кент, расположившись на склоне, простирающемся от холмов до равнин южной Англии, находится большое имение. Это имение, которое именуется Чартвелл, было загородным поместьем сэра Уинстона Черчилля с 1922 года до самой его смерти. Принадлежащее сейчас благотворительной организации «Нэйшнл Траст», это имение может многое рассказать о человеке, который был премьер-министром Великобритании в самые мрачные времена второй мировой войны. Стены в доме увешаны многочисленными фотографиями и портретами; автором некоторых из них является сам хозяин. Есть там и работы, которые сделаны другими людьми, пытавшимися запечатлеть с помощью фотоаппаратов или кистей что-то важное в характере этого великого человека.

Вот, например, изображение государственного деятеля на конференции вместе с союзниками, включая президента США Рузвельта. Его лицо непреклонно и беспощадно, ибо на его плечи возложена ответственность за судьбу мира. Он одет неброско, в черный костюм с галстуком, но при этом в правой руке держит сигару. На заднем плане, сохраняя разумную дистанцию, держат бумаги сотрудники, помощники и секретари. Идет серьезная, судьбоносная работа.

В одном из помещений мы можем увидеть еще одну картину, нарисованную самим Черчиллем: ту самую комнату, в которой мы находимся, за исключением того, что в тот момент в ней собралась счастливая семья. Называется картина «Чаепитие в Чар-

твелле 29 августа 1927 года». Черчилль, одетый весьма демократично, сидит за столом, улыбаясь друзьям и родным, сидящим тут же. Обычное семейное чаепитие, во время которого можно хотя бы ненадолго забыть о заботах и проблемах этого мира.

Пройдя по коридору, мы подходим к картине, на которой изображен человек на войне: он сидит в военной машине, а вокруг него толпятся люди в военной форме. На нем тоже военная форма, поскольку это тот случай, когда выделяться «просто неуместно». Его зубы сжимают неизменную сигару, он сияет оптимистичной улыбкой и показывает двумя пальцами символ «V» — «Победа». Собравшиеся вокруг него так же улыбаются и показывают такой же жест, а над ними пролетают боевые самолеты, чтобы приблизить эту победу. Сразу видно, что настроение у всех самое бодрое, и оно невольно передается всякому, кто смотрит на эту картину — для того она и замышлялась.

Есть в этом доме одна уединенная, тихая комната с мольбертами, банками с красками и фотографией Черчилля на отдыхе. Он сидит в плетеном кресле в саду Виллы Чойси, на берегу Женевского озера в Швейцарии. Снимок сделан в августе 1946 года, когда Черчилль был в отпуске, уединившись от забот и проблем, связанных с руководством его партии, находившейся тогда в оппозиции после поражения на прошлогодних выборах; и вот теперь он отдыхает, занимаясь живописью. Его палитра находится рядом с ним, а сам он пишет мирный пейзаж с деревьями у воды. Белая куртка художника предохраняет его одежду, на его голове легкая фетровая шляпа, во рту неизменная сигара, а сам он сосредоточен на картине и не обращает внимания на стоящего за его спиной фотографа. Он просто пребывает в мирном уединении, занимаясь любимым делом.

Четыре картины, все разные — и каждая со своей собственной историей, своей атмосферой, каждая передает свое настроение — но при этом на всех изо-

бражен один и тот же человек. В этом и состоит мастерство художника-портретиста или опытного фотографа. Каждое изображение должно донести до нас определенный образ и вызвать в нас отклик. Изображения различаются в зависимости от обстановки, людей или объектов, которые присутствуют или отсутствуют на картинах, и здесь все ограничено лишь творческим потенциалом и вдохновением художника. Поэтому перед нами предстает государственный деятель, семейный человек, воин и уединившийся живописец — но все это, несомненно, Черчилль, и некоторые его атрибуты (например, сигара) присутствуют на всех четырех изображениях. Тем не менее, на художника все же накладываются определенные ограничения, и далеко не все образы сработают с тем же успехом: например, Черчилль как чудовище с окровавленными клыками, убивающий женщин и детей, будет выглядеть неузнаваемым, полнейшим абсурдом — если только это не вражеская пропагандистская карикатура. Поэтому в этих простых портретах мы видим разнообразие и последовательность, вдохновение и избирательность, фантазию художника и ее пределы.

В сегодняшний век информации мы все это очень хорошо знаем. Где бы мы ни были, нас постоянно атакуют образы — в газетах, телерекламах, презентациях. Имиджмейкеры работают без устали, чтобы продать все, от корма для собак до политиков. Миллионы и миллионы долларов тратятся на то, чтобы картины и образы доносили до людей то, что они и призваны доносить, — и это актуально не только для продукции, но и для живых людей. Но и здесь есть пределы творчеству рекламодателей и публицистов: между реальностью и образом все же должна существовать определенная последовательность, как должна она существовать между рекламой и продуктом, между человеком изображенным и человеком реальным. Если мы соберем вместе несколько разных портретов одного и того же человека, мы

сможем сразу же увидеть и разнообразие, и последовательность; посредством сравнения мы оцениваем мастерство разных художников и их различные толкования одного и того же объекта. Наше представление об изображенном человеке или предмете станет от этого только богаче, ибо мы будем знать больше граней характера. Чего нам *не следует* делать, так это накладывать один образ на другой, или пытаться соединять эти образы в одну фотографию, или сокращать их до наименьшего общего знаменателя. Когда я излагаю эти принципы на своих лекциях, мне нравится накладывать друг на друга прозрачные слайды всех четырех портретов в надежде получить более полную и «ясную» картину человека — но, к веселью моей аудитории, все это порождает только хаос, беспорядочную смесь, которая не имеет ничего общего с ясностью!

Тем не менее, многие христиане именно таким образом подходят к портретам Иисуса, представленным в четырех евангелиях. Татиан уже во втором столетии от Р.Х. представил первую «гармонию четырех евангелий», написав «Диатессарон» (что дословно переводится с греческого как «по четырем повествованиям»). Во многих Библиях сегодня ссылки на текст расположены так, чтобы выстроить похожую гармонию. В каждое Рождество горячо любимые отрывки из книг пророков и из евангелий читаются при свете свечей под аккомпанемент песнопений, и при этом на одну и ту же сцену выходят пастухи, о которых писал Лука, волхвы из Евангелия от Матфея, а также изображаются традиционные волы и ослы. В страстную пятницу вместе соединяют все те слова, которые Иисус произнес во время распятия, согласно повествованиям четырех евангелий, после чего эта сцена, предназначенная для молитв и размышления, называется «Семь слов, произнесенных с креста»; спустя несколько дней все различные повествования о воскресении соединяют

в сорокадневную хронологию Луки, взятую вовсе не из евангелий, а из первой главы Книги Деяний.

Такие любопытные сочетания являются ничем иным, как попыткой соединить вместе четыре портрета Черчилля, когда в одной руке у него будет кисть для рисования, а другой он будет показывать победоносный жест; сверху на нем будет военный мундир, а на ногах домашние брюки и тапочки, и при этом за чаепитием он будет вести официальные переговоры с Рузвельтом! Такую смехотворную картину не назовешь справедливой ни для различных фотографов и художников, ни для самого героя изображений. Мы знаем, что существует только один Черчилль, и что эти четыре портрета по-разному описывают его личностные качества. И чтобы в полной мере оценить одну личность, нам нужно рассмотреть несколько его портретов, подходя к каждому из них по отдельности и учитывая исторический контекст. Потом — и только потом — мы уже можем рассмотреть их вместе, чтобы составить об этом человеке как можно более полную картину, а не какое-то беспорядочное месиво, которое ничего толком не расскажет нам об этом человеке.

Так для чего же мы это делаем с четырьмя портретами Иисуса? Здесь бездумная смесь всех четырех портретов также не раскроет нам гений евангелистов и не поможет обрести правильное представление об Иисусе. Вновь и вновь мы понимаем, что за всеми этими портретами стоит одна Личность. Однако полное понимание Иисуса может быть лучше достигнуто посредством прогулки по портретной галерее. Здесь точно так же тщательное изучение и историческое исследование даст гораздо больше результатов, чем бездумное смешивание, которое лишает нас ясного представления о каждом евангелии. Справедливости ради следует сказать, что, поскольку христиане почитают Иисуса иначе, чем почитают Черчилля даже самые пылкие поклонники этого политика, некоторые из них, возможно, прекрасно по-

нимают эту истину. Поэтому мы кратко рассмотрим значение критического подхода к книгам, которые многими воспринимаются как Священное Писание. В последней главе мы также поговорим о связи этих четырех портретов с одной Личностью.

Однако сначала нам нужно познакомиться с каждым портретом по очереди — посвятить время тщательному, и даже молитвенному, размышлению о том, что пытался сказать нам каждый евангелист о своем представлении об Иисусе — и для этого каждому евангелию мы посвятим отдельную главу. Чтобы быть готовыми к выполнению этой задачи, нам нужно что-то узнать о «рабочих инструментах», о тех способах, которые помогут нам лучше понять евангелия. Портреты Черчилля легче понять в свете исторического анализа и художественной критики; то же самое актуально и для портретов Иисуса, представленных в евангелиях.

Что такое евангелия?

Жанр

Во-первых, нам нужно определиться, с кем именно мы хотим познакомиться. Если мы относимся к карикатуре, изображающей Черчилля, как к фотографии, то нас неизбежно будут ждать ошибки в толкованиях. Никто не слушает сказку так же, как новости по радио. Правильное толкование рисунка или истории зависит от правильного определения того, какой вид передачи информации предусматривает это произведение, то есть, от его *жанра*. Мы видим разницу между живописью, драмой и просто рассказом, между произнесенным и написанным словом, между вымыслом и документальной историей, между поэзией и прозой, между трагедией и комедией, между легендой и историей и так далее.

Жанр широко признан как один из ключевых факторов, определяющих как композицию, так и толкование письменного произведения. Жанр представляет собой своего рода «контракт», или договор ме-

жду автором и читателем, который часто остается невысказанным или ненаписанным, а иногда даже и неосознанным. Согласно такому договору автор создает свое произведение в соответствии с целым набором ожиданий и условий, а мы читаем и воспринимаем его труд в соответствии с теми же условиями, которые помогают нам представить, что именно мы можем найти для себя в этом произведении. Так, телевизионные комедии положений или мыльные оперы пишутся в соответствии с определенными типовыми условиями; по ним телезритель узнает, какую передачу он смотрит, и истолковывает ее соответствующим образом. Но если зритель ожидает увидеть документальный жанр, и в соответствии с этим жанром пытается истолковать, например, мыльную оперу, то, скорее всего, ошибок и путаницы в толкованиях ему не избежать! Чтобы защититься от таких ошибок, мы учимся узнавать тот или иной жанр по широкому кругу «характерных особенностей». Это могут быть, например, обзоры в газетах, или публицистические материалы в книжном варианте, или реклама; но характерные особенности также облекаются в формат, структурную композицию и содержание. Мы узнаем об этих особенностях с помощью практики, перечитав литературу подобного рода или просмотрев характерные фильмы или телепередачи.

Подобно тому, как мы различаем официальные портреты, семейные фотоальбомы и политические карикатуры, чтобы распознать различные изображения Черчилля, для чтения евангелий нам нужно понять, к какому типу литературы они относятся. Традиционно евангелия рассматривались как биографии Иисуса. В XIX веке биографии стали показывать характер знаменитого человека, рассматривая его или ее воспитание, образование, психологическое развитие и так далее. Евангелия не похожи на такие биографии. В 1920-е годы такие исследователи, как Карл Людвиг Шмидт и Рудольф Бульт-

манн, отвергли всякое учение, согласно которому евангелия являются биографиями: ведь евангелия, судя по всему, не проявляют никакого интереса к человеческим личностным качествам, внешности или характеру Иисуса, как не говорят нам ничего о той Его жизни, которая предшествовала Его служению — все внимание уделено Его земному служению и Его смерти. Евангелия являются популярной народной литературой, собранием историй, которые какое-то время относились к устным преданиям. Такой подход стал известен как «критика формы», потому что все его внимание было обращено на «формы» или «типы» отдельных историй евангелий. Не считаясь уже биографической литературой, евангелия описывались как «уникальная» форма литературы, и такой подход определял изучение евангелий в течение примерно полувека.

Однако за последние тридцать или сорок лет вновь стал наблюдаться интерес к авторам евангелий как к богословам и как к авторам, намеренно пишущим определенным стилем. Это обстоятельство снова подняло вопрос о жанре евангелий и об их роли в контексте литературы первого столетия. Выдвигались многие идеи, но в первую очередь евангелия снова стали восприниматься как биографии. Детальный анализ многочисленных примеров древней биографии и евангелий показывает, что между ними есть много общего. С точки зрения формы или структуры они представляют собой повествовательную прозу. Объем каждого евангелия составляет от десяти до двадцати тысяч слов — типичный свиток длиной около десяти метров. Работы такого объема были характерны для древних литературных произведений, первых романов, исторических монографий и биографий. В отличие от современных биографий, греко-римские не охватывали всю жизнь человека и не излагались в строгой хронологической последовательности, зато в них было много подробного психологического анализа характера человека. Зачастую

в них встречаются только редкие хронологические данные; они начинаются с момента рождения человека или его появления на общественной сцене, и заканчиваются с его смертью. Между этими двумя моментами находятся отдельные значимые истории, анекдоты, речи и высказывания этого человека, и вообще все то, что каким-то образом раскрывает его важные черты. И в таком контексте внимание евангелий к служению Иисуса, с момента Его крещения до Его смерти на кресте, уже не выглядит чем-то особенным.

Содержание греко-римских биографий также имеет много схожего с евангелиями. Они начинаются с краткого упоминания о предках описываемого человека, о его семье или родном городе, после чего следует рассказ о его рождении, потом мы читаем какой-нибудь интересный или курьезный случай из его воспитания; после этого, как правило, сразу идет переход к началу его общественной или политической жизни. В повествованиях о военачальниках, политиках или государственных деятелях гораздо больше хронологического порядка, когда речь идет об их великих делах и заслугах, тогда как в биографиях философов, писателей или мыслителей больше повествовательного материала, построенного вокруг их трудов, чтобы показать их идеи и учения. Автор биографии может утверждать, что дает информацию об описываемом им человеке, тогда как на самом деле в своем труде он преследует совсем другую цель — создать апологетику (защитить описываемого человека от критических нападков), полемику (атаковать противников описываемого человека) или дидактику (рассказать об этом человеке его последователям). Подобно этому, евангелия главным образом сосредоточены на учении и великих делах Иисуса, чтобы объяснить читателям веру ранних христиан. Что касается кульминации, то от пятнадцати до двадцати процентов евангелий авторы посвятили последней неделе жизни Иисуса, а также

Его смерти и воскресению; примерно такой же процент мы наблюдаем в биографиях Плутарха, Тацита, Непота и Филострата, поскольку в такой кризисный период герой раскрывает весь свой истинный характер, излагает свое истинное учение или совершает свои самые великие дела. Поэтому в евангелиях и древних биографиях можно проследить существенные сходства в том, что касается как формы, так и содержания.

И, наконец, подробный анализ словесной структуры евангелий и древних биографий показывает еще одну характерную особенность. Каждое предложение в английском языке и в древних языках должно иметь подлежащее — личность или предмет, совершающий действие, выраженное сказуемым. Анализ подлежащих и сказуемых может быть расширен с одного предложения до параграфа, а потом и всей работы в целом. Большинство повествований, как древних, так и современных, имеет большой выбор подлежащих, поскольку постоянно появляются все новые люди и объекты. Отличительной особенностью биографии является то обстоятельство, что внимание все время сосредоточено на одной определенной личности. Поэтому, анализируя древние биографии, я показал, что как минимум четверть, а то и треть всех слов в них имеет непосредственное отношение к *одной* личности, к герою биографии; более того, еще одна характерная черта древней биографии состоит в том, что еще от пятнадцати до тридцати процентов слов могут относиться к высказываниям, речам или цитатам этой личности. То же самое актуально и для евангелий: четвертая часть слов Евангелия от Марка относится непосредственно к Иисусу, а еще двадцать процентов всех слов связано с Его учением и притчами. Примерно пятая часть слов в евангелиях от Матфея и Луки связана с Иисусом, тогда как около сорока процентов слов в этих книгах — это слова, сказанные Им. Около половины слов Евангелия от Иоанна — это либо слова, относя-

щиеся к Иисусу, либо слова, которые Он произнес Сам. Таким образом, мы ясно видим, что, как и в других древних биографиях, дела и слова Иисуса являются жизненно важными для четырех евангелистов, когда они пишут свои портреты Иисуса.

Следовательно, евангелия представляют собой разновидность древней биографии. Когда мы изучаем их, мы проходим по древней портретной галерее. Евангелия стоят в одном ряду с другими древними биографиями — и мы должны изучать их, обращая такое же пристальное внимание на главного героя, чтобы понять, каким именно образом автор выражает свое представление об Иисусе. Евангелия являются христологией в повествовательной форме, или, если говорить проще, историей об Иисусе. Вот почему методы литературной критики так важны для изучения евангелий. Мы должны знать, как они были написаны, что они содержат, как функционируют их повествования. Такие методы помогут нам внимательно вслушаться в эти четыре истории, всматриваясь в каждый портрет, как мы уже всматривались в портреты Черчилля.

Как были написаны евангелия?

Источники

Будучи школьным учителем, я проводил целые вечера за проверками тетрадей учеников. Время от времени я обращал внимание на то обстоятельство, что тот или иной ответ я уже где-то видел или по крайней мере видел что-то очень схожее, после чего я снова начинал просматривать все ответы, которые были в стопке тетрадей передо мной. Когда же я начинал сопоставлять два подозрительно схожих ответа, то сразу можно было увидеть, что один ученик списывал у другого, — и начиналось самое интересное, когда я пытался догадаться, кто у кого списывал! Теперь, когда я преподаю в университете, такое встречается довольно редко, и я этому рад. Однако иногда я все же видел в каких-нибудь эссе золотую

жилу материала, которую я уже узнавал, потому что где-то уже все это было. Последующие абзацы могли отличаться, казаться оригинальными, неповторимыми, после чего опять шли предложения или абзацы, удивительно похожие на те, которые мне попадались на глаза незадолго до этой проверки. Очевидно, что здесь никто из студентов ни у кого не списывал — но как мне объяснить, почему эти материалы похожи друг на друга? Достаточно узнать библиографию этих трудов, как становится ясно, что оба студента пользовались одними и теми же источниками: возможно, они лежали открытыми перед студентами, когда те писали свои эссе. Или, что вероятнее, они просто переписывали выдержки из книги в свои тетради. Независимо от того, произошло ли это осознанно или неосознанно (разумеется, последнее послужит для них большим благом!), но такие студенты в одинаковой степени заслуживают критики в соответствии с нашими представлениями о правдивости и точности. Плагиат — прямое списывание одного ученика у другого или студента из книги — неприемлем в сегодняшнем мире авторских прав. Вместо этого, мы призываем студентов к тому, чтобы они обязательно указывали источники и ставили ссылки на цитаты правильно, с соблюдением всех правил, включая кавычки.

Однако в древнем мире все было не так: в десятиметровом свитке, написанном от руки и не разделенном на абзацы, трудно было найти какую-то ссылку или разделение на параграф, или следование правилам пунктуации! В своем послании (III.5) Плиний Младший описывает те методы, которыми пользовался его дядя, когда писал свою знаменитую «Естественную историю», которую можно назвать современницей евангелиям. У дяди, Плиния Старшего, было несколько «научных ассистентов», образованных рабов, которые читали ему вслух различные свитки, а он делал записи на восковых табличках, из которых потом составлял свой собственный текст.

Свитки настолько громоздки, что перед древним автором можно было раскрыть только один такой свиток — и он, как правило, и был его главным источником. Пользуясь им, исследователь не «списывал» и не «копировал» его, а напротив, дополнял своего предшественника, оценивал его труд, делая его гармоничной частью своего собственного труда.

Если мы должны сравнивать евангелия не с *современными* биографиями, а с древними «житиями», то мы не вправе ожидать того, чтобы евангелисты следовали сегодняшним стандартам исследований; наоборот, они пользовались методами своего собственного времени. Лука строго следует традициям древней литературы, говоря в своем «вступлении» о своих источниках, чтобы «по порядку описать» то, что уже рассказали «бывшие», а также используя устные предания об Иисусе, дошедшие до него от очевидцев и первых проповедников (Лк. 1:1-4). Это типичный прием древней литературы, и он показывает нам, что автор активно использовал другие источники.

Достаточно сказать, что из 661 стиха Евангелия от Марка примерно девяносто процентов встречается в Евангелии от Матфея, а почти половина — в Евангелии от Луки. Тот материал, который встречается во всех трех евангелиях, известен как «тройная традиция»; школьный учитель тут же увидит в этом «плагиат» и попытается выяснить, кто у кого «списал». В то время как подобный подход неуместен для древних источников, мы все же можем спросить, какой из этих источников появился первым, а в каком использовались труды других авторов. Поскольку Евангелие от Матфея в Новом Завете стоит на первом месте, то многие полагали, что оно и написано было первым; Августин рассказывал о Марке как об авторе, который «написал вслед за Евангелием от Матфея, сократив его» (*О единодушии евангелистов*, ii). Однако в прошлом столетии литературные критики высказались о том, что это маловероят-

но по нескольким причинам. Во-первых, тот факт, что Матфей и Лука включили в свои евангелия так много из Евангелия от Марка, и при этом их последовательность повествования совпадает с его последовательностью, подразумевает, что оба автора были независимы в составлении своего материала. Во-вторых, греческий стиль Марка, скорее, примитивен и полон фраз, характерных для арамейской литературы (для языка, на котором во времена Иисуса говорили в Палестине), тогда как Матфей и Лука «улучшают» его греческий текст в тех местах, которые повторяют его повествования. В-третьих, в евангелиях от Матфея и Луки активно представлен и дополнительный материал; если Марк воспользовался евангелиями Матфея и Луки, тогда непонятно, почему он не использовал многое из их повествований. Как школьный учитель выясняет, какой ученик у какого списал, по такой же причине большинство исследователей Библии до сих пор отдают «приоритет» Марку, то есть утверждают, что Марк писал первым.

Более того, еще две с лишним сотни стихов в евангелиях от Матфея и от Луки находятся в обоих евангелиях — итак, кто у кого их копировал, Матфей у Луки или наоборот? Этот материал «двойной традиции» большей частью состоит из изречений и притч Иисуса; в Евангелии от Матфея этот материал собран в своего рода разделы, такие как Нагорная проповедь (Мф. 5:1 — 7:27), тогда как в Евангелии от Луки они разбросаны по всему евангелию. Если один скопировал эти стихи у другого, то подобную разницу в порядке трудно понять. Кроме того, почему тогда остальной материал из одного евангелия не встречается в другом? Таким образом, представляется маловероятным то, что здесь имеет место прямое копирование одним евангелистом труда другого, как это иногда делают школьники. Более вероятным представляется тот факт, что евангелисты, подобно моим студентам, независимо друг от друга пользова-

лись одним и тем же источником. Многие исследователи полагают, что Матфей и Лука обращались к одному источнику — собранию высказываний Иисуса, которое ходило в ранних христианских церквях и известно как «Q», от германского слова *Quelle*, или «источник». Однако поскольку этот источник до наших дней не сохранился, о его существовании и о его масштабах до сих пор ведутся споры. Если учесть, что только около половины этих общих для двух евангелий стихов совпадают дословно, то «Q» могло включать в себя только эти стихи, если, конечно, оно вообще существовало; другая сотня с лишним стихов, судя по всему, пересказывает похожие истории другими словами, и в таком случае эти повествования появились в евангелиях от Матфея и Луки независимо, через устную традицию (устное предание).

После тройной традиции, характерной для всех трех евангелий, и двойной традиции, характерной для евангелий от Матфея и Луки, мы переходим к «одинарной традиции» — материалу, который встречается только в каком-то одном евангелии. Уникальным материалом Евангелия от Матфея являются истории о рождении Иосифа и Иисуса, о визите волхвов, различные разделы учений, а также некоторые подробности о последней неделе жизни Иисуса и о Его воскресении. Только в Евангелии от Луки мы встречаем повествование о рождении Иоанна Крестителя, о возвещении Марии о предстоящем рождении Иисуса, о визите пастухов, множество известных притч и собственное описание Иисусом распятия и воскресения. Источники этих материалов неизвестны: возможно, что эти истории были особенно дороги для церквей евангелистов, или же это были плоды их собственных изысканий (Лк. 1:1-4), или же это была устная традиция, которая дошла до одного из них, но не дошла до других.

Наконец мы подходим к четвертому евангелию. Традиционно считалось, что автор этого евангелия

знал три остальных: в конце второго столетия Климент Александрийский предполагал, что Иоанн написал «духовное евангелие», чтобы дополнить «физические» факты, содержащиеся в остальных (Евсевий, *История церкви*, VI.14.7). На самом деле пересечение Евангелия от Иоанна с остальными не так уж и велико — тот его материал, который мы видим и в других евангелиях, составляет менее десяти процентов от всей книги. Контраст между тем, чего нет в четвертом евангелии (например, преобразование, изгнание бесов, притчи, институт святого причастия [хлебопреломление] во время тайной вечери), и новым материалом, который мы читаем в нем (Никодим, Лазарь, длинные беседы), наводит большинство исследователей на мысль о том, что это евангелие было написано отдельно от трех остальных. Всякое совпадение с другими евангелиями лучше всего объяснить устными традициями об Иисусе, которые пришли к евангелисту независимо.

Поэтому нынешний консенсус среди исследователей евангелий относительно того, какая существует связь между евангелиями, состоит в следующем: Евангелие от Марка было написано первым; Матфей и Лука пользовались Евангелием от Марка и другим источником, «Q», а также своими собственными материалами; Евангелие же от Иоанна было написано независимо от трех остальных и, вероятнее всего, позднее трех остальных. Это можно представить себе так, как это изображено на рис. 2.

Возможны и другие объяснения. Августин считал, что Евангелие от Матфея было написано раньше остальных, затем было сокращено Марком, а впоследствии Лука пользовался обоими евангелиями при написании своего. В 1776 году Грисбах опубликовал свое видение этой последовательности и предположил, что Евангелие от Матфея было написано первым, за ним было написано Евангелие от Луки, а потом Марк использовал материал этих двух евангелий, когда создавал свое. Из обеих этих теорий оста-

ется непонятным, почему Марк не использовал очень многое из весьма богатого материала других евангелий — поэтому подавляющее большинство исследователей все-таки отдает Марку приоритет в хронологии написания евангелий. В более позднее время стали высказывать предположение, что Марк написал первым, вторым по времени автором был Матфей, а потом Лука, который использовал материал двух предыдущих авторов. Такой подход снимает проблему использования источника «Q», поскольку двойной материал объясняется тем, что Лука использовал материал Матфея; проблема остается в неясности того, почему тогда Лука не использовал очень многое из Евангелия от Матфея, так экстенсивно переработав то, что у него было.

Поскольку эти теории не столько дают ответы, сколько поднимают все новые вопросы, мы будем иметь в виду представленный выше консенсус, когда будем пытаться понять четыре портрета Иисуса. Если мы будем помнить об использовании представленных ниже источников и о возможности свободно их редактировать, а не будем думать о них с точки

Рис. 2. Согласованное объяснение взаимоотношений евангелий.

зрения современных стандартов написания работ, нам откроются интересные идеи относительно того, как каждый из авторов евангелий подает известный ему материал.

**Какого рода материалы
содержатся в евангелиях?**

Формы

Дэвид Уотсон был очень красноречивым и талантливым оратором, который иллюстрировал свои выступления историями, анекдотами и шутками, используя тот же самый материал и в своих книгах. Я слушал его выступления и читал его книги, когда был студентом; часто какая-то знакомая мне история сразу бросалась в глаза. Эта история могла начаться как-то по-другому, в зависимости от конкретной обстановки и темы выступления, но ее конец и мораль, как правило, оставались неизменными. То же самое можно было сказать и о его шутках: персонажи и диалоги могли меняться в зависимости от потребности аудитории — но главная канва шутки оставалась одной и той же. Когда в 1984 году Дэвид умер от рака, его собрание историй, иллюстраций, анекдотов и шуток было систематизировано, и некоторые из этих материалов были впоследствии опубликованы.

У большинства проповедников и учителей, не говоря уже о комиках и актерах, есть подобные кладези своих историй. Шмидт и Бультманн заметили, что нечто подобное можно сказать и о евангелиях. Они состоят из отдельных маленьких историй, на каждую из которых уходит не более двухсот слов и которые тесно связаны между собой в единое повествование. Шмидт указывал на «стыки» в начале каждой истории, которые соединяли эту историю с предыдущей. Каждую историю можно было «вырезать» из повествования и рассматривать как самостоятельную — отсюда технический термин, обозначающий отрывок из евангелия, *pericope*, происходящий

от греческой фразы *peri-sorto*, что дословно означает «вырезать вокруг». Более того, эта особенность евангелий хорошо известна в литургии или в чтении Библии, где мы «вырезаем» какую-то отдельную историю из евангелия, чтобы использовать ее в богослужении или для иллюстрации какого-то учения.

Это наглядно иллюстрируют первые главы Евангелия от Марка. Прочитав о начале служения Иисуса, мы знакомимся с историей об исцелении прокаженного в Мк. 1:40-45: она начинается просто с того, что «приходит к Нему прокаженный...», и при этом не указывается конкретное место или время. Потом следует целый ряд отдельных историй, некоторые из которых (но не все) рассказывают об исцелении; однако все они заканчиваются противостоянием между Иисусом и иудейскими руководителями — Мк. 2:1-12; 13-17; 18-22; 23-28; 3:1-6. Затем, в четвертой главе, мы видим другой ряд историй — это притчи о Царстве Божьем: притча о сеятеле (Мк. 4:2-9), ее толкование (Мк. 4:10-20), притча о свече и о мере (Мк. 4:21-25), о растущем семени (Мк. 4:26-29), о горчичном зерне (Мк. 4:30-32), и все это заканчивается «обобщением» о том, как Иисус использует эти притчи, о чем мы читаем в Мк. 4:33-34. Создается впечатление, будто Марк вытащил из своего каталога группу *pericorae*, или разделов, находившихся в папке «Конфликтные истории», а также другой набор, который называется «Притчи», после чего соединил их вместе.

Отсюда мы видим, что такие «критики формы», как Бультманн и Шмидт, анализировали истории евангелий по их *формам*. Мы сразу отличаем сказку от новостей по первым же словам — «Давным-давно жили-были...» и «Добрый вечер, в эфире новости к этому часу...», — и мы ожидаем, что и дальше они будут развиваться в соответствии со своими формами: в сказке мы знакомимся с людьми и разными мифическими созданиями, а конец сказки, как правило, счастливый, тогда как в новостях мы услы-

шим о том, какие события произошли на земле за последние несколько часов. Подобным образом мы можем классифицировать различные разделы евангелий. Есть *истории о чудесах*, в том числе о чудесах природы (например, буря в Мк. 4:35-41) и исцеления (Мк. 3:1-6), и такие истории часто имеют тройную форму описания: ситуации, чуда и благополучного результата. Есть отдельные *высказывания* без какого-либо очевидного контекста (например, Мк. 2:21-22). Есть *притчи*, истории с определенной моралью, рассказанные Иисусом (Мк. 4). Есть *истории-провозглашения*, в которых вопрос или споры с фарисеями приводят к определенному утверждению, сделанному Иисусом — так, в Мк. 2:23-28 стих 28 является кульминацией подобной истории.

Как Дэвид Уотсон многократно пользовался разными историями, чтобы иллюстрировать свои выступления, так и эти истории рассказывались и пересказывались первыми христианами, когда они учили и проповедовали. Если мы будем классифицировать их таким образом, это даст нам представление о том поколении, которое жило между Иисусом и написанием евангелий — так называемый «устный туннель». Тогда мы сможем представить себе, какую жизнь вели ранние церкви, когда христиане прибегали к этим историям и к тем вопросам, которые в них поднимались. Иоанн говорит о сотворенных Иисусом «других чудесах, о которых не писано в книге сей» (см. Ин. 20:30; 21:25). Этот устный материал передавался из церкви в церковь посредством проповедей, учений и наставлений, и рассмотрение «форм» может помочь нам понять, почему они сохранились. Поскольку мы мало что знаем об этих ранних церквях, нам необходимо остерегаться логических ошибок и «замкнутых кругов», выводя из истории определенную информацию и затем используя ее для толкования этой истории! Более того, не все материалы, которыми мы располагаем, так легко подходят под эти формы, а некоторые подходят

под несколько форм. Однако при тщательном исследовании рассмотрение форм или типов отрывков из евангелий помогает нам понять, как эти истории использовались, каково было их практическое значение для церквей, когда первые учителя стремились снова и снова истолковывать Личность и учение Иисуса, как это всегда делали проповедники. Эти представления помогут нам понять, как евангелисты выстраивали свои портреты Иисуса, опираясь на эти истории в своих церквях и в своих источниках.

**Что можно сказать
об авторах?**

*Редактирование
и композиция*

Я не всегда могу читать свою любимую газету во время перерыва на кофе в нашей общей комнате на работе, потому что к тому времени, когда я туда подхожу, уже кто-то другой может взять ее для чтения! Но это не беда, ведь на столах лежат другие газеты, а чтение разных газет показывает, что у них разные стили и точки зрения. Просмотр трех или четырех газет и сравнение их содержания может оказаться увлекательным занятием (но лучше не делать этого во время короткого перерыва!). Несмотря на то, что все они повествуют об одних и тех же событиях, следуя одним и тем же стандартам и законам журналистики, в разных статьях все же можно увидеть существенные различия, особенно в контексте политических дебатов. Одна газеты всегда будет выражать интересы правительства, а другая — интересы оппозиции; взгляды одного редактора будут явно консервативными, тогда как у другого они будут либеральными. Прочие могут быть известны своим пристальным вниманием к определенным вопросам и проблемам, таким как окружающая среда или расизм, и тогда их статьи будут освещать именно эти аспекты общественной и политической жизни. Часто такие предпочтения выражаются очень

тонко, едва заметно — путем использования самых разных слов, сменой основной темы в повествовании или посредством достижения суммирующего эффекта через публикацию ряда последовательных статей в нескольких номерах газеты. Ничего зловещего или закулисного в таких делах нет: люди знают, какие интересы отражает та или иная газета, поэтому они могут сделать выбор по своему усмотрению. Даже в самом правдивом отражении текущих событий неизбежны определенные элементы толкования. И потому, как авторы статей рассказывают и выстраивают свои истории, мы узнаем, как они истолковывают события.

Если это актуально для современных репортажей, то тем более это было актуальным для авторов евангелий, когда они толковали повествование об Иисусе для своих церквей в другие времена и в других местах. Пристальное внимание, которое критики формы уделяли отдельным отрывкам из евангелий (*pericorae*), приводит к тому, что упускается из вида вся картина евангелия в целом. Евангелисты рассматриваются не как авторы, а как секретари, записывающие истории, переданные им из устных традиций; они используют «ножницы и клей», чтобы составить вместе написанное так, как оно к ним пришло, подобно тому, как мы нанизываем бусинки на нитку, беря при этом первые попавшиеся. На самом деле, то, каким образом редактор составляет свою газету, очень важно; и собранные на нитку бусинки могут сформировать совершенно разные на вид украшения, и при этом не все будут выглядеть одинаково красиво. Целая картина является более важной, чем просто сумма частей.

В 50-е и 60-е годы XX века, наряду с критикой формы, развился метод анализа редакций (от немецкого слова *Redaktion*, означающего редакторскую работу). Если мы положим три варианта одной и той же истории, изложенной Марком, Матфеем и Лукой, рядом друг с другом, то нам будет легко увидеть

те изменения, которые сделали Матфей и Лука в своих вариантах того источника, которым они пользовались — Евангелия от Марка. «Синоцсис» (от греческих терминов *syn*, «вместе», и *opt*-, «видеть») этих трех «синоптических» евангелий, выстроенный в параллельных колонках, является важным инструментом комплексного рассмотрения евангелий. Гюнтер Борнхамм в своей классической статье «Власть над бурей в Евангелии от Матфея», написанной в 1948 году, показал, что повествование Матфея о том, как Иисус утихомирил бурю (Мф. 8:23-27), по-новому интерпретирует историю Марка о природном чуде (Мк. 4:35-41), превращая ее в преподанный ученикам урок о том, что Иисус способен спасти Своих последователей от тех бурь, которые бушуют вокруг них; таким образом, изначальная история стала больше соответствовать нуждам первых христиан. Такой подход все меняет: теперь евангелист является проповедником, пытающимся показать людям свое видение Иисуса, богословом, доносящим до читателей свое понимание.

В течение последующих десятилетий метод анализа редакций добился заметных успехов в понимании каждого из евангельских портретов Иисуса. Недостаточно просто рассмотреть едва заметные изменения, которые каждый из евангелистов, вероятно, сделал, работая над своими источниками. Нам необходимо также смотреть и на всю картину в целом, на главные идеи, к которым евангелисты то и дело возвращаются, отметить их любимые слова и фразы, проанализировать их лексику и образы — точно так же, как мы делаем, когда составляем мнение о направленности газеты по тем словам, которые в ней представлены, по характеру ее репортажей или по тем историям, которые она освещает. Эта книга является упражнением по использованию метода анализа редакций, поскольку в ней представлена попытка избежать сведения четырех портретов Иисуса к наименьшему общему знаменателю, а также стре-

мление рассмотреть в отдельности толкование каждого евангелия.

Вначале метод анализа редакций помог нам понять евангелистов как таковых просто через рассмотрение богословских идей в их индивидуальной письменной работе. Однако в более позднее время этот метод также показал их мастерство как художников слова. И здесь важно было рассмотреть не только то, чему автор больше всего уделяет внимания в той или иной истории. Не менее интересным и важным представляется то, как автор выстраивает структуру своей работы; разноцветные бусинки на нитке, расположенные в ином порядке, образуют другую картину. *Анализ композиции* обращает внимание на то, как автор выстраивает или упорядочивает свое повествование. Мы уже увидели, как Марк собрал вместе две разновидности историй — о конфликте (глава 2) и притчи (глава 4), — чтобы показать деятельность Иисуса в начале Его служения. Матфей организовал свое евангелие вокруг пяти основных тем учения Иисуса, самой главной из которых является Нагорная проповедь. Евангелие от Луки построено по географическому принципу: от служения в Галилее и вокруг нее (Лк. 4:14 — 9:50), далее, через длинный рассказ о путешествии Иисуса в Иерусалим (Лк. 9:51 — 19:27), до завершающего раздела, в котором рассказывается о смерти и воскресении Иисуса в Иерусалиме. В Евангелии от Иоанна представлен совсем другой географический принцип, согласно которому Иисус был в Иерусалиме несколько раз. Композиционная техника Иоанна связывает воедино чудеса Иисуса с долгими разъяснениями их значения и смысла. Например, за историей о насыщении пяти тысяч человек (Ин. 6:1-14) последовал разговор о хлебе жизни (Ин. 6:25-59). Выстраивая свой материал таким образом, авторы действуют как художники-портретисты, которые окружают главный объект своей живописи людьми и предметами так, чтобы выразить свое представле-

ние о нем. Чтобы в полной мере понять все то, что автор хочет сказать об Иисусе, нам нужно обратить пристальное внимание на то, как пишет каждый евангелист, как он использует свои источники, как и в каком порядке он излагает свой материал.

Литературный подход к текстам

Повествование и читатели

Если авторы четырех евангелий являются не просто проповедниками и богословами, но и талантливыми художниками слова, тогда мы должны использовать те инструменты, которые получили развитие в процессе изучения литературы в нашей культуре. Такие литературные подходы включают в себя трехсторонние отношения: автор, читатель и текст, находящийся между ними. Слишком часто исследователи евангелий обращают внимание только на что-то одно из этого списка, забывая обо всем остальном. Но если мы хотим понять всех четырех художников-портретистов, нам нужно обратить внимание на самих авторов, на то, как они изложили свои труды, а также на то, какую ответную реакцию это вызывает у нас.

Собственно в текстах евангелий авторы практически не видны: только в начале Евангелия от Луки (Лк. 1:1-4) и в конце Евангелия от Иоанна (Ин. 20:30-31; 21:25) мы видим краткое упоминание авторами самих себя. Однако, как и большинство древних биографий, эти евангелия написаны как последовательное прозаическое *повествование*; и поэтому у каждого текста есть «повествователь» — тот, кто «рассказывает историю». Внимание к авторам евангелий как к рассказчикам полезно, потому что в их небольших репликах, наблюдениях или комментариях полнее раскрывается их взгляд на Иисуса. Так, когда Матфей использует отрывок Мк. 1:32-34, посвященный началу целительства Иисуса, повествователь указывает на то, что это все было совершено

ради того, чтобы исполнилось ветхозаветное пророчество (Мф. 8:17). Из частых комментариев подобного рода становится ясно, что Матфей стремится подчеркнуть, как Иисус осуществляет пророчество, и тем самым он показывает Его портрет так, как это не было сделано авторами остальных евангелий.

Для любого повествования необходим *сюжет* — последовательность событий, позволяющая персонажам и истории развиваться в определенном направлении. Главным для большинства сюжетов является *конфликт*, который задает движение, усиливает напряжение и ведет к кульминации, которая, в свою очередь, оборачивается либо благополучным, либо печальным концом. Все четыре евангелия рассказывают о растущем конфликте между Иисусом и религиозными лидерами, а авторы нагнетают напряжение, показывая попытки врагов уличить Иисуса и Его умение уходить от преследований — пока в последних главах мы не узнаем об аресте, допросах и смерти Иисуса. В каждом евангелии этот главный сюжет представлен с незначительными изменениями, и при этом в каждом евангелии раскрывается свой портрет Иисуса. Сюжеты и персонажи, события и конфликты нужно излагать в рамках определенной *структуры*; структурные подходы к литературе указывают на то, что главные структуры подразумевают творческое противоречие между отправителем и получателем, субъектом и объектом, помощником и противником и так далее. Используя эти термины, мы можем видеть, как евангелисты показывают Иисуса в качестве Божьего Посланника, пришедшего для того, чтобы помочь нам, или как Ему помогают или противостоят в Его служении все те люди, с которыми Он имеет дело. Тем самым мы продолжаем раскрывать те портреты, которые были написаны евангелистами. Поскольку публичная речь играла ключевую роль в древности (где не было ни телесвидения, ни других СМИ), важную часть классического образования того времени отводили изучению *ри-*

торики — умению использовать речь для того, чтобы воздействовать на слушающих во время судебных тяжб или на общественных собраниях. Поэтому не стоит удивляться тому, что в евангелиях мы встречаем различные приемы риторики и другие *литературные приемы*: в них мы найдем повторяющиеся литературные модели или мотивы, символы или персонажи, построение времени и места и многое-многое другое. Литературный анализ в настоящее время является одним из самых интересных и быстро развивающихся способов рассмотрения текстов евангелия.

После того как мы кратко поговорили об авторах и текстах, теперь нам необходимо обратить внимание и на *читателя*. Когда я приготовил первоначальное предложение по этой книге, мой литературный агент спросил, на какого читателя я рассчитываю — или, если говорить на сегодняшнем жаргоне, на какой именно «рынок». Каждый автор нацелен на определенную аудиторию, то есть на тех людей, для которых его работа предназначена в первую очередь. Древняя литература часто посвящалась какому-то определенному читателю, обычно богатому спонсору или покровителю, о чем специально говорилось в прологе или эпилоге. Предисловие в Евангелии от Луки упоминает имя Феофила, и обращение к нему идет во втором лице в единственном числе, но сама книга предназначалась для гораздо более широкого круга читателей — как и я надеюсь, что эту мою книгу будут читать отнюдь не только две мои дочери, которым я ее посвятил! Иоанн обращается в конце своего евангелия во втором лице во множественном лице с намерением, «дабы вы уверовали» (Ин. 20:31). Мы попросту не знаем, кто такой был Феофил, как не знаем и тех людей, для которых писали евангелисты. В самом деле, хотя мы и говорим о «читателе», для того чтобы древние тексты были опубликованы, нужно было прочитать их вслух группе слушателей; если образованные рим-

ляне использовали подобные чтения в качестве средства для послеобеденного развлечения, то евангелия, вероятно, зачитывались на богослужениях перед собраниями верующих людей.

Авторы книг могут писать для специальной группы людей, *избранного читателя*, и в тоже время мы можем составить представление об этом *подразумеваемом читателе* — по характеру текста, по тем людям, которых авторы имеют в виду, когда пишут свои книги. Так, Матфей все время упоминал об исполнении иудейского пророчества, и поэтому можно предположить, что его подразумеваемыми читателями могут быть иудеи, или те люди, которые знают иудейское Писание; поскольку Лука этого не делал, он, вероятно, писал для язычников. Если мы хотим в полной мере увидеть разные портреты евангелистов, мы должны понять мировоззрение тех читателей, для которых они пишут, и тогда мы сможем обратить внимание на те незаметные детали, которые не видим, если читаем евангелия с позиций XX века. Наконец, мы сами являемся *действительными читателями* этих текстов — и они предъявляют к нам определенные требования. Евангелия призывают читателей войти в их мир, прислушаться к словам Иисуса, стать свидетелями Его великих дел, обрести их представление о Нем и задать самим себе те же самые вопросы, которые задают люди в этом тексте: «кто же Сей?» (Мк. 4:41) или «что же я сделаю Иисусу?» (Мф. 27:22). Иными словами, они являются теми портретами, которые призывают нас откликнуться, заняв свое место в картине. От нас ожидается не просто восхититься художественным творчеством, а потом перейти в другой зал к просмотру новой коллекции.

Более того, мы далеко не первые люди, которые читают эти тексты или восхищаются их художественными достоинствами. Библия была самой читаемой и популярной книгой во все времена и во всех культурах, и она постоянно изменяла жизни людей

и ход всей человеческой истории. Если традиционные методы исследования Библии обращали главное внимание на авторов и на тех, для кого их работы предназначались, более современный «акцент на читателя» возродил интерес к тому, как эти книги воспринимались в те века, и к их воздействию на читателей. Для таких книг, как Библия, смысл раскрывался не с самого начала; их важность и более глубокое понимание этих текстов выходили на свет постепенно, с течением времени. В последние годы исследователи Библии снова стали задумываться над тем, как эти книги воспринимались — эта область исследования известна как *Wirkungsgeschichte*, или «влияние истории». Это значит, что мы не просто переосмысливаем прямо из текста в сегодняшний день, а смотрим на всю историю толкования Писания в течение двух тысячелетий. Это подразумевает рассмотрение древних комментариев и того, как отцы церкви использовали эти книги, как каждый отрывок использовался более поздними богословами и писателями, такими как Фома Аквинский. Толкование Библии было в центре дебатов в эпоху Реформации, поэтому очень важно рассмотреть, как Лютер или Кальвин читали ключевые отрывки, а потом изучить эту историю в свете теорий современных богословов и исследователей.

Однако евангелия в первую очередь читали не богословы, а целые поколения художников, поэтов, музыкантов, проповедников — а более всех их читали так называемые «обычные» мужчины и женщины. Поэтому лучшим описанием является «анализ воздействия» — рассмотрение того воздействия, которое оказали эти истории на людей. Итак, недостаточно просто взглянуть, например, на страсти — повествования евангелий о страданиях и смерти Иисуса — с точки зрения их литературных форм, или того, как каждый евангелист описал их, или замысла этого повествования и так далее. Мы должны проследовать за историей через ее воздействие — через

интерпретации богословов, картины и скульптуры великих мастеров, понимание страстей такими композиторами, как Бах, и даже то, как Голливуд истолковал эту историю в многочисленных фильмах. Насколько удачными были все эти толкования? Как они были восприняты? И, что самое главное, как они изменили жизнь людей? Такой взгляд на воздействие и влияние евангелий оказывается полезным корректирующим фактором для многих слишком изолированных научных исследований, потому что эти истории стоят в одном ряду с самыми важными и «бессмертными» историями в мире. Поэтому нам нужно уважать их и оказывать им самое искреннее почтение.

Творчество и богодухновенность

Анализ Писания

Возможно, некоторые наши читатели, дойдя до этого места, могут подумать, что все это прекрасно, но, пожалуй, это уже чересчур! В картинной галерее иногда разумно время от времени присесть и перевести дух. Пока что мы увидели, что четыре евангелия подобны четырем портретам Иисуса, и нам нужно внимательно рассмотреть каждый из них, чтобы понять его особую весть. *Жанром* евангелий является древняя биография, потому что в них мы видим большое количество тех же особенностей, что и в греко-римских биографиях. Уже один этот факт должен заставить нас внимательно прислушаться к отдельным портретам Иисуса, поскольку биография направлена на то, чтобы рассказать нам что-нибудь о человеке. Затем мы обратили внимание на различные инструменты, используемые исследователями: *анализ источника*, исследующий источники евангелий и то, какой автор каким из них пользовался; *критику формы*, рассматривающую различные типы отдельных отрывков; *анализ редакций*, обращающий наше внимание на евангелистов, как на реда-

кторов своего материала, и заставляющий нас смотреть на них как на авторов, думающих о *композиции* своего повествования; *литературный анализ* — анализ текста, сюжета, структуры, риторических приемов и места *читателя*. И наконец, мы говорили о необходимости рассмотрения всей *истории* их *воздействия* на людей и культуры. Все это является полезным подспорьем, когда мы стоим перед евангельскими портретами Иисуса, хотя мы и можем прикрыться отговоркой, будто у нас уже ноют ноги!

Однако других читателей может насторожить сам факт «критического анализа»: «Как мы смеем критиковать то, что миллионами людей уже воспринято как Священное Писание?» Все эти литературные методы и инструменты использовались в изучении светской литературы, при рассмотрении чисто человеческих произведений, так можно ли их использовать применительно к тому, что мы признаем как богодухновенный труд? К тому же, является ли неоднократное использование таких слов, как «композиция» и «творчество» корректным по отношению к тому, что написано евангелистами? Такие вполне искренние вопросы иногда задают исследователям евангелий. И хотя их можно понять, такие комментарии подразумевают, что Писание было продиктовано Богом без какого-либо участия человека; то есть, участие земных авторов сведено к роли автоматов, взятых Богом и используемых как пишущие машины. Если все действительно так и было, тогда такие слова, как «критический анализ» и «композиция», в данном случае действительно не имеют смысла. Однако я не верю в то, что подобное представление о богодухновенности действительно является христианским. Такое учение об автоматическом написании больше характерно для оккультизма, и хотя представления о «диктовке Бога» и встречаются в других священных книгах, в Библии мы их не находим.

Сам Новый Завет может это наглядно показать. Как мы уже видели, Евангелие от Луки начинается с предисловия автора, похожего на те, которые мы можем найти в классической литературе. Очевидно, его побудило написать евангелие человеческое решение: прочитав повествования других людей, «рассудилось и мне» или «я тоже решил» написать книгу (Лк. 1:3). Во 2 Пет. 1:21 говорится о том, что библейское пророчество является сочетанием авторства человека и Бога, когда «изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым», а используемое здесь слово *pheromenoi* означает «превознесенное» или «движимое», а не гонимое под принуждением, вдохновение, а не доминирование. Даже знаменитый отрывок 2 Тим. 3:16-17 говорит, что «все Писание богодухновенно» (*theopneustos*, что буквально означает «вдохновленный Богом») для практической пользы: оно полезно для наставничества, обличения, исправления и обучения, чтобы подготовить христиан к доброму труду. Это именно то, что, согласно положениям методов критического анализа, сделали евангелисты — они взяли эти материалы и истолковали их в соответствии с нуждами и потребностями церквей и читателей. Поэтому библейская точка зрения на само Писание подразумевает сочетание решения человека и Божьего вдохновения, совершенно нормальных литературных методов, направленных на то, чтобы донести до читателей духовное учение. Таким образом, эти методы и приемы критического анализа необходимы, если мы, представители своего поколения, хотим правильно понять, что именно написали люди, «движимые Духом Святым», которые жили давным-давно, в другой культуре и в другое время.

Более того, здесь нам можем помочь классическое представление о Боге как о Троице. Если Бог Отец является Творцом, значит, Он является источником всякого творчества; если же мы посчитаем, что евангелисты работали творчески, то это вовсе не подразу-

меваает «придумывание», но творческий ответ человека Творцу всего сущего. Если Бог Сын был воплощен как человек в полном смысле этого слова, но при этом не перестал быть Богом, тогда совершенно естественным выглядит рассмотрение евангелия как Божьего Слова, выраженного человеческими словами; критический анализ человеческой композиции в евангелиях помогает нам понять их весть. Такие инструменты могли бы доказать или опровергнуть богодухновенный характер Писания с таким же успехом, с каким рентгеновские лучи или медицинское обследование человеческого тела Иисуса могло бы доказать Его божественную природу. В-третьих, если Бог Святой Дух дарит людям жизнь и является источником всякого вдохновения, значит, Он был вдохновением для ранних христианских пророков, учителей и проповедников, несущих слова воплощенного и воскресшего Иисуса своим общинам, а также вдохновением для евангелистов, составлявших свои евангелия, ранних отцов, подтверждавших канон Писания — и даже, вероятно, смиренных исследователей Писания, пытавшихся истолковать Личность и учение Иисуса своему поколению, опираясь на евангелие.

Таким образом, литературного критического подхода к евангелиям требуют само Писание и представление о Боге как о Святой Троице: это библейский способ прочтения Библии, а также литературный способ прочтения литературы! Для того чтобы сесть у ног евангелистов и представить себе четыре портрета Иисуса, необходимы все наши умения и качества — сердце, ум, молитва и упорный труд. Нет смысла отрицать, что есть трудные вопросы — такие как связь составленных портретов евангелистов с личностью Самого Иисуса, а также то, в одинаковой ли степени ценны все портреты — но мы вернемся к этим вопросам в нашей последней главе, после того как сможем использовать все технические приемы и рассмотреть в евангелиях четыре портрета Иисуса.

Четыре живых творения

Символы евангелий

Что представляют собой четыре портрета Иисуса и как нам избежать путаницы? Традиционным наглядным пособием для создания этих четырех живых образов служит видение Бога, представленное Иезекиилем (Иез. 1:10). В соборе и церквях того места, где я живу, эти четыре символа встречаются везде — они изваяны в камне кафедр, подсвечены в витражах окон, изображены на фресках, вырезаны в деревянном обрамлении потолков. Часто они сопровождаются названиями евангелий или подписанными снизу именами евангелистов: у св. Матфея лицо человека, у св. Марка голова рыкающего льва, св. Лука изображен в виде терпеливого вола, а св. Иоанн — в виде остроклювого орла. Когда я занимался исследовательской работой и написанием этой книги в Соединенных Штатах, я находил эти образы всюду, от помещений часовни Общей богословской семинарии Нью-Йорка до лектория Южного университета в Сьюани, штат Теннесси, от витражей католического собора в Олбани, столице штата Нью-Йорк, до церквей канадского Ванкувера. Почему же эти образы так широко распространены и что они означают?

Происхождение этих четырех символов берет свое начало от видения пророка Иезекииля и его призыва (Иез. 1:4-28), а также видения св. Иоанна, когда он увидел открытую дверь, ведущую в небеса (Отк. 4). В обоих видениях творения, окружающие престол Бога, представлены в виде четырех образов — лика человека, льва, вола и орла. Иезекииль видел скульптурные изображения, описывающие божественные или полубожественные образы в виде животных у ассирийцев или вавилонян. Часто они отождествлялись с четырьмя ветрами или четырьмя сторонами света, и этими образами были, к примеру, Нергал — крылатый лев, Мардук — крылатый бык,

Небо (или Набу) — человек, и Ниниб (или Нинурта) — орел. Тем не менее, существа из видения Иезекииля являются служителями Бога, а не богами, и по форме своей они являются людьми (Иез. 1:5), несмотря на их лики (Иез. 1:10). Иудейская раввинистическая традиция предполагает, что каждое из этих существ избрано в соответствии со своим предназначением: человек является венцом творения, лев — царь диких животных, вол главенствует среди домашних животных, а орел летает выше всех прочих птиц; каждая тварь властвует в своей сфере, но все они ниже престола Самого Бога (см. мидраш Исх. 15:1, *Шемот Равва* 23:13). Львы, волы и херувимы были изображены на подставках под сосуды в храме (3 Цар. 7:29), а золотые херувимы охраняли ковчег во Святом-святых (3 Цар. 6:23-28), и эти образы определили характер видения Иезекииля, так же как и Исаии (Ис. 6:1-2).

Видение небес в четвертой главе Откровения вдохновлено многими ветхозаветными видениями, в том числе и видением, о котором мы читаем в первой главе книги Иезекииля. В видении Иезекииля участвуют четыре живых существа, у каждого из которых четыре лика: человеческий лик спереди, лик льва справа, лик вола слева и лик орла сзади (Иез. 1:6,10). В Отк. 4:7 четыре животных представлены в иной последовательности — первое «подобно льву», второе «подобно тельцу», третье «имело лице, как человек», а четвертое «подобно орлу летящему». Эти четыре существа быстро стали символами четырех евангелистов в ранней церкви — но есть два основных варианта, согласно которым человеческий лик символизирует Матфея, а вол Луку, тогда как символы Иоанна и Марка меняются.

Ириней, епископ Лионский, в конце второго столетия от Р.Х., был яростным защитником христианской веры. В своем великом труде «Против ересей» он стремится исправить неправильные представления и защитить истину от заблуждений. Он прекра-

сно понимал, что разнообразие евангелий может быть использовано для предположения, что ни одно отдельно взятое евангелие не является совершенным. Он утверждает, что необходимо наличие *четырех* евангелий, не больше и не меньше, потому что в мире существуют четыре стороны света, четыре ветра, четыре херувима и четыре завета (Адама, Ноя, Моисея и Христа — *Против ересей*, III.11.8-9). Хотя сегодня такой аргумент вряд ли покажется нам убедительным, во втором столетии он казался весьма сильным! Ириной говорит, что четыре лика являются «образами характера Сына Божьего», и придает человеческий лик Матфею, львиный — Иоанну, вола — Луки, и орлиный — Марку. Как появилось именно такое представление?

Мы уже говорили о том, что каждое евангелие занимает почти целый свиток пергамента. Если два евангелия еще можно уместить в один свиток (если писать очень мелко), то четыре евангелия в один свиток уже никак не поместились бы. Для единого собрания четырех евангелий потребовалось появление во втором столетии от Р.Х. кодекса, или книги, состоящей из отдельных листов или страниц, сшитых или склеенных вместе. Таким образом, объединенные вместе четыре евангелия появились примерно в 150 — 180 году от Р.Х., когда ранние христиане составили такое собрание текста. Существует две главные традиции относительно *последовательности* евангелий. Порядок *Матфея — Иоанна — Луки — Марка* известен как «старая латинская», или «западная», последовательность, потому что именно она чаще всего была представлена в ранних латинских манускриптах, а также среди писателей и церквей западного Средиземноморья. Вероятно, это произошло в результате того, что приоритет был отдан двум апостолам (Матфей — Иоанн), а после них шли уже сподвижники апостолов, среди которых очередность определялась продолжительностью евангелий (Лука — Марк). Будучи епископом Лион-

ским, в южной Франции, Иринея пользовался западной последовательностью, а его приложение символов является результатом использования последовательности Иезекииля, следовательно:

человек лев вол орел = Иез. 1:10
 Матфей Иоанн Лука Марк = старая латинская,
 или западная,
 последовательность

Отсюда мы видим, что четыре символа применительно к евангелиям использовались едва ли не с самого начала существования церкви. В изначальной версии Комментариев к Откровению Викторина Петавского (300 год от Р.Х.) также был представлен этот порядок. Епископ Миланский Амвросий в 390 г. от Р.Х. также применил эти символы к евангелистам в западной последовательности, в которой лев символизировал Иоанна, а орел — Марка (см. *Изложение Евангелия от Луки* Амвросия, пролог 7-8).

Однако это был не единственный вариант. Тот порядок евангелий, который мы знаем по нашим Библиям, — *Матфея — Марка — Луки — Иоанна*, — впервые появился во фрагменте, известном как канон Муратори, датированном 170 — 200 годом от Р.Х. Такой последовательностью издавна пользовались греческие богословы в Восточном Средиземноморье. Феофил, современник Иринея, написал комментарий к четырем евангелиям, в котором он полагал, что лев символизирует Марка, орел — Иоанна, а Матфея и Луку — человек и вол соответственно. Этот принцип стал результатом приложения последовательности из Иез. 1:10 к тому порядку, который использовался на Востоке — и в Антиохии, где Феофил был епископом в Сирии:

человек лев вол орел = Иез. 1:10
 Матфей Марк Лука Иоанн = греческая,
 или каноническая,
 последовательность

Так выглядят два основных варианта (которые отличаются друг от друга положениями евангелий от Марка и Иоанна), основанных на двух различных последовательностях евангелий, которые были приняты в разных концах Средиземноморья примерно к 200 году от Р.Х. Другие, менее известные версии встречаются не так часто (например, Августина). Однако Иероним навел порядок и стандартизировал каноническую последовательность евангелий во всем древнем мире посредством своего латинского перевода Нового Завета, Вульгаты, сделав это примерно в 400 году от Р.Х. Он также использовал вторую из последовательностей символов, упомянутых выше (в частности, Матфей = человек, Марк = лев, Лука = вол, Иоанн = орел) в своем «Комментарии по Иезекиилю» и в предисловии к своему «Комментариию по Евангелию от Матфея». После него эта версия становится доминирующей.

Четыре символа как наглядные обучающие пособия

Причины и разъяснения

Очевидно, что такая последовательность стала результатом использования книги Иезекииля в свете установившегося порядка евангелий — и позднее последовали объяснения, некоторые из которых выглядят несколько нелогичными. Все представленные причины выведены из первых стихов каждого евангелия. Мы уже увидели, что в отсутствие современных книжных форм и публичных аннотаций тексты в древнем мире часто узнавались по первому слову (первым словам), и их литературный жанр можно было определить по первому абзацу, предисловию или прологу. Следовательно, символы, прилагаемые к начальным стихам каждого евангелия, в первую очередь должны были быть узнаваемыми каждым читателем. Большинство древних толкователей были согласны с тем, что символом Матфея является человеческий лик, потому что Матфей начи-

нает с человеческой родословной Иисуса (Мф. 1:1-17). После своего предисловия Лука говорит о священничестве Захарии (Лк. 1:5); поскольку вол был в Ветхом Завете жертвенным животным для священников, отцы церкви быстро связали третий лик из повествования Иезекииля, вола, с началом третьего евангелия.

Ириней видел в начальных стихах евангелий от Иоанна и Марка льва и орла. Он видел независимый характер льва в прологе Евангелия от Иоанна, где говорится о том, что Слово было у Бога (Ин. 1:1-18). Орел символизирует дух пророческого вдохновения, а Евангелие от Марка начинается с пророчества Исаии (Мк. 1:2-3); орел также объясняет, почему история у Марка является такой сжатой. Викторин пытался развить эту тему: Иоанн провозглашает божественный характер Христа прямо в начале своего евангелия, «как рыкающий лев», тогда как символом Евангелия от Марка является орел, потому что Марк делает очень быстрое, «летающее» начало своему евангелию! Если Марк сразу начинает повествование своего евангелия, без всякого пролога или рассказа о рождении, то можно назвать в чем-то отчаянным положение, когда отцы церкви проецируют западную последовательность евангелий на последовательность Иезекииля, после чего ищут причины такой последовательности и символики. В течение многих лет объяснение относительно Евангелия от Матфея остается неизменным — человеческая генеалогия. В добавление к священническому служению Захарии, повествование Луки о жертвенной смерти Иисуса сопоставляют с волем. Амвросий указывал на упоминание о смерти тучного тельца в притче о блудном сыне (Лк. 15:23) как на еще одну причину в пользу символа вола; он также считает орла Марка знаменем воскресшего и вознесенного Христа.

Иероним видит те же причины в Евангелии от Матфея (генеалогия = человеческий лик) и от Луки (священничество = вол). Однако Марк теперь стано-

вится львом: поскольку львы рычат в пустынных местах (Пс. 103:21; Ам. 3:4), а Марк начинает свое евангелие со слов «Глас вопиющего в пустыне» (Мк. 1:3), это и является решением проблемы. Лев олицетворяет (громкую?) проповедь Иоанна Крестителя в пустыне, подготавливающую путь для Иисуса в начале Евангелия от Марка. Символом Евангелия от Иоанна, теперь уже четвертого по счету, является орел, «стремящийся к небесным высотам на своих крыльях», чтобы провозгласить Иисуса как Слово Божье.

Что бы мы ни думали сегодня обо всех этих доводах, в век полуграмотности визуальные символы играли очень большое значение для обучения. Эти четыре иллюстрации символизировали евангелия, и символ каждой из них распознавался уже в самом начале, безо всякого дополнительного чтения. Кроме того, эти образы использовались для обобщения содержания каждого евангелия: что Иисус родился как человек, принес Себя в жертву, словно вол, победоносно воскрес, как лев, и вознесся подобно орлу, распростерши крылья для того, чтобы защитить свой народ. По этим причинам мы можем легко понять, как эти четыре символа стали доминировать в раннем христианском искусстве.

От Иеронима
до *Келлской книги*

Просвещенные
евангелия

Перевод Иеронима быстро стал «Вульгатой», что означает «Общая» версия. Каноническая последовательность *Матфея — Марка — Луки — Иоанна*, применяемая к последовательности Иезекииля, была принята за стандарт, а эти четыре символа, начиная с IV века, обрели самое широкое выражение во фресках, в мозаике, на кафедрах, крестах и так далее. Христиане появились в Британии примерно в 200 году от Р.Х.; помещения в римских виллах превратились в христианские часовни, а британские епи-

скопы принимали участие в великих Соборах церкви. Вера распространялась по всей Британии и за ее пределами, благодаря служению таких великих святых, как Давид и Патрик. После того, как примерно в 410 году от Р.Х. римские легионы ушли, христианские церкви продолжали развиваться независимо, особенно в Ирландии, Шотландии и северной Англии, что способствовало росту кельтской христианской традиции.

Когда в 595 — 596 годах папа римский Григорий I послал св. Августина в качестве первого архиепископа Кентерберийского с миссией в Кент, он снабдил его множеством книг, в том числе евангелиями и Новым Заветом в переводе Вульгаты. Итальянский манускрипт евангелия VI века (который сейчас хранится в библиотеке Колледжа Тела Христова в Кембридже) считается одной из тех самых книг — поскольку он называется *Евангелие св. Августина*. Когда 29 мая 1982 года папа Иоанн Павел II посетил Кентерберийский собор, этот манускрипт находился на престоле св. Августина. И хотя евангелия в нем сохранились не полностью, на одной иллюстрированной странице Лука изображен держащим свое евангелие в одной руке и задумчиво поглаживающим свою бороду другой рукой, а над ним стоит прекрасно изображенный крылатый вол (с. 129). Таким образом, привычка иллюстрировать книги евангелий символами евангелистов, возможно, пришла на Британские острова с самим св. Августином.

Однако именно кельтские мастера сделали самые искусные работы. *Книга из Дарроу* (хранящаяся сейчас в Тринити колледже в Дублине) была, вероятно, написана в 650 — 675 годах от Р.Х. в Нортумбрии или на Ионе. Книга начинается с полностраничной иллюстрации символов евангелистов, расположенных вокруг креста, но порядок их расположения сразу обращает на себя внимание — человек, орел, вол и лев; кроме того, изображенным во всю страницу животным, символизирующим Марка, является

орел. Иными словами, художник по-прежнему следует старой, западной, последовательности символов, как Ириней или Амвросий. Синод в Уитби 664 года от Р.Х. поставил кельтские церкви в один ряд с римскими средиземноморскими церквями относительно даты Пасхи, использования Вульгаты и последовательности книг Нового Завета. Интересно отметить, что художник, работавший над *Книгой из Дарроу* в то же самое время, придерживается доримского влияния, придавая Марку символ орла, а Иоанну — символ льва. Кто знает, не использовались ли здесь эти символы в качестве последнего кельтского протеста?

Но это последний источник, в котором мы можем увидеть именно такое расположение символов. Сами описания символов могут различаться: в *Евангелии из Эхтернаха* (примерно 698 год от Р.Х., в настоящее время хранится в Национальной библиотеке в Париже, манускрипт 9389) Матфея олицетворяет человек, Марка — свирепый лев, Луку изображает безропотный труженик вол, а Иоанна — орел со сложенными крыльями, больше похожий на голубя, чем на птицу, способную парить высоко в небе! Во всяком случае, с ним явно контрастирует орел, изображенный в *Евангелиях Тела Христова* (манускрипт 197В) — яростный, с острым клювом и грозными когтями. Говорит ли это нам что-нибудь о том, как каждый переписчик рассматривал разные евангелия?

Евангелие из Линдисфарна (хранится в Британской библиотеке, манускрипт Nero D.IV) сочетает символы с портретами евангелистов. Как показывают рис. 3, 5, 6 и 7, в каждом случае автор евангелия сидит с пером и книгой (синоптики по-прежнему пишут свои книги, но Иоанн, вероятно, уже закончил свое творение!), а его символ витает над ним, держа другую книгу, что, вероятно, указывает на вдохновение для написания текста. Два из четырех животных — вол и орел — демонстрируют заметное

сходство с теми символами евангелистов, которые изображены на надгробии св. Кутберта, который умер в 687 году. Вероятно, эти евангелия писались в честь Кутберта, для оформления его надгробия где-то между 687 и 698 годами.

Иона, возможно, является хорошей почвой для нашего последнего и кульминационного примера. Манускрипт А.1.6 в Тринити колледже, в Дублине более известен как *Келлская книга*, по монастырю в центральной Ирландии, где он хранился большую часть Средневековья. Рака св. Колумбы и его мощи были перевезены в Келлс в 878 году из Ионы, где они могли быть разграблены викингами, и тогда вполне возможно, что вместе с ними в Келлс был перевезен сборник евангелий. Возможно, они были сделаны в память о св. Колумбе в Ионе в 750 году от Р.Х. Здесь символы расположены в беспорядке. Есть несколько страниц, на которых все четыре символа изображены вместе (см. рис. 1 на с. 16), и они показывают соответствующие черты в своих евангелиях, равно как и в «канонических таблицах» — специальной системе ссылок для рассмотрения схожих отрывков в разных евангелиях путем определенной последовательности цифр, относящихся к разным отрывкам. Неповторимые образы западают в память и легко узнаются, и сегодня они часто используются для иллюстрации комментариев или книг, касающихся евангелий. В последующие века и в период Средневековья стало обычным делом украшать обложки или первые страницы евангелий четырьмя символами, выстроенными вокруг центральной фигуры Христа (как на книге XII века из Вестминстерского аббатства на рис. 9, помещенном на с. 232) — воистину, четыре евангелия, один Иисус.

Четыре портрета Черчилля, о которых мы уже говорили, размещались в разных комнатах и отражали атмосферу этих комнат — военачальник, уединившийся художник, государственный деятель, семьянин и так далее. Такими же являются и наши

портреты Иисуса. Эти символы берут свое начало от пророческого видения от Бога, и они использовались для того, чтобы толковать написанные евангелия в неграмотном обществе, в том числе и в кельтской церкви. Интересно отметить, насколько, несмотря на то, что мы движемся сегодня к визуальной культуре (с графическими программными пакетами на наших компьютерах и богатством иллюстраций DVD-дисков и Интернета), интерес к кельтским образам не ослабевает, а даже возрастает. Люди больше не реагируют на огромные объемы текстов, а хотят больше иллюстраций. Вероятно, нам следует взять выдержку из кельтской церковной книги (или страницу из их манускриптов!) и использовать эти четыре образа, чтобы нам легче было понять евангелия. Вместо того чтобы использовать их для каждого евангелиста, мы последуем примеру Иринея (*Против ересей*, III.11:8-9) и применим их к «промыслу Божьему в Сыне Божьем» — четырем портретам Иисуса — в попытке понять «повествовательную христологию» каждой «биографии» в отдельности. В каждом случае мы будем смотреть на евангелие через портрет Иисуса, написанный этим евангелистом, и мы можем относиться к этому как к комнате, по которой можно ходить и смотреть все, что в ней находится. Особое внимание мы будем обращать на начало и конец каждого евангелия, на повествование о рождении Иисуса или Его приходе, смерти и воскресении. Мы обратим внимание на то, как эта книга построена, а также на определенные акценты сюжета, на те характеристики, которые каждый евангелист дает своему портрету, чтобы пользоваться методами герменевтики и видеть в евангелии биографии Иисуса. Моя надежда и молитва о том, чтобы эти символы, обладающие способностью визуально воздействовать на человека, могли бы помочь нам понять каждую из четырех христологий, изменить наше восприятие, уведя нас от бездумной смеси к четырем евангельским портретам Иисуса.

3. Св. Марк, Евангелие из Линдисфарн
фолио 93b.

Рев льва — Иисус в представлении Марка

Появление льва

Символизм и значение

В начале каждой древней биографии, как правило, говорилось о том, кем был этот человек, каково его происхождение. Часто первые слова включают имя человека и, возможно, краткие сведения о его семье, о его предках, о его родине. Однако, в отличие от современной биографии, в древних биографиях не считали нужным подробно говорить о рождении человека, его детстве и образовании. Часто повествование перескакивало через несколько десятилетий, до того места, когда герой биографии появлялся на общественной сцене.

Начало Евангелия от Марка бескомпромиссное и прямое: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк. 1:1). Кто этот человек и откуда Он пришел? Нам об этом не говорится — мы знаем только имя, как и во многих древних жизнеописаниях. Марк, возможно, дает нам информацию в титуле Иисуса: «Христос» — это греческий перевод еврейского слова «Мессия», то есть это тот, кто «помазан». Если Павел в своих посланиях использует слово «Христос» почти как фамилию Иисуса (как и здесь), во всех других местах Марк использует его как звание, титул, «Христос» (напр., Мк. 8:29; 14:61; 15:32). Более того, выражение «Сын Божий» в некоторых древних манускриптах отсутствует; современные редакторы расходятся во мнениях о том, было ли оно в изначальном тексте Марка. Поэтому мы начинаем просто с имени Иисус: нет никакого упоминания о Его рождении, о Вифлееме, никакой родословной или упоминания о Давиде как предке

Иисуса. У Марка нет времени на все эти вступления. Иисус появляется уже взрослым, и мы не знаем о Его возрасте. Он пришел из Назарета, чтобы креститься у Иоанна в Иордане (Мк. 1:9). На память неволью приходит Аслан, великий лев из «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса, который появляется без всякого предупреждения, но именно в тот момент, когда он нужен: «Аслан был среди них, хотя никто не видел, как он пришел» (C. S. Lewis, *The Horse and His Boy*, Puffin/Penguin, 1965, p.182).

Таким образом, мы видим льва как символ св. Марка. Поскольку отцы церкви, как правило, связывают символы с началом каждого евангелия, лев является символом Иоанна Крестителя, «гласа вопиющего в пустыне». Другие полагают, что лев как царь диких зверей символизирует в Евангелии от Марка царскую власть Иисуса. Если в других ближневосточных культурах лев часто рассматривается как символ царственности и величественности, в Библии он не является главной фигурой. Земная мудрость Книги Притчей сравнивает рев льва с гневом царя (Пр. 19:12; 20:2) и даже со злым правителем (Пр. 28:15; см. также Соф. 3:3). Чаще лев рассматривается как хищник, внезапно появляющийся из лесов, чтобы напасть на стада (1 Цар. 17:34-37) или на людей (3 Цар. 13:24-26); псалмопевец говорит о льве как символе своих врагов (Пс. 16:12; 21:14). Когда пророки уподобляют льву Бога, то это символ суда и уничтожения, а не царственности (Иер. 49:19; 50:44; Ос. 13:7-8), а также причина плача (Пл.И. 3:10). Итак, лев является в Библии неприятным образом и не самым очевидным выбором для «благородного Иисуса, кроткого и мягкого»! Однако давайте подумаем о том, что произойдет, если мы будем читать Евангелие от Марка, представляя себе Иисуса как льва. В конце концов, нам часто говорят, что «Аслан — это не ручной лев», даже если, как это ни удивительно, сама эта фраза нигде не встречается в книгах К. С. Льюиса!

Стремительный
левСтиль, структура и техника
повествования Марка

Всякий раз, когда в историях о Нарнии появляется Аслан, он бросается с места на место, потому что ему нужны длинные прыжки и скачки: «его движения все время стремительны и всегда точны, он никогда не медлит» (*The Lion, The Witch and the Wardrobe*, Puffin/Penguin, 1959, p. 150). То же самое мы видим в первой главе Евангелия от Марка. Истории в начале книги о служении и проповедях Иоанна Крестителя (Мк. 1:4-8), а также о крещении Иисуса (Мк. 1:9-11) читаются гораздо быстрее, чем подобные истории в евангелиях от Матфея и от Луки. Потом мы читаем краткое упоминание об искушении (Мк. 1:12-13), без повествования — хотя есть интересное примечание, имеющее место лишь у Марка, согласно которому Иисус был «со зверями»! Затем, подобно льву, Иисус прыгает в Свое служение — провозглашение Божьего царства и покаяния (Мк. 1:14-15), формирование группы учеников (Мк. 1:16-20) и служение проповеди и исцеления, когда Он помогает человеку с нечистым духом в синагоге (Мк. 1:21-28), теще Петра (Мк. 1:29-31), многим другим больным и одержимым (Мк. 1:32-34), ходит по городам и синагогам Галилеи (Мк. 1:35-39) и исцеляет прокаженного (Мк. 1:40-45). Все это излагается с невероятной скоростью. Этот материал в евангелиях от Матфея и от Луки занимает несколько глав, а здесь Иисус пробегает по всем этим событиям, как несущийся лев. Все это происходит «немедленно», «сразу», или «тут же», и все эти фразы представляют собой переводы греческого выражения *kai euthus*, которая только в первой главе встречается 11 раз (ст. 10, 12, 18, 20, 21, 23, 28, 29, 30, 42, 43) и связана с фразой «прямыми сделайте стези Ему» (*eutheias*, Мк. 1:3). Неудивительно, что Ему надо было рано вставать, чтобы молиться, как о том

говорится в стихе 35! И такой темп продолжается и далее, поскольку слово *euthus* в Евангелии от Марка встречается более 40 раз — то есть столько же, сколько оно встречается в остальных книгах Нового Завета вместе взятых.

Темп и живость в Евангелии от Марка сопровождаются склонностью евангелиста использовать «историческое настоящее», когда он представляет повествование в живом настоящем времени, в то время как сами события происходили в прошлом. Примерно так же старые люди часто рассказывают истории, произошедшие давным-давно, «еще до войны», используя при этом настоящее время: «И тут я говорю ей...» Сама история от этого становится правдивей, а давнее прошлое начинает казаться нам ближе. После использования прошлого времени в истории об Иоанне Крестителе и крещении Иисуса в Мк. 1:4-11, с двенадцатого стиха греческий текст меняется на настоящее время, — «немедленно после того Дух *ведет* Его в пустыню», — после чего идет возвращение к глаголам прошедшего времени во всей оставшейся истории; подобным образом они «пришли» в дом Петра, где теща Петра «лежала в горячке», но «тотчас *говорят* Ему о ней» (Мк. 1:30). Такой прием иногда может сделать историю живее, но Марк в своем евангелии делает это 151 раз, что, пожалуй, несколько чересчур! Вот почему некоторые английские переводы не переводят эти места в настоящем времени, оставляя всюду прошедшее время. К сожалению, это лишает Евангелие от Марка яркости и живости: никто не знает, откуда придет лев или куда он уходит, когда прыгает дальше.

Это ощущение срочности также можно проследить в том, как Марк использует времена. Если Лука тщательно привязывает свою историю к римским и иудейским светским и религиозным датам (Лк. 3:1-2), а Иоанн повествует о служении, длящемся два года (с тремя пасхами в Ин. 2:13; 6:4; 12:1 — 13:1),

для Марка же время — это всегда сейчас и срочно. Помимо сорока дней в пустыне (Мк. 1:13), его повествование могло бы уместиться в рамках одного месяца, включая конкретный период в шесть дней в Мк. 9:2. Марк склонен подробно описывать насыщенный день, с мгновенно сменяющимися друг друга эпизодами, вслед за чем идут неопределенные обобщения, показывающие, что существует промежуток времени между схожим эпизодом научения или исцеления: например, предложение «и Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов» (Мк. 1:39) вовсе не означает, что Иисус делал все это в течение одного дня!

Большая часть «тотчасов» появляется в первой половине евангелия, после чего у нас рождается впечатление быстротекущего характера служения. Евангелие от Марка строится вокруг исповедания Петром Иисуса как Мессии, при этом поворотным моментом являются тексты Мк. 8:27-30. Есть отрывки, которые выполняют роль «шарниров», соединяющих главные разделы (например, Мк. 1:14-15 после начала или Мк. 8:22-26 в середине). Это евангелие было задумано таким образом, чтобы читать его вслух, а не для подробного письменного анализа, и эти связи готовят слушателя к перемене скорости. Нечто вроде вступительного буйства скрипок в симфонии взвывается в первой главе, и такой темп поддерживается, пока евангелие рассказывает о служении исцеления и изгнания бесов, которое Иисус нес в Галилее, провозглашая Царство Божье и достигая больших результатов. Такой характер повествование сохраняет вплоть до Мк. 8:26. Потом темп в середине евангелия становится неторопливым, поскольку Личность и предназначение Иисуса становятся все яснее по мере того, как Он приближался к Иерусалиму, и все явственнее вырисовывалась тень креста в отрывке Мк. 8:27 — 10:52. Третий «режим скорости» уравнивает первый, потому что в нем шаг снова ускоряется — описывается всего одна не-

деля, последние дни в Иерусалиме, в течение которых не было никаких исцелений или изгнаний бесов, а тема Царства Божьего сменилась на тему креста и страданий. Как будто бы лев сначала бросается в погоню, потом делает паузу, чтобы снова собраться с силами, а потом целенаправленно движется к своей добыче — и далее мы тоже будем следовать этому принципу.

Однако темп первой главы не должен закрывать от нас артистизм повествования Марка. Как всякий хороший рассказчик, он привлекает наше внимание посредством этих быстро двигающихся эпизодов — но при этом он подспудно доводит до нашего сведения многие важные темы, подобно композитору, который из всего разнообразия мелодий все же доносит до слушателей главные мотивы. Мы начинаем чтение с крещения Иисуса в Мк. 1:9-11. Когда в следующий раз появляется тема крещения, Иисус использует ее в качестве метафоры Своей смерти, спрашивая Иакова и Иоанна: «Можете ли креститься крещением, которым Я крещусь» (Мк. 10:38-39). Более того, в варианте Марка небеса «разверзлись» (по-гречески *schizo*, от которого до нас дошло слово *схизма* (раскол)), в отличие от более мягкого слова «отверзлись» (*anoigo*) в Мф. 3:16 и Лк 3:21; помимо этого случая Марк использует это слово лишь однажды, когда пишет, что завеса в храме «раздралась» в момент смерти Иисуса (Мк. 15:38). Примечательно, что после того, как небеса «разверзлись», с небес раздался голос, говорящий про Иисуса: «Сын Мой возлюбленный» (Мк. 1:11); а после того как «раздралась» завеса в храме, мы читаем о том, что сказал сотник, стоявший возле креста: «истинно Человек Сей был Сын Божий» (Мк. 15:39). Несмотря на сжатость и высокий темп, вступительная сцена связана с финальной, написанной через пятнадцать глав: как пара книгодержателей, крещение и распятие знаменуют «начало Евангелия Иисуса» (Мк. 1:1) и

Его конец. Иисус внезапно появляется, как бы ниоткуда — и крестится, чтобы умереть.

Если вступление Евангелия от Марка предполагает, что главной темой будет крест, в самом евангелии представлены также и темы второстепенные. О том, Кто такой Иисус, провозгласил голос с небес; будучи Сыном Божиим, Он несет служение проповеди, наставления и исцеления, о чем говорит вся оставшаяся часть главы — и в этом заключается Его основная деятельность по мере развития истории. Однако Он сталкивается и с конфликтом на сверхъестественном уровне в пустыне (Мк. 1:12-13), и с людьми, которые изумляются Его властным полномочиям и задают вопросы (Мк. 1:27). Он призывает учеников (Мк. 1:16-20) и, тем не менее, запрещает демонам и людям говорить о том, кто Он (Мк. 1:34, 44). Все это является мотивами, которые будут регулярно появляться по мере развития событий.

И, наконец, нам нужно рассмотреть стиль и технику Марка в том, как он выстраивает свой портрет Иисуса. Марка всегда критиковали за его бедный греческий язык и плохой стиль; более поздние толкователи отмечали, что его манера письма отражает прямоту его повествования. Маловероятно, что греческий язык был его родным: обычно греческие прозаические повествования строились так, что все разделы в них были тщательно связаны между собой. Марк связывает между собой только восемьдесят восемь разделов своего евангелия, и всего лишь одним простым союзом «и»; по-гречески такой технический литературный прием называется *parataxis*. Оставшиеся девятнадцать разделов вообще никак не соединены, и такой прием называется *asyndeton*, «несвязанное». Несмотря на то, что обе стилистические особенности выдают семитское влияние, наводя на мысль о том, что Марк думал по-арамейски, они, тем не менее, делают историю динамичной, задают высокий темп. Стиль Марка краткий и сжатый, в нем предпочтение отдается конкретному дей-

ствию, а не абстрактным рассуждениям; он разговорный, предназначенный для простого слушания, а не для пристального внимания, обусловленного письменным текстом. Как в большинстве устных материалов, Марк часто сочетает родственные существительные и глаголы (*pleonasm*), чтобы выразить необходимую идею: например, обратите внимание на повторение слов *учить* — *учение* — *учил* в отрывках Мк. 1:21-22 или Мк. 4:1-2 — после этого все будут знать, что Иисус — это Учитель. Лев не отличается ораторскими способностями: он рычит — и все сразу становится ясно!

Одна из техник повествования, на которую стоит обратить внимание — это так называемый «сэндвич» Марка, когда одна история представляет собой «наполнение» между двумя кусками «хлеба». Так, например, обвинение в том, что Иисус обладает силой сатаны (Мк. 3:22-30) находится в среднем слое «сэндвича» между слоями неверия Его собственной семьи (Мк. 3:20-21 и Мк. 3:31-35). Похожим образом проклятие Иисусом смоковницы и ее последующая гибель охватывают повествование о том, как Он изгнал торговцев из храма, подразумевая, что он тоже проклят и пуст (Мк. 11:12-20); любовь женщины к Иисусу, проявленная тем, что она помазала Ему голову миром, контрастирует с историей о том, как книжники и фарисеи пытаются уличить Его и убить (Мк. 14:1-11). В каждом случае история в среднем слое освещает окружающее ее повествование посредством комментария, сравнения или контраста. Другие «сэндвичи» представлены в отрывках Мк. 5:21-43, Мк. 6:6-30 и Мк. 14:54-72.

В «сэндвиче» третий элемент повторяет первый, образуя формулу 1 — 2 — 1. Есть и другие схемы, где Марк формирует три элемента, в которых интенсивность развивается по нарастающей, 1 — 2 — 3, в том случае, когда слушающий что-то упустил из внимания в первый раз. Так, у нас есть три истории

об учениках в лодке (Мк. 4:35-41; Мк. 6:45-52; Мк. 8:14-21), тогда как в Евангелии от Луки представлено только первая из них, а в Евангелии от Матфея — третья; либо более поздние евангелисты не разделяли энтузиазма Марка по поводу трех историй, либо Марк обращает внимание на то, что остальным ученикам трудно понять! Три предсказания страстей Христовых с каждым разом становятся все более подробными (Мк. 8:31; 9:31; 10:32-34). Три заповеди «смотрите, бодрствуйте, молитесь» в Мк. 13:33-37 сочетаются с тем, как ученики трижды уснули в Гефсиманском саду (Мк. 14:37, 40, 41). Петр трижды отрекается от Иисуса, о чем мы читаем в 14:66-72; Пилат задает толпе три вопроса (в Мк. 15:9, 12, 14); и трижды говорится о времени с интервалом в три часа, когда Иисус висел на кресте, — третий (Мк. 15:25), шестой (Мк. 15:33) и девятый часы (Мк. 15:34). Такое изложение всего в трех частях вовсе не случайно; это все является частью планомерно выстраиваемой Марком схемы и последовательности его истории Иисуса.

Таким образом, через все эти особенности — начальный рывок, частое использование фразы «тотчас» или родственных ей фраз, сжатие времени и использование настоящего времени, тщательная структура, стиль «сэндвича» и тройные эффекты — Марк доносит до нас ясную информацию о темпе служения Иисуса и о важности возложенной на Него миссии. Никакой самый стремительный лев не передвигался так быстро, и, как и Аслана, никто не может остановить Его:

«Погоди минутку», — нетерпеливо сказала Люси. «Дочь Адама и Евы, — повторил Аслан еще суровой, — другие тоже стоят на пороге смерти»... Следующие полчаса они были заняты делом. (C. S. Lewis, *The Lion, the Witch and the Wardrobe*, Puffin/Penguin, 1959, p. 163).

Зверь в противостоянии

*Противодействие
и служение, Мк. 1 — 8*

В любой культуре и в любую эпоху о львах известно одно: они могучие бойцы с сильно развитым чувством территории. После начального возбуждения первой главы Иисус начинает странствовать по территориям к северу от Галилейского озера: в Капернауме (Мк. 1:21; 2:1); в самой Галилее (Мк. 1:39); в Гадаринской стране и в Десятиградии (Мк. 5:1, 20; 7:31); в Назарете (Мк. 6:1); в Генисарете (Мк. 6:53); в Тире и Сидоне (Мк. 7:24, 31); в Далмануфе (Мк. 8:10); Вифсаиде (Мк. 8:22); Кесарии Филипповой (Мк. 8:27), снова в Галилее и Капернауме (Мк. 9:30, 33), пока, наконец, Он не направился на юг, в Иудею и в Иерусалим (Мк. 10:1, 32). Мы видим в тексте около сорока перемен мест, пока Он странствовал по этим землям: горы и пустыни, хлебные поля и пастбища, реки и озера, лодки и синагоги, открытые публичные выступления и частную, домашнюю обстановку. Таким образом, к *темпу*, о котором мы уже говорили, мы можем добавить ощущение *пространства*: Лев стремительно передвигается не просто потому, что время коротко, но и потому, что Ему нужно охватить огромную территорию земли, пересекая ее вдоль и поперек, выискивая тех, кто в Нем нуждается, и всюду неся Свое учение.

Этот основной раздел, от Мк. 1:16 до Мк. 8:26, посвящен служению Иисуса, когда Он нес людям Свое учение и совершал чудеса. Эти деяния тут же поставили вопрос о Его авторитете: Он учит как тот, кто обладает властью (Мк. 1:22), и в то же время подчинение нечистых духов Его власти поражает всех очевидцев (Мк. 1:27). Однако уже с самого начала Его учение и чудеса ведут к конфликту с религиозными руководителями (Мк. 2:10).

Марк обращает наше внимание на Иисуса как на Учителя в многочисленных сочетаниях существи-

тельных и глаголов текстов Мк. 1:21-22 и Мк. 4:1-2, равно как и в небольших «обобщающих» отрывках (например, Мк. 1:14; 1:39; 4:1; 6:6; 6:34). И Его ученики (Мк. 4:38), и те, кто ищет Его помощи (Мк. 5:35; 9:17), постоянно обращаются к Иисусу как к «Учителю». Иудейский термин «Рабби» у Марка произносят Петр (Мк. 9:5; 11:21) и Иуда в момент предательства (Мк. 14:45). Поразительно, однако, что само учение здесь представлено весьма скудно. У нас есть только четыре притчи: о сеятеле (Мк. 4:1-20), о семени, незаметно растущем (Мк. 4:26-29 — встречается только в Евангелии от Марка), о горчичном зерне (Мк. 4:30-32) и о виноградарях (Мк. 12:1-12). С другой стороны, огромный объем наставительного материала в евангелиях от Матфея и Луки — как притчи, так и непосредственно наставления — вероятно, взят из их общего источника, «Q» (см. выше). В то время как «Q», судя по всему, не обладал никаким повествовательным материалом, в Евангелии от Марка, напротив, огромный объем повествовательного материала, но мало учения. Всякое непосредственное учение, изложенное Иисусом, появляется в диалогах с религиозными руководителями в ответ на их вопросы (Мк. 2:15-28, Мк. 3:23-30 и Мк. 7:1-23). Никакого систематического изложения учения Иисуса в Евангелии от Марка нет, несмотря на то, что Его называют «Учителем». Иисус в Евангелии от Марка — это Личность действия.

В противовес небольшому числу притчей, Марк повествует о семнадцати чудесах, которых, если учитывать небольшой объем всего евангелия, в пропорциональном соотношении оказывается больше, чем в любом другом евангелии. Они представляют собой изгнание бесов (Мк. 1:23-26; 5:1-20), исцеление (Мк. 1:30-31, 40-44; 2:1-12; 3:1-5; 5:22-34, 35-43; 7:25-30, 32-37; 8:22-26) и власть над самой природой (Мк. 4:36-41; 6:35-44, 47-51; 8:1-9). О подавляющем большинстве этих чудес рассказывает первая половина евангелия, а об исцелении мальчика-

эпилептика (Мк. 9:14-29) и даровании зрения Вартимею (Мк. 10:46-52) говорится уже после поворотного момента. Кроме того, в первой половине евангелия представлены обобщающие утверждения о служении исцеления и изгнания бесов, совершаемом Иисусом (Мк. 1:32-34; 1:39; 3:10-12; 6:5; 6:55-56). Терминология Марка помогает нам лучше понять этот принцип: в отличие от Иоанна или Луки, он никогда не описывает действия Иисуса как «знамения» или «чудеса». Только фарисеи и «род сей» ищут знамения (Мк. 8:11-13); именно лжехристос осуществляет знамения и чудеса для того, чтобы сбить избранных с пути истинного (Мк. 13:22). Вместо этого, для обозначения чудес Иисуса (Мк. 6:2, 5, 14) Марк предпочитает термин *dynamis*, «могучие дела» силы — буквально «динамит»! В самом деле, лев является самым подходящим символом Иисуса, описанного Марком: эти великие дела совершены поистине могучей Личностью — но они ведут Его к конфликту.

Самым наглядным примером тому служит отрывок Мк. 3:19-35. Он начинается с того, как Иисус идет *eis oikon* после того, как избрал учеников. Эта фраза может означать «в дом», но поскольку Его семья вскоре появилась, фраза, вероятно, означает «пришли домой». Энтузиазм толпы не дает Иисусу возможности даже поесть и отдохнуть (ст. 20), в отличие от той враждебной реакции, которая последовала позднее. И тут появилась семья, которая пытается удержать Его, потому что они считали Иисуса сумасшедшим (ст. 21). Потом в ситуацию вмешиваются книжники, которые обвиняют Иисуса в одержимости дьяволом, а ответ Иисуса описывает вселенский конфликт наглядными примерами (ст. 22-30). И, наконец, его мать и братья, не в силах подойти к Нему из-за толпы, хотят позвать Его сквозь толпу (ст. 31-32). И вместо того чтобы выйти им навстречу, Иисус дает им краткую отповедь: «кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» (ст. 33-35).

Это типичный «сэндвич» Марка, формула 1 — 2 — 1, о которой мы уже говорили. Он подразумевает определенную связь между различными реакциями со стороны толпы, семьи и книжников. Более того, родные Иисуса выступают против Него не менее активно, чем власти — и все они вовлечены во вселенский конфликт с сатаной, рискуя богохульствовать против Святого Духа (ст. 29). В самом деле, сильно сказано! Это *чересчур* для Матфея и Луки: они отказываются от формулы 1 — 2 — 1, характерной для Марка, и связывают центральный раздел, описывающий конфликт Иисуса с книжниками относительно веельзевула, с другими материалами, касающимися стремлений к знамениям и нечистых духов (Мф. 12:22-45; Лк. 11:14-32). И Матфей, и Лука полностью опускают в своих евангелиях слова Марка о том, что родные Иисуса считали Его сумасшедшим (Мк. 3:20-21); поскольку редко какие стихи Марка были ими опущены, это явно говорит о том, как трудно было принять эту идею Матфею и Луке. Матфей помещает материал Марка о том, как Иисус отверг просьбу Его семьи, в конец своего раздела, посвященного спорам (Мф. 12:46-50), но Лука помещает его на несколько глав раньше, где он оказывается никак не связанным с остальным материалом (Лк. 8:19-21).

Матфей и Лука начинают свои евангелия с истории о родных Иисуса и о Его рождении; Марк поступает совсем иначе — Иисус появляется на страницах его евангелия подобно льву, совершенно взрослым. Матфей и Лука приглушают конфликт между Иисусом и Его родными; Марк сознательно связывает этот конфликт с прочим противодействием Иисусу со стороны властей и со вселенской битвой с сатаной. Когда лев становится взрослым, он уходит от своей семьи (вероятно, после одной или двух драк) и идет формировать свой собственный прайд.

Конфликт является центральной темой в большинстве хороших историй; он придает истории силу

и напряжение, когда герой преодолевает свои трудности и достигает своей цели или получает награду. Как правило, окончательное разрешение конфликта становится кульминацией истории. Иисус в Евангелии от Марка предстает сильной Личностью, внезапно появляющейся на сцене и провозглашающей, что этот момент наступил СЕЙЧАС! Когда Иисус скитается по северным территориям, Марк постепенно выстраивает обстановку противостояния Иисуса с теми, кто противодействует Ему, что приводит к кульминации — распятию Иисуса на кресте в Иерусалиме. В отличие от Матфея и Луки, он не боится показать этот конфликт, который начинается даже с Его собственной семьей. Конфликт охватывает Его родной город, где отсутствие у Его бывших друзей и соседей веры означает, что Иисус «не мог совершить там никакого чуда» (Мк. 6:1-6; сравните с более мягким выражением Матфея «не совершил там многих чудес», Мф. 13:58).

Конфликт с властями начался тогда, когда те поставили под сомнение авторитет Иисуса прощать парализованного (Мк. 2:6-8). Потом Марк перечисляет истории споров о выборе Иисусом грешников в качестве последователей, а также о Его делах в субботу, пока Он не спровоцировал фарисеев и иродиан, никогда не славившихся дружескими или приветливыми отношениями к Нему, на заговор против Него (Мк. 2:13 — 3:6). С этого момента мы видим их многочисленные скрытые козни (Мк. 3:6; 11:18; 12:12; 14:1-2) и их открытое противостояние против Иисуса (Мк. 7:1-15; 8:11-15; 10:1-12; 11:27-33; 12:13-40).

Однако формула Марка 1 — 2 — 1 в отрывке Мк. 3:19-35 показывает, что истинный конфликт лежит не в семье и не в человеческих властях: это конфликт с самим дьяволом. Трудно представить себе более наглядный образ конфликта, чем Иисус, уподобляющий Себя грабителю, проникающему в укрепленный дом человека, чтобы связать его и похитить все имущество (Мк. 3:27). Конфликт с сатаной начи-

нается в пустыне, где, вместо повествования Матфея и Луки об испытании того, Кем является Иисус, Марк кратко пишет о том, что Иисус был «искушаемый сатаною»; при этом подчеркивается, что с Иисусом были звери и ангелы (Мк. 1:13). После этого в евангелии мы читаем о конфликте Иисуса в синагоге, где один нечистый дух говорит от имени остальных: «что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас!» (Мк. 1:23-27). Власть Иисуса проявляется в том, что этот дух послушен Ему (Мк. 1:27), а также различными общими случаями изгнания бесов Иисусом (Мк. 1:32-34, 39; 3:11, 22). Целый легион демонов был изгнан в свиней в Гадаринской стране (Мк. 5:1-20), и Иисус разделяет этот конфликт и Свою власть с учениками (Мк. 6:7, 13); иногда эта битва настолько тяжела, что помочь нам может только Его сила, которую мы обретаем молитвой (Мк. 9:14-29). Сила Иисуса и жестокий характер конфликта показаны также в Его власти над бурями и над природой в целом (Мк. 4:35-41; 6:46-52).

Хотя Марк называет Иисуса «Учителем», он почти не говорит о каком-то конкретном учении. Его Иисус — это сильная Личность, совершающая динамичный труд, что приводит Его к конфликту с Его собственными родными, с городом и с религиозными властями. Он поистине является сердцем конфликта, львом, занимающим свою территорию и устанавливающим на ней свою власть над всяким источником сопротивления, над самим дьяволом, которого традиционный учитель Марка, Петр, уподобляет льву (1 Пет. 5:8). Марк уподобляет Иисуса льву, чтобы этот Лев победил льва-дьявола, и его Иисус сильнее.

Лев и его прайд

Роль дисциплины

У льва должен быть свой прайд — и у рабби должны быть ученики. Однако являются ли «ученики» Иисуса Его «гордостью и радостью»? С одной стороны, они являются теми людьми, которых Иисус

призывает разделить с ним Его скитания и Его сражения; с другой стороны, их внимание, судя по всему, часто отвлекается, и Иисус прикладывает огромные усилия, чтобы они Его понимали. Так какой же нам нужно сделать вывод из составленной Марком картины ближайших друзей и последователей Иисуса?

Ученики призываются «тотчас», и они слушаются Его и следуют за Ним (Мк. 1:16-20), как это сделал Левий (Мк. 2:14). В первой половине евангелия они свидетельствуют о неустанной деятельности Иисуса, о том, как они все время были с Ним, слушали Его учения, разделяли с Ним Его конфликты. Иисус избирал «кого Сам хотел... чтобы с Ним были», когда Он призывал апостолов, чтобы они делали все то, что Он делает — проповедовали, учили, изгоняли бесов и исцеляли (Мк. 3:13-15). Поначалу они все это делали вместе с Ним; потом, как всякий хороший учитель, Он посылал их трудиться самостоятельно (Мк. 6:7-13), после чего они давали Ему «отчет о проделанной работе» Мк. (6:30-31). Марк любое свое повествование разделяет на три части, и здесь мы тоже видим три классических шага ученичества: призвание, избрание и отправление на служение.

Все это позитивная сторона. После непонимания со стороны родных Иисуса и Его конфликта с властями, наконец-то появились люди, которые положительно откликнулись на слова Иисуса, облегчив ситуацию с непониманием и противодействием. Как совершенно ясно говорится в Мк. 4:11-12, для тех, кто смотрит на это со стороны, истина скрыта, но ученикам дана «тайна царства Божьего» — *mysterion*, «тайна». К сожалению, в нескольких последующих главах многое становится тайной и для бедных учеников. Она начинается с вопроса Иисуса «не понимаете?..» (Мк. 4:13) — и разочарование в Его голосе растет: «не вразумились» (Мк. 6:52); «неужели и вы так непонятливы?» (Мк. 7:18); «Еще ли не

понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите?» (Мк. 8:17-18). Даже после того, как Петр показал, что в нем есть сила Духа, когда он признал Иисуса Мессией (Мк. 8:29), он все равно оступился, когда не понял предсказание Иисуса о Его предстоящих муках, после чего последовал упрек: «отойди от Меня, сатана» (Мк. 8:33); в других местах Евангелия от Марка «упрек» Иисуса адресован демонам и жестоким ветрам (Мк. 1:25; 4:39; 9:25). Спустя неделю, во время преображения, Петр лепечет бессмысленное предложение (Мк. 9:5-6); а когда они спустились с горы, то увидели, что другие ученики не могут помочь мальчику-эпилептику (Мк. 9:18, 28). В то же время Иаков и Иоанн думают, что главный смысл ученичества в том, чтобы занять лучшие места на небесах — не понимая при этом, что престолом Иисуса станет крест (Мк. 10:35-45).

После того как Иисус сделал эти три шага — призвал учеников, избрал их и послал на служение, — ученики потерпели неудачи на всех трех этапах. Иисус неоднократно упрекал их в недостатке веры и понимания в трех эпизодах, связанных с их плаванием в озере на лодке (Мк. 4:40-41; 6:50-52; 8:14-21). Они никак не могли понять три предсказания, связанных с Его предстоящими муками и смертью, несмотря на то, что Он говорил им об этом все подробнее (Мк. 8:32-33; 9:32; 10:32-41). В конечном счете, они трижды уснули в Гефсиманском саду (Мк. 14:37, 40, 41) и были вовлечены в три окончательных действия — предательство со стороны Иуды, отречение со стороны Петра и то, что все они покинули Иисуса (Мк. 14:43-46, 50, 66-72). Никто не упрекает Марка в том, что он невнятно изложил все эти события! Во всяком случае, все это было совершенно ясно для Матфея и Луки; но, как и в случае со стихами Марка, где говорится о родных Иисуса, здесь они также не стали говорить о неудачах учеников. Лука не написал о непонимании Петра и об упреке Иисуса

(Лк. 9:18-22), тогда как Матфей изменил слово «упрекнул» на более мягкое «сказал Петру» (Мф. 16:23)! Когда Иаков и Иоанн просили Его о самых почетных местах, то Лука эту историю не упоминает вовсе, а у Матфея такую просьбу высказала их *мать* (Мф. 20:20-22). Матфей и Лука не одиноки в своих предположениях о том, что Марк слишком уж сурово отнесся к бедным ученикам. Некоторые современные толкователи полагают, что ученики, согласно Марку, страдали от такого сурового притеснения, что в Евангелии от Марка наверняка специально сгущены краски; выдвигались предположения, что они представляли какую-то группу руководителей, противостоявших общине Марка.

Однако такая точка зрения не объясняет всех позитивных материалов евангелия относительно того, что ученики были призваны, избраны и посланы на служение, а также тот факт, что им были раскрыты тайны Царства Божьего (Мк. 4:11-12). Несмотря на их постоянное непонимание, Иисус продолжал объяснять «ученикам наедине... все» (Мк. 4:34); Он дал им то маленькое учение, которое есть в Евангелии от Марка — о чистой пище и нечистых мыслях (Мк. 7:17-23), смысле ученичества как самопожертвования (Мк. 8:34-38; 9:30-50; 10:23-31, 35-45), силе молитвы (Мк. 11:20-25) и о последних временах (Мк. 13). Несмотря на то, что ученики практически ничего не поняли, именно Петр признал Иисуса Мессией (Мк. 8:29); именно Петра, Иакова и Иоанна, несмотря на их желание обрести корыстную выгоду, Иисус позвал быть свидетелями преображения (Мк. 9:2-8), а также бодрствовать с Ним в Гефсиманском саду (Мк. 14:33).

Факт в том, что, в отличие от противников Иисуса, пытавшихся уличить Его, заманив в ловушку, ученики, согласно Марку, хотели понять Его учение и следовать за Ним; судя по всему, им было просто тяжело охватить такое учение и угнаться за подобным темпом. Если Лев рычит на них за их медли-

тельность, то это еще может происходить от того, что Он идет впереди, к кульминации Своей борьбы. Есть в повествовании Марка нечто такое, что вызывает у читателя чувство понимания и сострадания, когда они испытали ужас на горе (Мк. 9:6), а также опустошенность в Гефсиманском саду: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14:38). Да, они оставили Его и бежали — но Он и говорил, что они так поступят (Мк. 14:50 и Мк. 14:27). Да, Петр отрекся от Него — после того как он «издали следовал», тогда как другие бежали (Мк. 14:54); его самая искренняя любовь к Иисусу заставляла его исполнить собственное обещание последовать за Ним (Мк. 14:29), и та же самая ревностная любовь привела его во двор дома первосвященника, где его нервы, в конце концов, не выдержали. Несмотря на все эти неудачи, эта история в конце Евангелия от Марка остается открытой. В отличие от других евангелий, здесь нет явного указания на то, что Его воскресение вернуло им силы — Иисус просто обещал «предварить их в Галилее» (Мк. 14:28), что было подтверждено человеком в белом (Мк. 16:7).

Таким образом, своей открытостью история об учениках становится и нашей историей. Отправятся ли они в Галилею? А мы? Если мы пользуемся биографией как ключом к пониманию евангелий, тогда имеет смысл взглянуть на непонимание учеников в Евангелии от Марка как на факт, говорящий нам больше о портрете *Иисуса*, чем о самих учениках: Он является той Личностью, Которую многим людям трудно понять и за Которой тяжело следовать — поэтому данное повествование может дать им утешение, если они увидят, что ученикам, возможно, было ничуть не легче. Лев рычит и бежит впереди. В самом конце истории Нарнии Аслан приводит их всех в неистовую гонку в своей стране: «Идите выше! Идите дальше!» — крикнул он через плечо. Кто же мог за ним угнаться?» (C. S. Lewis, *The Last Battle*, Puffin/Penguin, 1964, p. 144). Повествование Марка

предполагает, что ученики всех возрастов должны изо всех сил следовать за львом; но Он обещает встретить нас в Галилее, где Он впервые призвал нас и избрал нас для своего прайда... и радости?

Каким животным является это создание? *Идентичность и интеллюдия, Мк. 8 — 10*

Итак, в первой половине евангелия никто не понимает Иисуса правильно — Его семья (Мк. 3:21-35), толпы людей (Мк. 4:10-12), жители страны Гадаринской (Мк. 5:17) и Его родного города (Мк. 6:1-6), религиозные руководители (Мк. 7:6; 8:11-12), и даже Его собственные несчастные ученики (Мк. 8:17-18). Однако Он едва ли удивляется этому: Иисус появляется на сцене внезапно, как бы ниоткуда, и после того как Он появился, Он ничего не говорит и не показывает до конца ясно. Его притчи полюбились нам настолько, что их «смысл» нам вроде бы ясен; но первым слушателям они казались головоломками. Странствующие учителя на Востоке как тогда, так и сейчас используют головоломки и загадки, чтобы заставить слушателей мыслить по-новому, нестандартно — и Иисус был настолько искусным в этом деле, что они «своими ушами слышат, и не понимают» (Мк. 4:12). Он был мастером иронии — «Должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить?» (Мк. 3:4) — и парадокса — «Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:35). Таким образом, Иисус у Марка вселяет в людей удивление, страх и трепет (например, Мк. 1:22; 2:12; 5:15; 6:2; 7:37), предстает перед ними таинственной, загадочной Личностью. Если какое-то место в Евангелии доступно пониманию читателя, то только потому, что Марк хочет, чтобы мы поняли, что Он говорит; но в этом же тексте Марк изображает Иисуса непонятным и даже чужим — как для Его противников,

так и для Его учеников, как для Его родных, так и для незнакомых Ему людей.

Так кто же Он? В начале евангелия сказано, что Он «Иисус Христос, Сын Божий», и это подтверждается Гласом с небес во время Его крещения (Мк. 1:1, 11), но только мы слышим эти высказывания. Странствующие учителя со своими учениками были обычным явлением для Палестины первого столетия. В тексте есть свидетельство того, как многие видели Его в качестве апокалипсического или эсхатологического пророка, предсказывающего конец света, как это делали и многие другие в те времена (Мк. 6:14-16; 8:28). Тем не менее, многие продолжали неоднократно спрашивать, кто Он такой: кого или что мы слушаем? (Мк. 1:27; 4:41; 6:3). Нам давно и хорошо известно, что Он есть Мессия; но когда кто-то в те дни узнавал Его, Его загадочный характер оказывался недоступным для их понимания. Иисус заставлял молчать демонов, с которыми Он сталкивался (например, Мк. 1:25, 34; 3:12), и тех людей, которых Он исцелял (Мк. 1:44; 5:43; 7:36). Любопытно, но получается, что в Евангелии от Марка именно лев надевает намордники на людей! И в то же время, чем больше Он призывает их молчать, тем больше людей о Нем узнает.

Марк поднимает и другие вопросы, которые, в частности, вызваны наименованиями, характерными для Иисуса. Иисуса называют «Сыном Божьим» автор (если мы принимаем его прочтение стиха Мк. 1:1), Глас с небес (Мк. 1:11; 9:7) и демоны (Мк. 3:11; 5:7) — но никто из людей Его так не назвал, пока Он жил на земле. Вместо этого, несмотря на такую тайну вокруг Его положения, Он весьма открыто и с радостью, в присутствии книжников, фарисеев и учеников называл Себя «Сыном Человеческим» (Мк. 2:10, 28; 8:31, 38; 9:12, 31; 10:33, 45; 13:26; 14:21, 41). К сегодняшнему дню немало чернил пролито вокруг значения этой фразы — но достаточно сказать, что на собственном языке Иисуса, арамей-

ском, это был некий косвенный способ, с помощью которого люди могли назвать самих себя. Поэтому такой весьма любопытный, загадочный оборот речи хорошо подходит под написанный Марком портрет загадочного Иисуса, вводящего в замешательство всех, кто Его окружает — особенно если люди при этом вспоминают какую-нибудь схожую загадочную ссылку на такого же «Сына Человеческого», грядущего в облаках на небесах, как сказано в Дан. 7:13.

Главный момент в повествовании Марка наступает в восьмой главе. До этого момента Иисус изображается как сильный целитель, как Тот, Кто изгоняет бесов, и Кто находится в конфликте едва ли не со всеми, если не считать Его Собственных учеников, которые, однако, Его не понимали. Теперь же завеса начинает приподниматься. Во-первых, у нас есть небольшой параграф, в котором мы читаем об исцелении слепого — но на этот раз не «тотчас»: после первого прикосновения Иисуса он начинает видеть, но видит он все как-то размыто, не различая людей и деревья, и поэтому ему нужна дополнительная помощь (Мк. 8:22-26). Примечательно, что и Матфей, и Лука эту историю опускают — возможно, по той причине, что Иисус не исцелил этого человека полностью с первого раза. Марк, вероятно, дает нам образ того, что должно произойти. Иисус спрашивает учеников, за кого считают Его люди. После того, как те дали Ему разные варианты ответов, Он задал им более конкретный вопрос: «А вы за кого почитаете Меня? Петр сказал Ему в ответ: Ты Христос» (Мк. 8:29). Вот и конец тайне. Намордник снят — но только на мгновение, ибо сразу после этого Он «запретил им» (эти же слова мы читаем в текстах Мк. 1:25 и Мк. 3:12, когда Он обращался к демонам), повелев молчать. Потом Он объясняет им, говоря «о сем открыто», без всякой тайны, что Его Мессианское служение включает в себя страдания, отчуждение и смерть. Для Петра, однако, эти слова были видением, открытым для слепого: сначала наступи-

ло секундное озарение, а потом слова о страданиях снова сделали его видение каким-то неясным, смутным. Поэтому он протестует и получает не столько второе прикосновение, сколько оплеуху от льва, когда Иисус «упрекает» его в том, что он говорит то, что угодно сатане (обратите внимание еще раз на слово «упрекнул», которого нет у Луки и которое изменено у Матфея).

Начиная с этого момента, структура Марка ведет ко кресту — три пророчества Иисуса о Его страданиях и смерти (Мк. 8:31-32; 9:31-32; 10:33-34) и Его учение о самоотверженном ученичестве ради блага Царства Божьего (Мк. 8:34-38; 9:42-50; 10:23-31, 35-45). Лев готовится стать жертвой, не теряя при этом качеств льва. Исповедание Петра подтверждается тем, что он видел при преображении, и голосом, подтверждающим, что Иисус есть Сын Божий (Мк. 9:2-8); и когда они возвращаются с горы, пережив непростую реальность вселенской борьбы, Иисус остается таким же могучим и снова побеждает там, где Его ученики терпят неудачу (Мк. 9:14-29).

Так как нам поступать с этой всемогущей фигурой, с одной стороны — Сына Божьего/Христа, побеждающего во всех Своих сражениях, а с другой — непонятого и самоотверженного Сына Человеческого, *en route* к мучительной и унижительной смерти? Может быть, Марк так же растерялся, как и ученики Христа в его повествовании? Один из недавних исследователей назвал описание Марком Иисуса «аретологией наоборот». Исходя из этого, Иисус, в первую очередь, предстает перед нами как Совершитель чудес, в соответствии с условиями «аретологии», то есть стилем, который представляет собой биографию так называемого «божественного человека», *theios aner*. Марк пытается показать, что это неправильное представление, предоставляя корректирующую христологию и постепенно все больше подчеркивая страдания, ведущие к кресту.

Хотя, действительно, можно согласиться с тем, что Марк излагает глубокое богословие страдания, однако и этот взгляд не лишен проблем. Во-первых, далеко не ясно, была ли в это время единая концепция Богочеловека или аретология как таковая. Во-вторых, странно было бы, если бы слова Бога о том, что Иисус есть Его Сын, произнесенные с неба и подтвержденные во время преображения (Мк. 1:11; 9:7), оказались «ошибочными» или нуждались бы в исправлении. Вместо того чтобы видеть противоречие между христологией Сына Бога и христологией Сына Человеческого, можно утверждать, что эти две христологии не исправляют, а дополняют друг друга, смешивая внутреннее и внешнее, божественное и человеческое, оправдание и смирение. Иисус нигде не отвергает данное Петром исповедание Его Христом; Он просто разъясняет, что именно означает слово «Христос» — что Ему суждено пострадать и умереть. Крест заслони́л все с самого начала; теперь он выходит на передний план. В самом сердце евангелия провозглашаются личность и предназначение Иисуса — а для тех, кто последует за Ним, путь ученичества неизбежно примет форму креста.

Это подтверждается все более подробными предсказаниями в Евангелии от Марка и тем, как эти главы служат своего рода мостами в географическом смысле. Пока Иисус странствует по северным территориям в первых восьми главах, это все произойдет на юге. Северный лев направляется в свое логово. Кесария Филиппова, место исповедания Петра (Мк. 8:27), находится на самом севере, у истоков реки Иордан. Постепенно мы начинаем двигаться на юг «через Галилею» (Мк. 9:30), в Иудею (Мк. 10:1) по дороге в Иерусалим (Мк. 10:32). На этом самом пути Иисус дает самое точное предсказание о Своих муках и Своей смерти (Мк. 10:33-34) и пророчества о том, что амбиционные Иаков и Иоанн могут разделить с Ним Его крещение через мученическую смерть; христианское величие проявляется в служе-

нии, ибо «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10:35-45).

И, наконец, есть еще один «соединительный» отрывок, подобный тому, который начинается этот раздел (Мк. 8:22-26), относительно исцеления слепого человека (Мк. 10:46-52). Марк не случайно повторяет эту тему, тщательно прорисовывая случай, произошедший в то время, когда Иисус идет в Свой окончательный путь из Иерихона в Иерусалим (ст. 46). Нищий слепой по имени Вартимей, узнав, что мимо него проходит «Иисус Назарянин», не обращает внимания на свое происхождение, обращается к Иисусу, признавая в Нем Мессию, «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня» (ст. 47). И впервые Иисус не отвечает ему повелением замолчать; замолчать его пыталась заставить толпа (ст. 48). Иисус принимает и возгласы слепого, и самого этого нищего слепого, даруя ему исцеление. На этот раз не было никакого смутного зрения или второго прикосновения: ключевым снова стало слово «тотчас» (*euthus*), нищий тут же обрел зрение и последовал за Иисусом *en te hodo* (ст. 52). Здесь мы видим еще один пример загадки, данной Марком: эта фраза могла означать просто «по дороге» — и для тех, кто до сих пор слеп, такой перевод представляется естественным. Однако евангелие началось с призыва «приготовить путь» (*hodos*) и сделать его «прямым» (*euthus*, Мк. 1:2-3). Сеятель уронил несколько семян «при дороге» (Мк. 4:4, 15); чтобы огромное множество людей не ослабело «в дороге» (Мк. 8:3); Иисус спросил учеников о том, за кого Его принимают люди, также «в дороге» (Мк. 8:27), и о своем величии они спорили «дорогою» (Мк. 9:33), той самой «дорогою», которая вела в Иерусалим (Мк. 10:32). Теперь медленное движение посередине подошло к концу: ни для кого теперь не секрет, Кто такой Иисус, слепые видят и следуют за Иисусом «по дороге» (Мк. 10:52) — *euthus* и *hodos* объединяются по смыслу, и темп шага

ускоряется. Лев снова удаляется, направляясь в свое лежбище, и читателю, широко раскрыв глаза, лучше постараться его догнать.

**Иерусалим — лежбище льва
или вертеп разбойников?**

*Храм,
Мк. 11 — 13*

Евангелие от Марка напоминает симфонию из трех частей: первая часть полна активных дел, энергии и конфликта, исцеления и изгнания бесов (Мк. 1 — 8:26); вторая часть подобна интерлюдии с замедленным темпом, где уже есть время поразмыслить о том, Кто такой Иисус, и направиться вместе с Ним в Иерусалим. И вот теперь мы переходим к последней части, в которой значение имеют и время, и пространство. После полного отсутствия у него интереса к датам и времени, Марк внимательно следит за этим в тот недельный период, который предшествовал смерти Иисуса, день за днем:

Страстная неделя в Евангелии от Марка

Воскресенье	Мк. 11:1-11	Въезд в Иерусалим и в храм; уход вечером (ст. 11).
Понедельник	Мк. 11:12-19	Большая смоковница на дороге в Иерусалим; случай в храме; уход вечером (ст. 19).
Вторник	Мк. 11:20 — 13:37	Снова большая смоковница у дороги в Иерусалим; разговор в храме и о храме.
Среда	Мк. 14:1-11	Два дня до пасхи; помазание и Иуда.
Четверг	Мк. 14:12-72	Один день до пасхи; тайная вечеря и арест.
Пятница	Мк. 15:1-47	Распятие и погребение Иисуса.
Суббота		Субботный отдых (Мк. 15:42; 16:1)
Воскресенье	Мк. 16:1-8	То, что произошло потом.

После той неопределенности, которая до этого имела место в Евангелии от Марка, это внимание к

времени и месту представляет собой разительный контраст; внимание к хронологии вплоть до каждого часа, когда речь заходит о пятнице (Мк. 15:1, 25, 33, 34, 42), тогда как пространственный интерес сосредоточен вокруг храма (Мк. 11:11, 15-16, 27; 12:35; 13:1, 3). По мере того, как Иисус каждый день учил в храме (Мк. 14:49), в книге нарастает антихрамовый мотив в повествовании, и это приводит к обвинению в адрес Иисуса в том, что Он проповедовал его разрушение (Мк. 14:58). Помимо изменения отношения автора к времени и пространству, содержание этого последнего раздела также отличается от остального евангелия: об исцелении и изгнании бесов здесь больше не говорится, назревает конфликт, а учение Иисуса меняется от темы Царства и ученичества к теме авторитета и страданий. Лев пришел к своему лежбищу — но видит, что оно больше похоже на вертеп разбойников; царь зверей пришел к своему престолу — и оказывается отвергнутым.

Въезд Иисуса в Иерусалим является примером еще одной иронической загадки Марка. Причина, по которой ученики могли взять осла — «он надобен Господу» — подразумевает, что владельца это объяснение устроило; толпа выкрикивает приветствия паломникам, которые пришли «во имя Господне» на праздник в Иерусалим (Пс. 117:26); после того как Иисус осмотрел все в Иерусалиме как паломник, или как турист, Он уходит (Мк. 11:11). В отличие от Матфея или Луки, которые сделали эту тему прелюдией к «очищению» храма, Марк разделяет эти два события, которые произошли у него в разное время. Все это может показаться несущественным, поверхностным. Однако слово «Господь», *ho kurios* (ст. 3), буквально означает не только «Учитель», но и «Господин» (ст. 9); царь имеет право распоряжаться транспортом и, согласно Мишне (*Mishnah, Tractate Sanhedrin*, 2.5), седлать царского коня никто больше не имеет права, и этот молодой осел как раз отвечал таким требованиям (ст. 2); и, в-третьих, к обыч-

ному приветствию паломника добавлялось дополнительное приветствие: «благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида» (ст. 10). Иисус начал Свое вхождение в Иерусалим с обращения слепого человека «Сын Давидов»; теперь в конечном счете люди «приготовили путь Господу» (Мк. 1:3) своими пальмовыми ветвями и покрывалами (Мк. 11:7-8). Для тех людей, которые готовы рассмотреть загадку Марка более тщательно, ирония вполне ясна; царь идет, чтобы провозгласить свое царство — самый настоящий поступок льва.

Еще одна формула «сэндвича» Марка 1 — 2 — 1 показывает: в понедельник утром на пути в Иерусалим Иисус пытается найти плоды на смоковнице, хотя это время не было сезоном для урожая — и, скорее безосновательно, проклиная это дерево за то, что оно не плодоносит (Мк. 11:12-14); потом Он изгоняет менял и торговцев из храма, а Сам возвращается домой (Мк. 11:15-19); в-третьих, когда Иисус с учениками на следующее утро снова направились к храму, то увидели, что смоковное дерево высохло, что побудило Иисуса дать Своим ученикам урок о молитве (Мк. 11:20-25). Как и раньше, в связи со схемой 1 — 2 — 1, когда речь шла о проблемах в отношениях Иисуса с Его родными, так и в данном случае Матфей и Лука не разделяют энтузиазма Марка: Лука вообще не говорит здесь о смоковном дереве (Лк. 19:28-48), предпочитая несколько ранее изложить притчу о человеке, который хотел уничтожить смоковницу, не приносящую плода (Лк. 13:6-9). Матфей же переносит всю эту историю на *следующий* день после изгнания менял и торговцев из храма, в результате чего дерево высыхает сразу после проклятия (Мф. 21:18-19).

Таким образом, Марк использует принцип «сэндвича» для того, чтобы сделать иллюстрации понятными. Связь очевидна, и она объясняет, казалось бы, неразумное проклятие Иисуса в адрес смоковницы, не приносящей плода вне сезона. Смоковное де-

рево до сих пор является распространенным в Палестине и в Сирии, и на то, чтобы оно выросло и стало плодоносить, требуются годы, а виноград, который часто растет вместе со смоковницами, является естественным символом процветания и мира (см. 3 Цар. 4:25; Мих. 4:4). Оба растения часто использовались пророками в качестве символов плодородия Израиля во времена верности израильского народа Богу (Ос. 9:10) и бесплодия во времена неверности: «До конца оберу их, говорит Господь, не останется ни одной виноградины на лозе, ни смоквы на смоковнице» (Иер. 8:13; см. также Ос. 9:16; Мих. 7:1). Так, в «сандвиче» Марка проклятие смоковницы — это не досада голодного Иисуса, а драматическая иллюстрация истории, представленной в середине схемы: как смоковное дерево проклято за то, что не приносит плоды, так и храм проклят за то, что не является «домом молитвы... для всех народов» (Мк. 11:17). Независимо от сезона, смоковница, храм и весь Израиль должны признать грядущее Царство — и приносить плод. Другой символ мы видим в притче о виноградарях, не производивших никакого плода (Мк. 12:1-12), а еще чуть позже Иисус использует цветущую смоковницу в качестве символа готовности к неожиданному приходу хозяина, который может прийти независимо от сезона (Мк. 13:28-36).

Следовательно, техника «сандвича» в повествовании Марка объясняет не только «хлеб» истории о смоковнице, но и «начинку» — то, что происходило в храме (Мк. 11:15-18). О конкретной природе и историческом последствии такого действия ученые спорят до сих пор; маловероятно, что один человек мог бы выгнать всех торговцев и менял со двора храма, если учесть, что это место охранялось храмовой стражей и войсками римского гарнизона. Однако символический смысл действия Иисуса становится ясным благодаря не только символу смоковницы, но и словам Христа, цитировавшего протест Иеремии в более раннем храме, предшествовавший разруше-

нию того храма (Иер. 7:1-15). Иисус переводит этот символ в прямое учение о грядущем разрушении храма в эсхатологическом контексте (Мк. 13:1-2). Наконец, мы видим еще один пласт вокруг смоковницы и храма, что делает «сэндвич» еще более сложным: этому разделу предшествует вступление, поднимающее вопрос о личности и власти Иисуса (Мк. 11:1-11), а за разделом следует спор с иудейскими руководителями, который опять же касается личности и власти (Мк. 11:27-33). Таким образом, вся одиннадцатая глава представляет собой формулу 0 — 1 — 2 — 1 — 0, в которой подчеркивается близость грядущего переломного момента, связанного с личностью и властью Иисуса, и это становится темами для последующих двух глав.

Марка 11

Ст. 1-11	Въезд — Кто Он такой?	0
Ст. 12-14	Проклятие смоковницы	1
Ст. 15-19	Происшествие в храме	2
Ст. 20-25	Смоковница засохла	1
Ст. 27-33	Спор — Кто Он такой?	0

В отрывке Мк. 2:1 — 3:6 Марк связал вместе «истории о спорах» между Иисусом и различными иудейскими лидерами, которые привели к тому, что фарисеи и иродиане решили объединить свои усилия в заговоре против Него (Мк. 3:6). Здесь мы видим еще одну череду споров (Мк. 11:27 — 12:44), когда тот же самый враждебный союз испытывает Иисуса (Мк. 12:13), но теперь к ним еще присоединились книжники, первосвященники, старейшины (Мк. 11:27 — возмущенные Его действиями в храме?) и саддукеи (Мк. 12:18). Общей нитью здесь проходит тема власти Иисуса, явно поднятая в стихе Мк. 11:28, упомянутая — вероятно, иронично — в Мк. 12:14, а потом и Самим Иисусом в отрывке Мк. 12:35-37. Однако в одиннадцатой главе видна и тема плодоношения, которая также проходит красной

нитью по всем этим историям: подобно смоковнице и храму, виноградари в винограднике также не хотели отдавать свои плоды Богу (Мк. 12:1-12). Мудрый ответ Иисуса на вопрос о подати кесарю призывает тех, кто этот вопрос поднял, «отдавать... Божие Богу» (Мк. 12:13-17). Один из книжников признал правоту Иисуса, согласившись с Ним в том, что воздаяние плода любви к Богу и к ближнему важнее всего остального, в том числе и храмовой системы жертвоприношений (Мк. 12:32-34, чего нет в Евангелии от Матфея и от Луки, Мф. 22:34-40; Лк. 10:25-28). Наконец, после короткой атаки Иисуса на иудейских руководителей (Мк. 12:35-40, подробнее представлено у Матфея и Луки), эта тема достигает своей кульминации в истории о вдове, которая, в отличие от остальных, *приносит* плод и отдает Богу все, что у нее есть (Мк. 12:41-44).

Отсутствие плода привело к неприятию и уничтожению смоковницы и виноградарей. В тринадцатой главе Иисус оставляет храм и сидит напротив Масличной горы, пророчествуя отвержение и уничтожение не только неплодоносящего храма, но и Иерусалима, и даже всего мира. Пространственный язык, показывающий, как Иисус «выходил из» храма или сидел «против» храма (Мк. 13:1, 3), не может быть случайным. Те, кто поворачиваются спиной ко льву, как правило, будут съедены!

В отличие от всего остального евангелия, так называемый «апокалипсис от Марка», представленный в тринадцатой главе, скорее всего, является продолжением учения, поведенного несколькими ученикам, но в действительности адресованного ранней церкви, страдавшей от преследований и скорби. Этот материал, отличный от всего остального евангелия, был, вероятно, собран на ранней стадии существования ранней церкви; однако Марк был рад включить его и в свое евангелие. Сильная тема страдания, возможно, выглядела актуальной для аудитории Марка, особенно если учесть, что эти люди страдали

от преследований Нерона в Риме или переживали ужасы Иудейской войны 66 — 70 года от Р.Х., приведшей к уничтожению храма.

Марк, очевидно, переработал это в своей типичной «трехступенчатой» манере: мы видим три призыва беречься и быть готовыми (Мк. 13:5, 9, 23); три знамения Конца всего (ст. 14, 24, 28) и три призыва бодрствовать (ст. 34, 35, 37). Упоминания о «мерзости запустения» и уроки о смоковнице (Мк. 13:14, 28) возвращают нас к «сэндвичу» в отрывке Мк. 11:12-24. Предупреждения о том, что ученичество повлечет за собой страдания (Мк. 13:9-11), отсылают нас к учению о необходимости взять крест свой (Мк. 8:34-38; 10:35-45), тогда как слова о разрушении семей (Мк. 13:12-13) напоминают нам о трудностях Иисуса в отношениях с собственной семьей (Мк. 3:20-35) и Его ответ Петру (Мк. 10:28-31). Во всех этих отрывках преобладает тема конфликта, начиная от войн и природных катаклизмов (Мк. 13:7-8) и кончая испытаниями и разрушением Иерусалима (Мк. 13:9-11, 14-16), достигающими вселенских масштабов (Мк. 13:24-25). Описание страданий «за Меня» (Мк. 13:9, 13) и призыв не верить лжехристам и лжепророкам (Мк. 13:21-22), наряду с неожиданным приходом Сына Человеческого (Мк. 13:26-36) предполагают, что читатели евангелия окажутся втянутыми в тот же самый конфликт, в котором в евангелии участвовал и Сам Иисус. Поэтому, несмотря на весьма небольшой объем, эта глава содержит в себе все главные нити всего евангелия как такового.

Лев пришел в свое лежбище и был отвергнут; теперь Он сталкивается с окончательным конфликтом — и у нас есть все основания ожидать, что Он ответит ревом и агрессией. В действительности же Он готовится к смерти; но эта глава заверяет нас в том, что какие бы страдания ни выпали на долю Его самого и Его последователей, во вселенском масштабе, где Он по-прежнему остается Царем, ситуация будет складываться совершенно по-другому.

Смерть

Страсти, Мк. 14 — 15

Наконец, мы подошли к завершению — к страстям по Марку, мрачной сцене, к которой ведет все евангелие. Иисус пришел в Иерусалим, и в этом географическом месте сошлись все точки конфликта: история о льве всегда должна заканчиваться смертью, но повествование предупреждало нас, что умрет именно сам лев. Евангелие от Марка часто называют «Повествованием о страстях с длинным вступлением»; равномерные, соединенные в единую последовательность, страсти рассматривались как единственная история, которую Марк написал, опираясь на свои собственные источники. Однако внимание к литературному мастерству Марка ставит эти предположения под сомнение. Считать восемьдесят процентов евангелия всего лишь вступлением будет, пожалуй, преувеличением; каким бы образом этот материал о страстях ни попал к Марку, один и тот же ум тщательно изложил его, чтобы получилась самая настоящая кульминация всей истории. евангелие представляет собой жизнь Иисуса — древняя биография, как правило, уделяла самое пристальное внимание смерти главного героя, тем самым как бы обобщая всю его жизнь. Чтобы вернуться к образу нашей симфонии, все темы — сила и конфликт, ученичество и непонимание, личность и власть, царство и страдания — сходятся вместе, чтобы выстроить окончательную кульминацию.

Символ льва дает нам ясные царственные образы, и в то же время мы видим определенное противоречие между возвышенными словами о Христе и Сыне Божьем (голос с неба и демоны) и предпочтением Иисуса говорить о Себе как о Сыне Человеческом, а также о страданиях. Ситуация, когда Иисус предстал перед Синедрионом, сводит оба эти языка вместе. В другом «сэндвиче» Марка Петр «грелся у огня» (Мк. 14:54, 67) «по обе стороны» допроса Иисуса

(Мк. 14:55-65). Здесь, пожалуй, бросается в глаза контраст между теплом огня, у которого грелся Петр, и холодом вопросов, которые в это время задавали Иисусу — но есть четкое разделение между отречением Петра (Мк. 14:66-72), который до этого исповедовал Иисуса Богом, и утверждением Иисуса о Своей личности, которую ранее Он держал в тайне. В Мк. 14:61-62 все три титула сходятся вместе: первосвященник прямо спрашивает Иисуса: «Ты ли Христос?» (поднимая темы стихов Мк. 1:1 и Мк. 8:29), «Сын Благословенного?» (подразумевается титул «Сын Бога», используемый демонами и гласом с небес в Мк. 1:11 и Мк. 9:7; и как простой человек, первосвященник по-прежнему избегает прямо называть эти титулы). Иисус прямо отвечает: «Я» (повторяя то имя, которое мы читаем в Исх. 3:14), но потом возвращается к имени Сын Человеческий, не для того, чтобы смирить Себя, а ради прославленной личности из стиха Дан. 7:13. Тот факт, что первосвященник в ответ разодрал одежды, подчеркивает, каким сильным оказался этот ответ.

Величественный язык евангелия полон в этом разделе характерной для Марка иронии. Раздел начинается возгласами толпы (Мк. 11:10), и он продолжается до того момента, когда Иисуса помазала женщина (Мк. 14:3-9), что в те времена было символом венчания царя на царство (1 Цар. 10:1; 16:13), но что Сам Иисус истолковывает как помазание к погребению (Мк. 14:8). Это проходит постоянным рефреном по всей пятнадцатой главе: Пилат спрашивает Иисуса, Он ли «Царь Иудейский» и называет Его таковым перед толпой (Мк. 15:9, 12); над Иисусом как над царем смеются воины (Мк. 15:16-20), а также книжники и священники (Мк. 15:32); над Его головой к кресту был прибит щит с надписью «Царь Иудейский» (Мк. 15:26). Марк полон иронии относительно того, что над Иисусом смеялись, называя Его царем. Но само это насмешливое провозглашение отражает истинное положение вещей.

Цари, как правило, обладают властью, и лев активно властвует на своей территории, но здесь ситуация совсем другая. Греческий глагол *paradidomi*, что означает «передавать кому-либо», используется Самим Иисусом во втором и третьем предсказании страстей (Мк. 9:31; 10:33), а также относительно судьбы Его учеников в трех апокалипсических предсказаниях (Мк. 13:9, 11, 12). Теперь этот глагол используется по отношению к Иисусу не менее десяти раз (Мк. 14:10, 11, 18, 21, 41, 42, 44; 15:1, 10, 15). Таким образом, Иисус постепенно становится все менее активным; теперь все больше обстоятельств зависит от других людей, когда они постоянно передают Его от одного к другому — от Иуды к иудейским правителям, потом к Пилату, а потом к воинам, которые Его и распяли. Марк в типичной своей манере нагнетает напряженность, открывая льву три возможности совершить свободный прыжок: в Гефсимании (Мк. 14:35-36), в попытке Пилата отпустить Его (Мк. 15:9), а также в тех насмешниках, которые иронично говорили о Его способности спасти Себя и сойти с креста (Мк. 15:30). Однако теперь ничто из этого Ему не доступно; Он всецело в их власти. Даже сторонние наблюдатели стали агрессивны по отношению к Нему, и теперь Его оскорбляют все — прохожие, первосвященники и книжники. И те и другие распяли Его (Мк. 15:29-32). Как это ни парадоксально, но такое отсутствие власти с Его стороны только подтверждает окончательное всемогущество Бога, поскольку враги Иисуса в действительности выполняли Его волю, пытаясь остановить Его, насмехаясь над Ним, распиная Его. Когда активный лев стал пассивным, его рык тоже перестал быть слышен: Марк в этих отрывках показывает Иисуса говорящим только три раза — подтверждая Свою личность перед первосвященником и Пилатом (Мк. 14:62; 15:2) и во время Его последнего восклицания Богу (Мк. 15:34). Во всех остальных случаях Марк подчеркивает, что Иисус молчал (Мк. 14:61; 15:5).

Опять же, на память приходит Аслан как лев, который страдает, чья грива сбрита, а челюсти стиснуты, чтобы враги могли над ним посмеяться, и которого потом убивают на Каменном Столе (*The Lion, the Witch and the Wardrobe*, Puffin/Penguin, 1959, pp. 139-140).

Вся сцена распятия сама по себе представляет собой одну сплошную тьму (как в образном, так и в прямом смысле; см. Мк. 15:33), страдание и запустение. Иисуса постепенно оставили и отвергли все; свое одиночество в Евангелии от Марка Иисус выражает единственными словами, которые Он произносит на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?», первые слова псалма 21. Насмешки над Иисусом (Мк. 15:29, 31) также относятся к этому псалму: «Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою» (Пс. 21:8-9). В повторении крещения снова появляется слово *schizo* — но на этот раз только завеса в храме разодралась; небеса оставались закрытыми, а тот Голос, о Котором мы читаем в Мк. 1:11 и Мк. 9:7, на этот раз молчал. Ироничность ситуации состоит еще и в том, что слова Иисуса, как и много раз до этого, снова поняты неправильно: «Вот, Илию зовет» (Мк. 15:35). И поэтому они ждут — но никто не приходит; даже эта последняя надежда на спасение исчезает, и Иисус умирает в одиночестве, всеми брошенный и отвергнутый (Мк. 15:37). И тогда картина представляется и вовсе безнадежной: лев окончательно повержен, загадочного пророка так и не понимают, хрупкая вера учеников и вовсе оставляет их, конфликт проигран, а Сын Человеческий умирает, как Он и предсказывал. И все же в этот самый момент появляется первый человек, который признает, что Иисус есть Сын Божий, — но это не ученик, не религиозный руководитель, и даже не представитель Его собственного народа, а римский сотник (Мк. 15:39). Перед нами типичный биографический мотив, предназначенный для того, чтобы обоб-

щить жизнь описываемого одной краткой и емкой фразой, эпиграмматическая эпитафия; тайна, которую не видел никто, пока Он был жив, и которая теперь стала широко известной, — но все это слишком поздно. Теперь только и остается, что захоронить Его в чужой могиле (Мк. 15:40-47).

Для большинства людей древнего мира попытка понять важность смерти распятого преступника была бессмысленной. Римских граждан было категорически запрещено приговаривать к распятию — эта казнь была уготована только для рабов и чужеземцев; всякому человеку, образованному в традициях греческой философии, обретение богословского блага посредством смерти представлялось совершенным безумием, тогда как для иудея всякий, кто висел на дереве, считался навеки проклятым (Вт. 21:22-23; см. также 1 Кор. 1:23). Поэтому Марк возвышает богословское значение своего повествования, доводя его до кульминации на кресте на таком мрачном фоне. Здесь и должен крыться ответ на все загадки и головоломки этого евангелия. Загадочная Персона, так часто не понимаемая собственными родными и учениками и против Которой выступали религиозные и политические власти, показывает Свою власть и личность в Своем последнем конфликте, страдающая до окончательного упадка и оставленная даже Самим Богом. То же самое ждало и тех, для кого предназначено это евангелие: во всем евангелии, особенно в его средней части, посвященной ученичеству и апокалипсическим предостережениям тринадцатой главы, есть намеки на то, что то же самое ждет и церковь. Те люди, которые верят, что следование за распятым Христом усеяно розами, забывают о шипах, говорит Марк. Да, Иисус *действительно является Сыном Божиим, сильным и властным* в Своей вселенской борьбе, и этого мы не должны забывать; но для Него не было никакого чудесного избавления в последнюю минуту — и для тех, кто последует за Ним, его тоже не будет.

«Воскрес, как лев»?

Воскресение, Мк. 16:1-8

Когда мы подходим к повествованию Марка о воскресении Иисуса, картина перед нами возникает ничуть не лучше: отцы ранней церкви могли сказать, что Иисус воскрес триумфально, как лев — но такой образ вовсе не основан на Мк. 16:1-8. Как и большая часть Евангелия от Марка, его окончание полно загадочности, страха и ужаса. Вместо того чтобы поведать нам о прекрасном и счастливом конце, эта история преподносит нам еще больше вопросов. Куда ушел Иисус? Почему те женщины, которые видели в пятницу вечером, как камень закрыл вход в гробницу (Мк. 15:46-47), лишь думали о том, как трудно будет его отодвинуть, находясь при этом еще только на пути к могиле (Мк. 16:3)? Кем или чем является юноша в белом (Мк. 16:5)? После всех заповедей Иисуса о тайне и молчании в этом евангелии, теперь, когда женщинам было сказано идти и рассказывать всем — почему они молчали и держали все в тайне из страха (Мк. 16:7-8)? Таким образом, то евангелие, которое было полно тайн и скрытого смысла, заканчивается пустой гробницей и исчезнувшим Иисусом.

Обещание, данное в Мк. 16:7, согласно которому ученики увидят Иисуса в Галилее, соответствует собственному пророчеству Иисуса на тайной вечере, согласно которому все Его бросят, а также Его обещанию ждать их заранее в Галилее (Мк. 14:27-28). Здесь одна из основных повествовательных линий Марка обрывается, но не заканчивается. Заинтересованный читатель хочет знать, что произошло с несчастными учениками: закончилось ли все счастливым воссоединением? Чтобы узнать об этом, нам придется обратиться к другим евангелистам. Если следовать только сюжетной линии Марка об учениках, то этот вопрос остается открытым; для Марка история об Иисусе становится историей о Его последователях, а их история становится историей о чита-

телях. Последуют ли они за Иисусом или нет, поверят или так и останутся во власти непонимания, увидят ли они Его в Галилее или так и будут смотреть на пустую гробницу, зависит от нас.

Все это, конечно, подразумевает, что евангелие заканчивается на Мк. 16:8. Определенно, именно на этом стихе евангелие и останавливается: двух известных нам альтернативных окончаний — восьмого стиха, а также стихов 9 — 20 — в древних манускриптах нет, а сами эти окончания написаны совершенно в другом стиле и основаны на более поздних евангелиях. Возможно, они были составлены для того, чтобы заполнить «разрыв», образовавшийся после того, как было утрачено изначальное окончание. Но, вероятнее всего, никакого такого «окончания» вообще не было. По законам литературы «окончание» повествования может либо соединять вместе все сюжетные линии, уравновесить начало — либо специально оставить сюжет недосказанным; и можно утверждать, что отрывок Мк. 16:1-8 выполняет все эти три функции. Если Аслан — это не прирученный лев, то и Евангелие от Марка — это не книга утешения. Мы воспользовались образом льва для выражения Иисуса, а не автора, но, вероятно, есть что-то от льва и в самом Марке, который все время перепрыгивает с места на место и при этом полон сил и готов к схватке. В *Келлской книге*, помимо льва, изображенного на первой странице Евангелия от Марка, есть маленькое изображение льва, взбирающегося на вершину первой буквы в тексте первого стиха первой главы (см. рис. 4). В его пасти находится человек, которого он вот-вот проглотит. Может быть, это лев Иисус собирается поглотить евангелиста Марка? Или же это лев евангелист, смыкающий свои челюсти вокруг несчастного читателя? Мы не знаем, но, вероятно, евангелие несет читателю серьезное предостережение!

Независимо от того, заканчивается ли оригинал евангелия здесь или *где-то здесь*, можно сказать, что

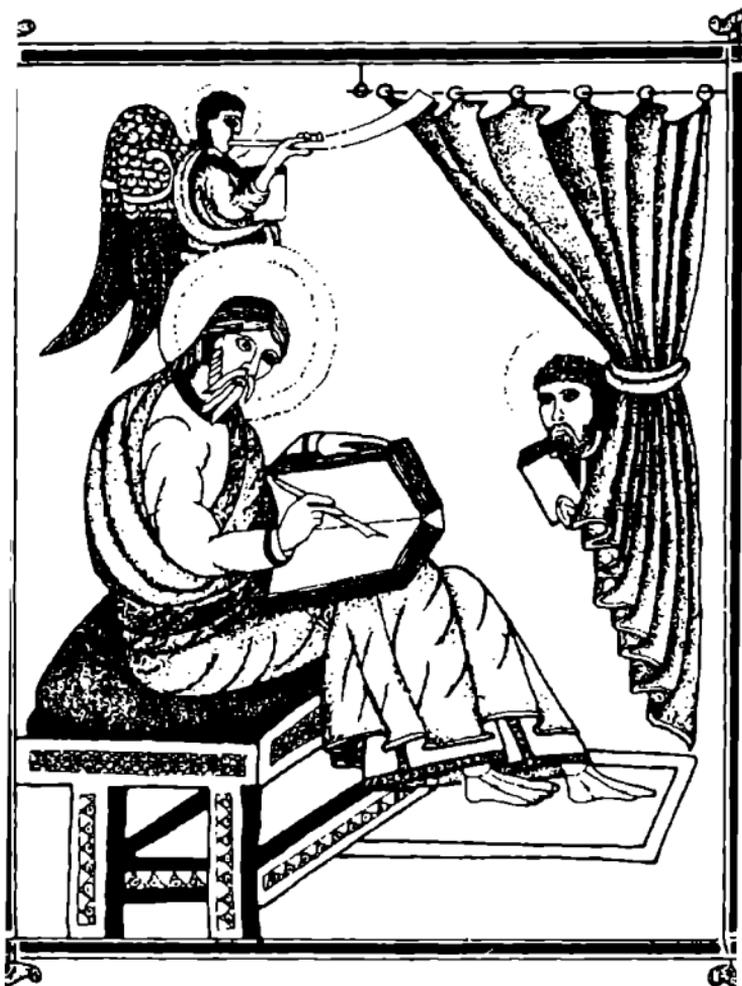

Рис. 4. Фрагмент вступления Евангелия от Марка, Келльская книга, фолио 130R.

история у Марка заканчивается так же резко, как и начинается. Нет никакого вступления или предыстории появлению Иисуса, как нет ничего подобного и относительно Его ухода. Никто не знал, откуда Он пришел; никто не знает, куда Он исчез; немногие понимали Его, пока Он был на земле — загадочная Личность, Чья сила проявилась в страданиях и Чья власть проявилась в смерти. Для завершения нашего главного образа в христологии Марка, скажем лишь, что лев впрыгнул, зарычал, прыгнул снова и позвал нас для того, чтобы мы вновь встретились с ним — либо в Галилее, либо где-нибудь еще.

«Значит, он опасен?» — сказала Люси. «Опасен? — повторил мистер Бобр. — Кто говорит о безопасности? Конечно же, он опасен. Но он добрый, он — царь зверей, я же тебе сказал» (*The Lion, the Witch and the Wardrobe*, Puffin/Penguin, 1959, p. 75).

с. 5. Св. Матфей, Евангелие из Линдисфард
фолио 25b.

Учитель Израиля — Иисус в Евангелии от Матфея

Человеческий лик

Символизм и смысл

Подробно рассматривая Евангелие от Марка, мы увидели, что, поскольку в центре евангелий стоит Личность, их следует читать как биографии. Около 90 процентов текста Евангелия от Марка (порядка 600 стихов) повторяется в Евангелии от Матфея. Их число сокращено до 523, поэтому, по приблизительным подсчетам, эти стихи составляют примерно половину Евангелия от Матфея. И все же, несмотря на это обстоятельство, общая картина Иисуса в Евангелии от Матфея получается совершенно другой. Матфей дает нам более полный портрет, делая евангелие ближе к биографии, представляя дополнительные обстоятельства, связанные с рождением и воскресением Иисуса, а также гораздо более полное Его учение.

Если Евангелие от Марка мрачное и загадочное, Матфей стал «как дети» (Мф. 18:3, вместо «примет», как у Марка, Мк. 10:15); когда мои дочери были маленькими, они постоянно спрашивали: «Почему? Зачем? Не понимаю, папа, объясни, пожалуйста». Если у Марка Иисус представляет Собой загадочную и непонятную Личность, взгляд Матфея на Него более четкий и прозрачный: те темные углы, которые остаются в повествовании Марка, у Матфея становятся ясными и понятными. Если повествование Марка построено вокруг недоступности Бога и отсутствия Иисуса, Матфей показывает нам откровение Бога через присутствие Иисуса (Мф. 1:23; 28:20).

Символом, который всегда ассоциируется с Матфеем, является человеческий лик. В писаниях и религиях древнего Ближнего Востока животные сим-

волизировали божественные силы и атрибуты, но образ человека символизировал откровение и разум. Согласно Ветхому Завету, предназначение человека состоит в том, чтобы обладать пониманием (Пр. 30:2), которое приходит благодаря Божьему Духу (Иов 32:8); все люди, как мужчины, так и женщины, сотворены по образу Бога и наделены властью на земле (Быт. 1:26-27; Пс. 8:5-8). Понимание и, вероятно, власть предполагают символ учителя. Матфей включает в свое евангелие большую часть той деятельности Иисуса, о которой говорится в Евангелии от Марка, и этот материал составляет у Матфея половину его евангелия, основу его повествования. Еще четверть евангелия, около 280 стихов, составляют учение и высказывания Иисуса, которые мы также видим у Луки, и этот материал, вероятно, заимствован из источника «Q». Оставшаяся четверть евангелия (которую исследователи для простоты называют «М») представляет собой материал, который мы находим только у Матфея. Эти стихи раскрывают особый интерес Матфея, и в этих стихах, иудейских по своему характеру, Иисус предстает перед нами не просто как рабби, но и как человеческий лик Бога, — Тот, Кто показывает нам, что Он, как Сын Бога, по праву обладает властью. Этот человеческий лик носит не такой наглядный характер, как лев у Марка, но для Матфея главный вопрос заключается в следующем: каким образом такой хороший иудейский мальчик, как Иешуа бен Иозеф из Назарета стал Учителем Израиля и в то же время в конечном счете основал языческую церковь?

Где Тот, Кто родился
Царем Иудейским?

Повествования
о детстве, Мф. 1 — 2

Евангелие от Марка начинается со слов «Начало Евангелия Иисуса Христа», но в Евангелии от Матфея мы видим другое ключевое слово — *родословие*: «Родословие (*biblos geneleos*) Иисуса Христа, Сына

Давидова, Сына Авраамова» (Мф. 1:1). Сразу после этого мы встречаем фразу, которая многократно используется в книге под названием «Бытие» (см. Быт. 2:4; 5:1); тут же бросается в глаза намек на возрождение творения (творение заново) с прибытием Иисуса. Более того, если у Марка Иисус впервые появляется на сцене уже будучи совершенно взрослым, Матфей делает свое повествование более похожим на древнюю биографию, говоря о предках Иисуса, о Его происхождении и рождении. Древние биографии часто включают в себя такие темы, и уже после этого в них говорится о начале общественной деятельности этого человека, хотя, как правило, такие вступительные темы излагались кратко, не так полно, как мы это видим в современных биографиях.

Матфей называет Иисуса «Христом» (как и Марк), но вместо «Сына Божия», как у Марка, в Евангелии от Матфея мы читаем про «Сына Давидова, Сына Авраамова». Сразу после этого мы знакомимся с иудейским происхождением Учителя Израиля. Если в Евангелии от Марка только слепой Вартимей называет Иисуса «Сыном Давидовым», когда Тот идет в Иерусалим, в Евангелии от Матфея Его уже гораздо раньше называют так и толпы людей (Мф. 12:23; 21:9, 15), и отдельные люди, нуждающиеся в Его помощи (Мф. 9:27; 15:22; 20:30-31). Слов «Сын Авраамов» в Евангелии от Марка нет вообще; у Матфея эти слова отсылают нас назад, к великому герою книги Бытие, но в то же время говорят нам и об исполнении великого обетования, данного Аврааму — что в нем будут благословлены *все* народы (Быт. 12:3; 18:18; 22:18; 26:4). Это будет исполнено через поклонение мудрецов, прибывших из других стран (Мф. 2:1-12), и через веру римского сотника (Мф. 8:10-11); Израиль узнает, что Бог может сотворить детей Авраама и из камней (Мф. 3:9), а Иисус Своим великим поручением отправит учеников к язычникам (Мф. 28:19).

Эти две темы — иудейство Давида и Авраама, а также вторжение язычников — появляются в генеалогии Иисуса в том виде, как она представлена в Евангелии от Матфея. Эту генеалогию можно разделить на три части по четырнадцать имен в каждой, от Авраама до Давида (Мф. 1:2-6), от Давида до Вавилонского пленения (ст. 6-11) и до Самого Иисуса (ст. 12-16) — после чего Матфей делает четкое численное обобщение (ст. 17). Как и Марк, Матфей любит число три, тогда как число четырнадцать является суммой численных значений еврейских букв, составляющих имя Давида. Иисус, по словам Матфея, является трижды потомком Авраама и «Сыном Давида»!

В то же время в этой иудейской генеалогии есть четыре странных женщины — Фамарь (ст. 3), Рахава и Руфь (ст. 5) и «бывшая за Уриею» (ст. 6). Все они, так или иначе, были связаны с язычеством: Фамарь, скорее всего, была хананеянка (1 Пар. 2:3-4); Рахав была родом из Иерихона еще до его падения (Нав. 2:1); Руфь была моавитянка (Руфь 1:4); Урия был хеттеянин (2 Цар. 11:3). Они также привносят в эту родословную необычные межполовые отношения: Фамарь притворялась блудницей, чтобы зачать Фареса и Зару от отца ее умершего мужа (Быт. 38:7-9, 13-30); Рахав была блудницей (Нав. 2:1; 6:22-25); у Руфи не было детей в результате смерти ее мужа, и она родила от его родственника, Вооза (Руфь 1:5; 4:13); упоминание Вирсавии только по имени ее мужа говорит нам о прелюбодеянии и убийстве, которые совершил Давид (2 Цар. 11 — 12). Зачатие Иисуса Марией, женой Иосифа (Мф. 1:16), совершенно необычное явление — и в то же время все это было в Божьих планах (1:17): Иисус есть Тот, посредством Которого исполнилось обетование, данное Аврааму относительно всех народов, и Которого обвиняли в том, что Он является другом язычников и грешников.

Прочитав генеалогию, мы видим в Мф. 1:18 вступление в следующий раздел: «Рождество Иисуса Христа было так», после чего мы читаем так называемое «повествование о рождении» — и, кроме этих слов, никакого повествования о рождении не видим. Вместо этого Матфей рассказывает о беременности Марии с точки зрения Иосифа (Мф. 1:18-25), после чего следует посещение языческими мудрецами младенца, что произошло уже в какой-то неопределенный момент после рождения (Мф. 2:1-18). Тема необычных сексуальных отношений продолжена, и мы видим это в желании Иосифа тайно отпустить Марию, чтобы избавить ее от бесчестья (Мф. 1:19); но все произошло иначе, поскольку вмешательство ангела заставило Иосифа принять Марию как жену и принять ребенка в свою генеалогию (Мф. 1:25). Тем не менее, и повествователь (Мф. 1:18), и ангел (Мф. 1:20) подчеркивают то, что отцом Иисуса является Бог и что Он был зачат Святым Духом — и отсутствие брачных отношений между Иосифом и Марией подчеркивает эту мысль (Мф. 1:25). Весь ход истории до появления ангела и пророчества о ребенке подчеркивает участие Бога, что напоминает читателям Евангелия от Матфея схожие истории о рождении из Ветхого Завета (например, Сары, Аврама и Агари в Быт. 16 или рождения Самсона в Суд. 13).

Когда у нас рождались дети, то мы, как и всякие гордые родители, долго ломали голову над тем, какое им дать имя, обращаясь при этом к длинным спискам имен и их значений. В древних биографиях имена имели огромное значение, потому что им отводилась ключевая роль в определении будущего человека или его деятельности. Этому же принципу следует и Матфей: «Иисус» — это греческая форма слова *Иешуа*, что означает «Господь есть спасение» (Мф. 1:21). Имя «Иисус» в Евангелии от Матфея встречается около 150 раз (почти столько же, сколько в евангелиях от Марка и Луки вместе взятых), однако здесь Он по имени нигде не упоминается (в

отличие от Мк. 1:24; 5:7; 10:47, если не принимать во внимание Мф. 8:29; 20:30), и лишь изредка другие люди упоминают Его по имени (Мф. 21:11; 26:69, 71; 27:17, 22, 37). Матфей бережет это имя с его значением «Господь есть спасение» для самого себя как повествователя, когда рассказывает свою историю об Иисусе. Другим именем Иисуса является Эммануил, что означает «С нами Бог»: это евангелие повествует о присутствии Бога, а не о Его загадочности — и такой же стих четко формирует «конец книги», указывая на конец евангелия, сбалансированного самым последним обещанием Иисуса всегда быть с нами (Мф. 28:20). Поэтому все эти личные имена, представленные в первой главе, ясно показывают нам, Кто есть Иисус.

Во второй главе различные географические названия говорят нам о том, откуда пришел Иисус. После пророчества о Его рождении, представленного в первой главе, в начале второй главы Он уже рожден — в Вифлееме, очевидно, там, где остановилась Его семья. Затем мудрецы с Востока пришли в Иерусалим с еще одним именем: «где родившийся Царь Иудейский?» (Мф. 2:2). Далее география повествования перемещается вместе с мудрецами в Вифлеем (ст. 8), а потом мы читаем, что они вернулись домой по другой дороге (ст. 12); о бегстве семьи в Египет (ст. 14), об убийстве младенцев в Вифлееме (ст. 16-18), о возвращении из Египта в Назарет (ст. 19-23). В отличие от Марка, Матфей весьма ясно говорит, Кем является этот Учитель Израиля, откуда Он пришел, где Он был.

Хотя история рассказывается с точки зрения Иосифа — о том, как во сне он получает видение и предостережение — все же в ней постоянное внимание уделено «Младенцу с Мариєю» (Мф. 2:11, 13, 14, 20), что напоминает нам о том, что Иисус есть Сын Божий; Иосифу никто не говорит «возьми сына *твоего*». Божественное происхождение Иисуса раскрывается в том, что Ему поклоняются (Мф. 2:2, 8, 11). Если это слово редко встречается в евангелиях

от Марка и от Луки, в Евангелии от Матфея последователи Иисуса — прокаженные, женщины, ученики — поклоняются Ему не только в младенчестве, но и в течение всей Его жизни (Мф. 8:2; 9:18; 14:33; 15:25; 20:20; 28:9, 17).

Таким образом, эти начальные главы ясно говорят об иудейском происхождении Иисуса и о Его Божественной природе — но они также намекают и на отвержение: нечестивый союз Ирода, а также первосвященников и книжников, сны и предупреждения, массовое убийство невинных людей — все это предвещает более поздний конфликт, о котором также идет речь в евангелии, конфликт между Израилем и Учителем. Атмосфера Ветхого Завета продолжается с осуществлением различных пророчеств (Мф. 1:22-23; 2:6, 15, 17, 23). Здесь речь идет не только об осуществлении пророчеств. Здесь мы видим повторение истории о Моисее: младенца спасают от намерений злого царя убить младенцев (Исх. 1:15 — 2:10, ср. Мф. 2:16-18); ему пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь, и он был вынужден жить в другой земле (Исх. 2:15-22, ср. Мф. 2:13-14) и вернуться только после смерти царя (Исх. 2:23, ср. Мф. 2:19-20), что также подразумевает взятых с собой жену и сыновей (Исх. 4:20, ср. Мф. 2:21). Поэтому Матфей предполагает, что Иисус не просто Сын Давида и Сын Авраама, но еще и другой Моисей, Избавитель, призванный снова учить Израиль тому, что «Господь есть спасение».

Следовательно, эти начальные главы провозглашают, кто есть Иисус, опираясь на имена, родословную Иисуса, а также на истории о Его рождении; в этом евангелии нет никаких тайн, характерных для Евангелия от Марка. Более того, Матфей мудро вплетает в это начало многие его темы: Бог активно трудится в деле спасения Своего народа, Израиля, посредством этого нового сочетания, Авраама — Моисея — Давида, — и в то же время Он намекает на то, что Израиль может отвергнуть Его, тогда как

язычники, некоторые из которых оказались причастны к родословной Иисуса и поклонялись Ему после Его рождения, могут обрести исполнение Божьего обетования, данного Аврааму и касающегося благословения всех народов.

Еще один Моисей?

Начало служения,
Мф. 3 — 8:1

В изображении Матфея, представленном в *Евангелии из Линдисфарна* (рис. 5 на с. 104), есть еще одна фигура, выглядывающая из-за портьеры и держащая в руках книгу. Некоторые исследователи и искусствоведы полагают, что, возможно, это Моисей, держащий в руках Книгу Закона. Определенно, ссылки на Ветхий Завет, представленные в следующем разделе, подтверждают представление об Иисусе в качестве Учителя Израиля как об еще одном Моисее. Главы Мф. 3-8:1 повествуют о реке Иордан, о пустыне и о горе — все это тут же напоминает нам истории об Исходе. Бог, обращаясь к фараону, называет Израиль «сын Мой, первенец Мой» (Исх. 4:22); они прошли через воды Красного моря (Исх. 14:21-22), были испытываемы Богом в пустыне в течение сорока лет (Вт. 8:2); Моисей восходил на гору, чтобы получить учение Бога (Исх. 19:20), а потом спустился к людям (Исх. 19:24-25); и в конце испытаний в пустыне Бог забрал Моисея на вершину горы, чтобы Моисей мог обозреть ту страну, войти в которую ему самому было не суждено (Вт. 3:27; 34:1-4); после его смерти израильтяне пересекли реку Иордан, ведомые Иисусом Навиным, чье имя буквально означает «Бог есть спасение» (Нав. 3).

Сейчас перед нами другой пророк в пустыне (Мф. 3:1-3); Иисус, «Бог есть спасение», приходит к реке Иордан (Мф. 3:13), и Бог называет Его «Сын Мой» (Мф. 3:17); как и израильский народ, Он также идет в пустыню, где сорок дней и ночей проходит испытания (Мф. 4:1-2), в конце которых также возносится

на вершину горы и видит оттуда царства мира сего (Мф. 4:8); Он также идет на гору, чтобы дать Израилю Свое учение (Мф. 5:1), а потом спускается к людям (Мф. 8:1). Так Матфей очень мудро и тщательно прорисовывает свой портрет Иисуса как еще одного Моисея, нового Учителя Израиля — но с еще одним географическим пунктом. Если Моисею с этой горы был показан только Израиль (Вт. 34:1-4), Иисус видит «все царства мира» (Мф. 4:8); более того, только Матфей говорит о том, что Иисус стал жить в Капернауме, в «Галилее языческой», чтобы те люди, которые живут во тьме, могли видеть свет (Мф. 4:13-16). Как и в историях о младенчестве, здесь мы видим намеки на то, что и язычники будут благословлены этим Учителем Израиля.

Сравнение с другими евангелиями показывает нам небольшую разницу в главах 3 и 4 Евангелия от Матфея. Если в евангелиях от Матфея и от Луки представлена большая часть учения Иоанна Крестителя, (сравните Мф. 3:7-10, 12 с Лк. 3:7-9, 17), то только Матфей говорит, что оно было адресовано фарисеям и саддукеям (Мф. 3:7), как позднее и критика Иисуса (Мф. 23). Только Матфей говорит нам, что Иоанн колебался с крещением Иисуса (Мф. 3:14). Некоторым ранним христианам трудно было понять, почему крестился Иисус: например, в *Евангелии евреев* сказано, что Мария предложила Иисусу креститься, и Иисус в ответ сказал ей, что Ему не нужно этого делать, потому что Он безгрешен (сохранено в книге Иеронима *Против пелагиан*, III.2). Матфей ушел недалеко от этого, но в ответе Иисуса звучат два любимых слова Матфея: «исполнить (всякую) правду» (Мф. 3:15). И, наконец, если у Марка Иисус видит небеса разорванными и слышит: «Ты Сын Мой» (Мк. 1:10-11) — то у Матфея небеса открываются на виду у всех, и голос с небес говорит во всеуслышание: «Сей есть Сын Мой возлюбленный». И здесь нет никакой тайны в личности Иисуса: Он есть Сын Божий, наделенный Духом (Мф. 3:16-17).

Личность Иисуса также является ключом к пониманию истории искушения (Мф. 4:1-11). Первые два искушения напоминают нам о Голосе с небес во время крещения, потому что они бросают вызов Иисусу как Сыну Божьему, который мог бы превратить камни в хлеб, а также вызов Богу, способному быть выше всех законов гравитации. Опять же, мы помним, через что пришлось пройти Израилю во время исхода: голод утоляла манна с небес (Вт. 8:3), в то время как израильский народ искушал Бога в Массе (Вт. 6:16). Ответы Иисуса также основаны на этом разделе Книги Второзаконие: «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4:4, цит. по Вт. 8:3) и «не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4:7, цит. по Вт. 6:16). Наконец, как Моисей обозревал Израиль с вершины Фасги (Вт. 3:27; 34:1-4), так и Иисус, находясь на вершине горы, обозревал все царства мира, но отказался обрести их через поклонение дьяволу (Мф. 4:10, цит. по Вт. 6:13). Иисус обрел всю власть не от дьявола, но от Бога; вместо поклонения дьяволу, Самому Иисусу поклонялись, когда Он посылал Своих учеников во все царства с другой горы, как сказано у Матфея в самом конце его книги (Мф. 28:16-20). Таким образом, в пустыне Иисус побеждает там, где Израиль потерпел неудачу, после чего Он идет жить в «Галилее языческой» (Мф. 4:13-15), где, как и Моисей, Он будет учить Израиль с горы (Мф. 5:1; 8:1). Этот начальный раздел раскрывает три темы: горы, исполнение написанного в Писании и личность Иисуса.

Горы

По какой-то необъяснимой причине люди отождествляют горы с Богом. Во многих древних религиях люди поклонялись своим богам на «высотах». Даже сегодня мы говорим о «подъеме в гору», несмотря на то, что мы уже вроде бы не следуем учениям о том, что горы ближе к Божьей небесной обители —

хотя полет на реактивных лайнерах и заставляет многих людей молиться усерднее! Горы играли важную роль в религиозной жизни Израиля, особенно Синай (в связи с Моисеем) и Сион (в связи с Давидом). На этих двух горах Бог заключал заветы со Своим народом. На Синае (известном еще как Хорив) народу были даны закон и завет (Исх. 19 — 24; 3 Цар. 8:9), а Илии было на ней видение Бога (3 Цар. 19:8). Сион был городом Давида (2 Цар. 5:6-10; 6:1-19), местом поклонения в храме (3 Цар. 6; 2 Пар. 3 — 5; см. Пс. 120 — 134), а в будущем он станет местом встречи для окончательного торжества Израиля (Ис. 35:10; Иер. 31:12; Иез. 20:40 и главы 40 — 48) и всех народов (Мих. 4:1-2; Зах. 14:2, 16-17).

Таким образом, для Израиля горы являются своего рода символом откровения, присутствия Бога, поклонения и исполнения обетований, и все это также отражено в Евангелии от Матфея, в стихах, повествующих об Учителе Израиля, стоящем на вершине горы. В Евангелии от Марка также говорится о горах: Иисус отправился на гору молиться (Мф. 14:23 = Мк. 6:46); Его преображение также произошло на горе (Мф. 17:1 = Мк. 9:2); Он вошел в Иерусалим со стороны горы Елеонской (Мф. 21:1 = Мк. 11:1), с которой Он предрекал апокалипсис (Мф. 24:3 = Мк. 13:3) и куда пошел молиться в Гефсиманский сад (Мф. 26:30 = Мк. 14:26) — но Марк эту тему не развивает. Раскрывая тему апокалипсиса, Лука не говорит о Елеонской горе, уделяя все внимание храму (ср. Лк. 21:5-7 с Мк. 13:1-3); Матфей же ничего не говорит о храме и все внимание уделяет Елеонской горе, подчеркивая при этом тему конца века (Мф. 24:3). Матфей также говорит о других горах: окончательная борьба с сатаной происходит на «весьма высокой горе» (Мф. 4:8); Иисус «взошел на гору» (Мф. 5:1); Он также восходил на гору, чтобы лечить людей (Мф. 15:29-31) и насыщать четыре тысячи человек (Мф. 15:32-39); а в день вознесения на горе в Галилее воскресшему Христу поклоняются

люди, а Сам Он дает Своим ученикам великое поручение (Мф. 28:16-20).

Таким ненавязчивым образом Матфей использует горы для того, чтобы показать, Кто есть Иисус на самом деле: Он есть еще один Моисей, который учит и чудесным образом насыщает множество людей; Он есть Сын Давида, пророчествующий с Сиона о конце света; Он есть Сын Божий, Которому поклоняются на горе все народы. Он есть Учитель Израиля — и не только: Он есть присутствие Бога, не облако, покрывающее гору, а Личность, живущая среди людей.

Исполнение закона и пророков

Во-вторых, этот новый Учитель Израиля в первых главах книги все время исполняет написанное в Писании. Кроме того, Иисус использует Писание, чтобы победить сатану в пустыне. У Матфея есть около шестидесяти ссылок или цитат из Ветхого Завета — в три раза больше, чем у Марка. В десяти случаях мы встречаемся с фразой «да сбудется реченное Господом через пророка» (непорочное рождение, Мф. 1:22-23; бегство в Египет, Мф. 2:15; избиение младенцев, Мф. 2:17-18; Назарет, Мф. 2:23; жизнь в Галилее, Мф. 4:14-16; исцеление и служение, Мф. 8:17; 12:17-21; притчи, Мф. 13:35; въезд в Иерусалим, Мф. 21:4-5 и «кровавые деньги» Иуды, Мф. 27:9-10). Есть и другие отрывки, которые говорят об исполнении сказанного в Писании (Мф. 2:5-6; 13:14-15; 26:54, 56).

Учитель Израиля исполняет то, что сказано в израильском Писании. Кроме того, Он исполняет и закон. Только в Евангелии от Матфея Иисус приходит не для того, чтобы нарушить закон и пророков, а для того, чтобы исполнить их (Мф. 5:17-20). Этот отрывок является своего рода водоразделом между двумя тенденциями, которые превалировали в те времена: Матфей противопоставляет «антизаконному» противодействию закону, но при этом он выступает

и против законоцентричного подхода раввинистического иудаизма. Кроме того, Матфей показывает, как Иисус истолковывает заповеди, касающиеся убийства, прелюбодеяния, развода, сквернословия, возмездия и любви к врагам: «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...» (Мф. 5:21-48). Он смотрит не на букву закона, а на внутренний смысл, и при этом не ослабляет сам закон. В ответ на критику фарисеев Иисус дважды отвечает словами Ос. 6:6, «Я милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13, ср. Мк. 2:17; а также Мф. 12:7, ср. Мк. 2:25-27). Учитель Израиля толкует закон через любовь. Схожим образом Матфей опускает одобрительное высказывание Иисуса в адрес законника, спросившего Его о самой главной заповеди (Мк. 12:34; Лк. 10:28); любовь к Богу и к ближнему является главной заповедью, но только в Евангелии от Матфея мы читаем продолжение: «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:36-40). У Луки есть простое «Золотое правило» — поступать с другими людьми так, как мы хотим, чтобы поступали и с нами (Лк. 6:31), но Матфей при этом добавляет «ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). Итак, через такое исполнение Писания и закона Матфей подчеркивает последовательность Иисуса Учителя, Его неразрывность с израильскими Писанием и традициями.

Личность Иисуса

Матфей не просто показывает, как Иисус исполняет закон и пророков, но и говорит при этом, что «здесь Тот, Кто больше храма» (Мф. 12:6). Тема личности Иисуса проходит по всем начальным главам как исполнение иудейских надежд — это новый Авраам, призванный благословить язычников, это новый Моисей, призванный войти во все земли, это новый Давид, призванный предсказывать конец света, и даже новый Израиль, призванный победить в пустыне. В то время как Иисус называет себя «Учи-

телем» (Мф. 23:8; 26:18), ученики в Евангелии от Матфея никогда не называют Его учителем: так Его называют только Его противники и те, кто задавал Ему вопросы (Мф. 8:19; 9:11; 12:38; 17:24; 19:16; 22:16, 24, 36) — и слово «Рабби» в качестве приветствия произносит предатель, Иуда (Мф. 26:25, 49). Иисус является Учителем — но Он далеко не только Учитель: в Евангелии от Матфея ученики и все те, кто обращался к Нему за помощью, называли Его *kyrie*, «Господи» (Мф. 8:2, 6, 8, 21, 25; 9:28; 14:28, 30; 15:22, 25, 27; 16:22; 17:4, 15; 18:21; 20:30, 31, 33; 26:22).

Повествование Матфея об исповедании Петра не ограничивается словами, которые мы читаем в Евангелии от Марка: «Ты Христос», и он добавляет «Сын Бога живого» (Мф. 16:16, ср. Мк. 8:29). Здесь мессианство Иисуса ни для кого не является тайной: то, что Он Сын Божий, было ясно для всех с самого Его детства (Мф. 2:15) и прилюдно возвещено голосом с неба (Мф. 3:17). Сатана подвергает это сомнениям во время искушений, но Иисусу не нужно это доказывать (Мф. 4:1-11). Ученики в лодке поклоняются Ему как Сыну Божьему (Мф. 14:33), Его признает таковым Петр (Мф. 16:16), об этом постоянно говорит Каиафа (Мф. 26:63). И в то же время Иисус в Своих ответах и Петру, и Каиафе называет Себя «Сыном Человеческим»; божественное и человеческое соединяется вместе, когда Сын Человеческий придет в силе (Мф. 10:23; 13:41; 19:28; 24:30). Все эти титулы сходятся вместе в уникальной притче Матфея о суде над овцами и козлами, когда Сын Человеческий является также Царем и Господом, зависимым от Своего Отца (Мф. 25:31-46).

Божественное происхождение Иисуса показано также в поклонении Младенцу (Мф. 2:2, 11), поклонении начальника синагоги (Мф. 9:18), поклонении учеников в лодке (Мф. 14:33) и в поклонении после Его воскресения (Мф. 28:9, 17). Более того, Матфей был склонен избегать всех ссылок на человеческие

чувства Иисуса, о которых писал Марк: жалость к прокаженному (Мк. 1:41; Мф. 8:3); гнев против фарисеев (Мк. 3:5; Мф. 12:13); удивление Иисуса и Его неспособность творить чудеса в Назарете (Мк. 6:6; Мф. 13:58); раздражение Иисуса из-за фарисеев (Мк. 8:12; Мф. 16:2); возмущение в адрес учеников (Мк. 10:14; Мф. 19:14), любовь к молодому правителю (Мк. 10:21; Мф. 19:21). Он опускает вопросы Иисуса, которые подразумевают Его недостаток знаний (см. Мк. 5:9, 30; 6:38; 9:12, 16, 21, 33; 10:3; 14:14). Такие едва заметные изменения создают совсем другую атмосферу, постоянно напоминая нам о том, что Иисус является не только ликом Божиим, но и Сыном Бога.

Таким образом, Матфей очень мудро раскрыл тему личности Иисуса в этих первых главах своего евангелия. Иисус, будучи Учителем Израиля, через Свою жизнь на земле повторяет историю израильского народа — младенцем, в Египте, в пустыне, в горах, на реке Иордан — однако Матфею не достаточно видеть Иисуса просто в качестве нового Моисея или нового Давида. Он обладает всем тем, чем должны обладать великие герои — и не только. Он осуществляет историю Израиля, исполняет все то, что написано в Писании, в законе и пророках. Он является Учителем, сыном Авраама, Мессией-Царем, Господом, Сыном Самого Бога, живущим среди людей. Так что же Он нам скажет и как мы Его воспримем?

Новое учение

*Рассуждения, Мф. 5 — 7,
10, 13, 18, 23 — 25*

Если у Марка очень мало представлено учение как таковое, то Матфей показывает характер Иисуса как Учителя Израиля и строит евангелие вокруг пяти основных блоков учений — тех рассуждений, которые прерывают повествование (5 — 7, 10, 13, 18, 23 — 25). Тщательное сравнение с евангелиями от Марка и от Луки показывает, как скрупулезно Мат-

фей работал над этими главами. Некоторые части проповедей, изложенных в Евангелии от Матфея, заимствованы у Марка: в десятой главе есть стихи, взятые из отрывка Мк. 6:7-13; в тринадцатой главе есть притчи из Мк. 4:3-34; в восемнадцатой главе есть учение, взятое из Мк. 9:35-48, а двадцать четвертая глава схожа с отрывком Мк. 13:5-37. Некоторая часть Евангелия от Матфея идентична с материалом Евангелия от Луки и, вероятнее всего, заимствована из источника «Q»: например, определенная часть Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея (Мф. 5 — 7) разбита на куски и дана отдельными частями в Евангелии от Луки (Лк. 6:20-49; 7:1; 8:16; 11:2-4, 9-13, 33, 34-35; 12:22-31, 33-34, 58-59; 13:24, 25-27; 14:34-35; 16:13, 17, 18). Матфей берет эти отдельные учения из источника «Q», полностью перестраивает их и смешивает со своим материалом, чтобы сформировать прекрасно составленную проповедь в качестве полного, ясного и последовательного изложения учения Иисуса Учителя.

Все пять проповедей заканчиваются одной и той же формулой: «И когда Иисус окончил слова сии» (Мф. 7:28; 11:1; 13:53; 19:1; 26:1). В этой фразе есть часть, которая переведена с еврейского термина *shu-ehi*, характерного для Ветхого Завета и традиционно переводимого как «и было». Матфей использует эти слова для завершения каждого раздела учения, чтобы привнести атмосферу Ветхого Завета в слова Учителя Израиля. Его артистизм и организация евангелия также видны в том, как эти пять проповедей уравнивают друг друга в продолжительности и содержании:

5 — 7	107 стихов: учение о настоящем
10	38 стихов: миссия церкви
13	50 стихов: притчи о Царстве
18	33 стиха: жизнь Церкви
24 — 25	94 стиха: учение о будущем

Этот принцип делает тринадцатую главу центральной, как в структурном, так и в богословском смысле — притчи заканчиваются тем, что Иисуса как Учителя либо принимают, либо отвергают (Мф. 13:51-58). У нас получается структура «двойного сэндвича» 1 — 2 — 3 — 2 — 1 в том питании, которое дает нам Учитель в Евангелии от Матфея.

Когда Иисус учит на горе, эти пять размышлений напоминают нам о пяти книгах Пятикнижия; не являются ли они тогда новым законом нового Моисея? Поскольку многие другие древние труды, в том числе Псалтирь, имели пятикнижное построение, здесь, пожалуй, важно не переусердствовать. Однако Матфей сознательно строит свое евангелие вокруг этих пяти проповедей, переходя от повествования к размышлению, от деятельности Учителя к Его учению и обратно, когда он рассказывает об Иисусе. Более того, здесь появляется два уровня: во-первых, каждое размышление начинается с обращения Иисуса к Своей собственной аудитории, к ученикам (Мф. 5:1; 10:1, 5; 13:10-17; 18:1; 23:1; 24:3). Во-вторых, судя по всему, Он весьма часто обращается не столько к ним, сколько к церкви Матфея: большая часть наставлений касается ситуации, связанной со временем после смерти и воскресения Иисуса, а Его постоянное обращение «когда вы будете делать...» или «вы будете...» адресовано нам, слушателям и читателям. Иисус Учитель учит до сих пор, провозглашает Матфей — даже «до скончания века» (Мф. 28:16-20). Такие структурные анализы привлекают внимание к течению и развитию описанного Матфеем растущего конфликта между Учителем и Израилем через сравнение и повторения, уравнивание и добавления в его повествовании. В нашем следующем разделе мы увидим, как эти проповеди гармонируют с основной сюжетной линией. Но, однако же, сначала нам нужно составить представление о содержании этих пяти размышлений и об их главных темах.

Размышление 1. Нагорная проповедь, Мф. 5 — 7

Матфей делит учение Иисуса об этике Божьего Царства на три основных части. Оно начинается с девяти блаженств — «Блаженны...» — три триады (Мф. 5:3-12). Назвав учеников солью и светом (Мф. 5:13-16), он излагает шесть ($6 = 3 \times 2$) так называемых «антитез», противопоставляющих закон — «сказано...» — и «требования» Иисуса — «А Я говорю вам...» (Мф. 5:17-48). Затем идет противопоставление трехсторонней практики подаяния милостыни, молитвы (в том числе и молитвы Господа) и поста с одной стороны и той практики, которой следовали иудейские руководители (Мф. 6:1-18). Потом следует «сэндвич», состоящий из трех частей: вера в богатства или в Бога (Мф. 6:19-33), осуждение других (Мф. 7:1-6) и снова вера в Бога (Мф. 7:7-12). И, наконец, все заключают три предостережения: узкие врата или широкая дорога (Мф. 7:13-14); лжепророки и обман (Мф. 7:15-23) и два строителя — разумный, строящий на камне, и неразумный, строящий на песке (Мф. 7:24-27). Во всем этом Матфей подчеркивает тему праведности перед Богом и ближним во всех сферах жизни.

Размышление 2. Миссия Церкви, Мф. 10

Десятая глава начинается с призыва к ученикам (Мф. 10:1-4), тогда как проповедь содержит наставления для них. Они должны идти только «к погибшим овцам дома Израилева» (ст. 5-6), проповедуя и исцеляя (ст. 7-15); они будут сталкиваться с противодействием и преследованиями, как и Сам Иисус (ст. 16-25). Главный раздел содержит три увещания не бояться (ст. 26, 28, 31), за которыми следуют дальнейшие предостережения о преследованиях и разделах, отвержении и принятии (ст. 32-42). В ходе этой проповеди Матфей проводит параллели между задачами Иисуса и задачами учеников — а

миссионерские наставления адресованы Церкви не только для того времени, но и на будущее.

Размышление 3. Притчи о Царстве, Мф. 13

Здесь Матфей собирает притчи, описывающие Царство Божье — о сеятеле (ст. 1-9, 18-23), о плеве-лах (ст. 24-30, 36-43), о горчичном зерне (ст. 31-32), о закваске (ст. 33), о сокрытом сокровище и жемчужине (ст. 44-46), о неводе (ст. 47-50), о хозяине дома (ст. 51-52). Все они показывают медленный, а зачастую и тайный рост Царства из какого-то маленького начала — и эта тайна раскрывается ученикам, но она сокрыта от тех, кто Его не понимает (ст. 10-17, 34-35).

Размышление 4. Жизнь Церкви, Мф. 18

Этот раздел уравнивает десятую главу, в которой даны миссионерские наставления, с практическими подробностями. Церковь должна отличаться смирением, люди в ней должны становиться «как дети» (ст. 1-5), не должны никого соблазнять (ст. 6-9), следуя примеру Божьей любви, подобной любви пастыря к заблудшим овцам (ст. 10-14); в церкви должна быть дисциплина (ст. 15-20), но исправлять человека в Церкви необходимо в духе милости и прощения «до седмижды семидесяти раз» (ст. 21-22) — и завершается этот раздел притчей о немилосердном рабе, которую мы встречаем только в Евангелии от Матфея (ст. 23-35).

Размышление 5.

Скорбь и конец света, Мф. 23 и 24 — 25

В двадцать третьей главе перечисляются горести, которые уготованы иудейским лидерам, книжникам и фарисеям, к которым мы еще вернемся позже. Последняя проповедь в главах 24 — 25 говорит о горе этому миру и о приходе Царства. Двадцать четвертая глава излагает эсхатологические рассужде-

ния Марка (Мк. 13) и его предостережения о войнах, преследованиях и пришествии Сына Человеческого. Матфей заканчивает другой триадой, тремя притчами об осуждении: первая из них, о мудрых и неразумных девах (Мф. 25:1-13), и третья, об овцах и козлах (Мф. 25:31-46), изложены только в Евангелии от Матфея, тогда как притчу о талантах (Мф. 25:14-30) мы можем в несколько измененном виде прочитать в Евангелии от Луки (Лк. 19:12-27).

Еще раз повторимся, что мы будем следовать семитской традиции Матфея, поднимая три темы из этих размышлений: праведность, Царство Небесное и Церковь.

Праведность, нравственность и осуждение

Учитель в Евангелии от Матфея уделяет большое внимание учению о нравственности: одним из Его ключевых слов (которое в Евангелии от Матфея встречается семь раз, в Евангелии от Луки — один раз и в Евангелии от Марка не встречается вовсе) является *dikaiosune*, что означает «справедливость» или «праведность», с образованным от него прилагательным *dikaïos* (в Евангелии от Матфея встречается пятнадцать раз, в Евангелии от Марка один раз и в Евангелии от Луки десять раз). Иосиф — это *dikaïos*, праведный человек (Мф. 1:19). Исполнение «всякой правды» является той причиной, по которой крестился Иисус (Мф. 3:15). Это то, к чему мы должны испытывать голод и жажду (Мф. 5:6), к чему мы должны стремиться (Мф. 6:33); «праведное» поведение необходимо (Мф. 5:10, 20; 6:1; 21:32). В то время как в Евангелии от Луки Иисус благословляет алчущих (Лк. 6:21), в Евангелии от Матфея Он благословляет алчущих и жаждущих «правды» (Мф. 5:6); если в Евангелии от Луки Иисус призывает нас искать царства Его (Лк. 12:31), в Евангелии от Матфея идет добавление «и правды Его» (Мф. 6:33). Наша «правда» не должна выставляться напоказ перед

людьми (Мф. 6:1), но должна быть выше «праведности книжников и фарисеев» (Мф. 5:20). Каждая проповедь заканчивается словами о награде и осуждении: награде разумному строителю и осуждении неразумного (Мф. 7:24-27); награде «праведника» (*dikaios*) в приветствии учеников (Мф. 10:40-42); плевелах/пшенице и хорошей/плохой рыбе (Мф. 13:36-50); отделении злых от «праведных» (Мф. 13:49); осуждении немилосердного раба (Мф. 18:21-35); овцах, «праведных» (Мф. 25:37, 46), и козлах (Мф. 25:31-46).

Спасение и милость являются дарами от Бога, которые проявлены Господином по отношению к Его рабу (Мф. 18:21-35), или в милости к слепому (Мф. 9:27-31; 20:29-34). Только в Евангелии от Матфея есть притча о работниках на винограднике, которые получили одинаковое вознаграждение, независимо от того, сколько часов они там проработали — эта притча о Божьей благодати (Мф. 20:1-16). Отношение Матфея к праведности отражает его отношение к закону: требования у закона строгие, но его главным элементом является любовь к Богу и к ближнему (Мф. 7:12; 22:34-40), «милость, а не жертва» (Мф. 9:12-13; 12:7). Иисус пришел, чтобы призвать грешников, а не «праведников», *dikaioi* (Мф. 9:13). Евангелие от Матфея подчеркивает любовь Бога как Отца, в то время как Марк называет Бога Отцом лишь изредка (Мк. 8:38; 11:25-26; 13:32; 14:36). Матфей же называет Его так более пятидесяти раз, и чаще всего эти слова звучат из уст Иисуса в этих рассуждениях. Добрые дела существуют для того, чтобы другие люди «прославляли Отца вашего» (Мф. 5:16); они должны делаться не ради похвалы публики, а втайне, ради «Отца твоего, видящего тайное» (Мф. 6:1-4, 16-18). Молитва должна быть обращена к Отцу (Мф. 6:6, 9), Который «знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6:32-33; 7:11). Отцовская забота Бога отмечена также в рассуждениях о миссионерском служении (Мф. 10:29-32) и о

Церкви (Мф. 18:14). В этих притчах «праведный» воссияет в Царстве Отца (Мф. 13:43). Только Бога мы имеем право называть Отцом (Мф. 23:9), а Его Царство будет готово для праведников в день суда (Мф. 25:34).

Царство Небесное

В Евангелии от Матфея несколько раз встречается фраза «Царство Божие» (Мф. 12:28; 19:24; 21:31, 43), но, как правило, он предпочитает фразу «Царство Небесное» (которая встречается более тридцати раз) в качестве уважительной семитской идиомы, когда человек избегает упоминать имя Бога. Греческое слово *basileia* (по-еврейски *malkuth*) уместнее переводить для обозначения верховной власти или царского величия, а не какого-то специфического «Царства»; Божья власть узнается везде. Мудрецы называли Иисуса «Царем» (Мф. 2:2), а в конце Евангелия от Матфея эти слова выглядят как обвинение, на основании которого Он был распят (Мф. 27:37). О приближении Царства Божьего проповедовали Иоанн Креститель (только в Мф. 3:2) и Иисус (Мф. 4:17), и Иисус наставляет Своих учеников делать то же самое (Мф. 10:7). Здесь мы видим сочетание реальности настоящего и надежды на будущее: оно «достигло до вас» в том, что Иисус изгоняет бесов (Мф. 12:28), и в то же время оно в будущем, потому что мы должны молиться о нем и искать его (Мф. 6:10, 33). Центральной проповедью является собрание притч о Царстве, показывающих его рост (Мф. 13:3-9, 18-23, 31-33), смесь доброго и худого до суда (Мф. 13:24-30, 47-50) и его высокую цену (Мф. 13:44-46). Сын Человеческий придет в силу, чтобы править Царством Его Отца (Мф. 13:37-43; 25:31-46). Изложенная Матфеем притча о виноградарях в винограднике (Мф. 21:33-46) показывает, что у Израиля было царство, но он отверг Божьих служителей, представляющих собой две группы: больших и

малых пророков (Мф. 21:36); только в Евангелии от Матфея эта притча заканчивается предупреждением о том, что Израиль потеряет Царство Божье, которое «дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Следовательно, Царство Божье и Израиль — это не одно и то же, как нельзя отождествлять и Царство с Церковью — однако Церковь должна призывать всех в Царство Божье, чтобы быть готовой к эсхатологическому завершению всего.

Церковь и ученики

Это приводит нас к третьей теме учения данного евангелия. Евангелие от Матфея является единственным, в котором используется слово *ecclesia*, «церковь» (как минимум три раза: Мф. 16:18 и дважды в Мф. 18:17). Более того, второе и четвертое рассуждения более отчетливо, по сравнению с другими евангелиями, рассматривают связь общины верующих людей с миссией (глава 10) и дисциплиной (глава 18). Матфей описывает Учителя Израиля, призывающего Израиль к покаянию и созывающего новое тело верующих людей, сталкиваясь при этом с отвержением.

Первые ученики были призваны Иисусом на берегу озера (Мф. 4:18-22, повторяется в Мк. 1:16-20); этот призыв подразумевал оставить все, как велит Иисус, и о чем напоминает Ему Петр (Мф. 19:27). Если из отрывка Лк. 9:57-60 мы не знаем, кто были эти два потенциальных последователя, то Матфей говорит, что первый является книжником, а второй — учеником (Мф. 8:19, 21). Книжник называет Иисуса «Учителем» (как в этом евангелии Его называли только враги) и вызывается последовать за Ним, а не быть призванным — и Иисус говорит ему, что «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:19-20); ученик называет Его «Господи», и Иисус говорит Ему «иди за Мною» (Мф. 8:21-22).

Вслед за этим Матфей рассказывает историю о том, как Иисус успокоил бурю (Мф. 8:23-27), которая является классическим примером внесения редакционных изменений у Матфея, или *редакции*. В повествовании Марка «они» берут Иисуса в лодку (Мк. 4:36); в Евангелии от Матфея Иисус берет инициативу в свои руки и Сам идет в лодку — а «за Ним последовали ученики Его» (Мф. 8:23). «Ученики» и «следование» представляют собой мораль этой истории. Когда наступает буря, ученики в Евангелии от Марка протестуют по поводу того, что Иисусу нет до этого никакого дела — «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?» (Мк. 4:38); в Евангелии от Матфея их плач становится молитвой — «Господи! [они верили в Своего Учителя] спаси [«Иисус» означает «Господь есть спасение»] нас, погибаем». Следовательно, гипотетическое «что» из Евангелия от Марка в Евангелии от Матфея становится реальностью для учеников и, как подразумевается, для читателей, когда их захватывают жизненные бури. Матфей изменяет порядок Марка: Иисус *первым* подвергает сомнениям их веру, *после чего* успокаивает бурю (Мф. 8:26), тогда как у Марка эта ситуация представлена в иной последовательности (Мк. 4:39-40). Более того, если у Марка Иисус говорит, что у них «нет веры» (Мк. 4:40), то у Матфея Иисус называет их «маловерными» (Мф. 8:26). Это слово, которого нет в Евангелии от Марка, в Евангелии от Матфея используется в тех случаях, когда ученики испытывают беспокойство (Мф. 6:30) или страх (Мф. 14:30-31), когда они не понимают Его (Мф. 16:8) или когда не могут изгнать демонов (Мф. 17:20).

Такое сочувствие к ученикам и к их «маловерию» создает более позитивную картину, чем в Евангелии от Марка. Конечно, они так же предают Иисуса (Иуда, см. Мф. 26:25, 47-50), отрекаются от Него (Петр, см. Мф. 26:69-75), бросают Его (Мф. 26:31, 56) — а некоторые продолжают сомневаться и после Его вос-

кресения (Мф. 28:17). Однако, в отличие от варианта Марка, они понимают учение Иисуса (Мф. 13:51; 16:12; 17:13; ср. Мк. 6:52; 8:21; 9:32), верят в Него и поклоняются Ему (Мф. 14:33). Слово «ученики» означает «изучающие», которые учатся у своего Учителя (Мф. 10:24-25; 23:8-10), чтобы потом самим стать учителями для Израиля (Мф. 10:5-6) и для всех других народов (28:20). Главное состоит в том, чтобы следовать учению Иисуса, подобно тому мудрому человеку, который построил свой дом на камне (Мф. 7:21-27), и откликаться на Его призыв «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня» (есть только в Мф. 11:25-29). В конечном счете они сделали так, «как повелел им Иисус» (Мф. 21:6; 26:19; 28:16). Ученики принимают учение Учителя Израиля, которое Он излагает в своих великих рассуждениях. Они являются Церковью, новой общиной Божьего народа, построенного на камне Петре, с ключами от Царства Небесного (Мф. 16:18-19), и им всем дана власть связывать и разрешать (Мф. 18:18). Их научил Учитель, и теперь они должны учить весь мир (Мф. 28:20).

Конфликт между Учителем и Израилем

Мф. 8 — 23

Вторжение в эти проповеди большого объема материала, не носящего повествовательный характер, сдерживает движение всего сюжета. Такая смесь служения Иисуса и Его учения приводит к более размеренной атмосфере; вместо молниеносного броска льва из Евангелия от Марка, человеческий лик Бога у Матфея делает паузы, чтобы перевести дух и донести до людей Свое учение. И все же здесь также происходит развитие повествования в историях об Иисусе, о Его учениках, об иудейских лидерах, и все эти истории приближают нас к кульминации страстей Христовых. Более того, рассуждения помогают нам лучше понять дальнейший ход событий, а те

разделы, которые посвящены служению, готовят нас к дальнейшим рассуждениям. Давайте теперь рассмотрим каждый раздел по очереди, чтобы увидеть, как рос конфликт и как развивался сюжет в целом.

Развитие истории

В главах 3 — 4 Иисус призывает учеников, в главах 5 — 8 Он дает им Свое учение в Нагорной проповеди. Затем, в главах 8 — 9, представлены три тройных повествования о чудесах Иисуса. Первые три касаются тех, кто оказался в низших слоях общества — прокаженный, слуга сотника и женщина, теща Петра (Мф. 8:1-17). После двух набросков по ученичеству (Мф. 8:18-22) представлены три истории, описывающие власть Иисуса над природой, злом и грехом — успокоение бури, изгнание легиона демонов в Гадаре и исцеление парализованного человека (Мф. 8:23 — 9:8). Вторая интерлюдия по ученичеству описывает призыв Матфея и ту полемику, которая возникла в связи с этим (Мф. 9:9-17), а в последней группе трех чудес показан триумф Иисуса над смертью, слепотой и немотой (Мф. 9:18-34). Как и в Евангелии от Марка, эти чудеса называются «могучими явлениями силы», *dunamis* (например, Мф. 11:20, 21, 23; 13:54; 14:2); также враги Иисуса требуют знамений (Мф. 12:38-39; 16:1, 4), а знамения и чудеса в то же время являются характерными чертами лжепророков (Мф. 24:24). Тем не менее, чудеса привлекают внимание к Иисусу, а также побуждают Матфея сделать комментарий, характерный только для него: «никогда не бывало такого явления в Израиле» (Мф. 9:33). К сожалению, фарисеи ответили, что все это делается силой князя бесовского (Мф. 9:34).

Однако Учитель Израиля по-прежнему пытается донести до людей Свое учение. Он передает ученикам Свое служение научения, исцеления и изгнания

бесов в беседе о миссии в десятой главе. Только Матфей говорит нам, что ученики посылаются не к язычникам или самарянам, а «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10:5-6). Эта беседа имеет свою историю в рамках данного учения: ученики были посланы нести служение в Израиль (Мф. 10:5-6), но были отвергнуты и гонимы (Мф. 10:17-25); однако те, кто их принял, обретут благословение (Мф. 10:40-42).

Следующий раздел служения Учителя описывает это отвержение и конфликт. Даже Иоанн Креститель не понимал природу мессианства Иисуса (Мф. 11:2-19); «это поколение» не хочет откликаться (Мф. 11:16-19), и эти города игнорируют Иисуса (Мф. 11:20-24). Все это заставляет Иисуса задуматься над целесообразностью сокрытия и откровения (Мф. 11:25-30), следствием чего стал конфликт с фарисеями по поводу собирания зерен и исцеления в субботний день (Мф. 12:1-14). Затем Матфей использует пророчество Исаии, чтобы выразить идею о том, что Учитель принесет справедливость и надежду язычникам, если Его отвергнут израильтяне (Мф. 12:15-21, ср. Ис. 42:1-4). Дальнейший конфликт вызван спором о Веельзевуле и желанием знамений (Мф. 12:22-45). И, наконец, мы видим намек на конфликт с собственной семьей Иисуса, заимствованный из Евангелия от Марка (Мф. 12:46-50, ср. Мк. 3:20-21, 31-35). После всех этих непониманий и конфликтов неудивительно, что главное рассуждение в тринадцатой главе отражено в притчах, связанных с темой осуждения и предупреждения, вызванных жестокосердием (Мф. 13:13-15).

Начиная от Мф. 14:1 и далее события в Евангелии от Матфея изложены практически так же, как в Евангелии от Марка (Мк. 6:14). Он начинает с повествования о смерти Иоанна Крестителя, служащего прототипом того конфликта, который ожидает Иисуса (Мф. 14:1-12). За ним следует насыщение пяти тысяч человек (Мф. 14:13-21), а потом хождение Ии-

суса по воде. Первую половину этой истории Матфей излагает практически так же, как и Марк, но потом рассказывает о том, что Петр хотел повторить то же самое; и опять же, Матфей излагает нам молитву «Господи! спаси меня», когда Петр стал тонуть, а Иисус назвал его «маловерный» (Мф. 14:30-31, ср. успокоение бури в отрывке Мф. 8:25-26). Вместо удивления и непонимания учеников (как в Мк. 6:51-52), они поклонились Иисусу и заявили о своей вере: «истинно Ты Сын Божий» (Мф. 14:33). Дальнейшее противодействие исходит от фарисеев, о чем мы читаем в Мф. 15:1-20 и что контрастирует с историей о встрече Иисуса с хананейской женщиной: только в Евангелии от Матфея мы читаем слова Иисуса о том, что Он «послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24). Подобно ученикам, эта женщина преклонилась перед Иисусом и взмолилась Ему: «Господи! помоги мне» (Мф. 15:25), исповедав свою веру в Него — «Господи, сын Давидов» (Мф. 15:22, 27). В то время как Его ученики — люди «маловерные», этой женщине Иисус говорит: «о, женщина! велика вера твоя», и ее дочь исцелилась (Мф. 15:28). Матфей ясно говорит о том, что в то время, как Израиль испытывает вопросами и отвергает своего Учителя, язычники принимают Его блага.

Тем не менее, «Бог Израиля» прославляется дальнейшими исцелениями (Мф. 15:29-31) и насыщением четырех тысяч человек (Мф. 15:32-39). Личность Иисуса подвергалась сомнениям в предыдущих главах (Мф. 8:27; 11:2-3; 12:22-23; 14:1-2), и фарисеи по-прежнему ищут знамений (Мф. 16:1-4) — но на этот раз, по крайней мере, Его уже понимают ученики (Мф. 16:5-12, в отличие от Мк. 8:21). В истории, происшедшей в Кесарии Филипповой, мы видим краткое повторение неверных ответов (Мф. 16:13-14) и правильный ответ, данный Петром: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16). Теперь Учитель начинает строить новую общину, в основании которой будет Петр — здесь впервые использу-

ется слово *ecclesia*, «церковь»; ни врата Иерусалима, ни сам ад не одолеют ее (Мф. 16:18). Как и в Евангелии от Марка, здесь мы видим три предсказания страстей Христовых (Мф. 16:21; 17:22-23; 20:17-19), учение об ученичестве (Мф. 16:24-28), после чего мы читаем о преображении и исцелении одержимого бесами эпилептика (Мф. 17:1-21). Только Матфей дает нам необычную историю о том, как Иисус платил подать в храм за Себя и за Петра монетой, добытой изо рта рыбы (Мф. 17:24-27). Если Петр ловил рыбу ради заработка и похвалы, Учитель подчеркивает важность смирения и необходимость стать как дети (Мф. 18:1-5). Рассуждая о Церкви, Он призывает Своих последователей жить вместе; власть Петра связывать и разрешать теперь дана им всем (Мф. 18:17-18), поскольку примирение и прощение должны быть отличительными чертами Церкви (Мф. 18:10-35).

После рассуждений о церкви, рассказе о пути в Иерусалим (главы 19 — 20) и о конфликте с иудейскими руководителями (главы 21 — 23) материал Евангелия от Матфея снова максимально совпадает с текстом Евангелия от Марка. Споры с фарисеями по поводу брака повторяют материал Мк. 10:1-12, если не считать знаменитого «матфеевского исключения», касающегося развода после *porneia*, сексуальной распущенности, а также дополнительного материала о евнухах, или сексуальном целибате (Мф. 19:1-2). Иисус благословляет детей (Мф. 19:13-15), испытывает веру богатого юноши и обещает награду всем, кто следует за Ним (Мф. 19:16-30). Характерная только для Матфея притча о виноградарях и винограднике призывает нас не рассчитывать на большую награду, нежели у других (Мф. 20:1-6). После третьего предсказания страстей (Мф. 20:17-19), согласно Матфею, Иоанн и Иаков обратились через мать к Иисусу с просьбой (Мф. 20:20-28, ср. стих 20 с Мк. 10:35). Вместо слепого Вартимея, о котором идет речь у Марка, мы читаем о двух неиз-

вестных слепых, которые находились за пределами Иерихона (Мф. 20:29-34).

Что касается въезда в Иерусалим, то интерес Матфея к исполнению пророчества заставляет его вспомнить образ прекрасного царя, сидящего на ослице и молодом осле из Зах. 9:9-10. В отличие от повествования Марка, Иисус сразу же отправляется изгонять торговцев из храма, что тут же приводит Его к вражде с первосвященниками и книжниками (Мф. 21:10-17). Поэтому смоковницу Он проклинает на следующий день, и та немедленно засыхает (Мф. 21:18-22). Первосвященники и старейшины оспаривают власть Иисуса (Мф. 21:23-27), что побуждает Иисуса рассказать три притчи об осуждении: двух сыновей, о чем мы читаем только у Матфея (Мф. 21:28-32); о виноградарях в винограднике, в которой есть изложенное в стихе 43 чисто матфеевское предупреждение о том, что Царство будет взято у Израиля и отдано язычникам (Мф. 21:33-46), и о брачном пире (Мф. 22:1-14), которого нет в Евангелии от Марка и которое встречается гораздо раньше в Евангелии от Луки (Лк. 14:16-24). Версия Матфея полнее, в ней говорится о том, как царь разрушит и сожжет их город (Мф. 22:7), что, вероятно, относится к уничтожению Иерусалима в 70 году от Р.Х.; есть здесь также уникальные слова об отвержении того человека, который не готов и не одет в подходящие одежды (Мф. 21:11-14). Это типичное для Матфея собрание трех историй, и все они касаются споров с иудейскими лидерами, а также будущего принятия язычников.

Целый ряд иудейских лидеров теперь конфликтует с этим новым Учителем (первосвященники и старейшины, Мф. 21:23; фарисеи и иродиане, Мф. 22:15-16; саддукеи, Мф. 22:23; законники, Мф. 22:35). Как и в Евангелии от Марка, мы видим четыре истории споров Иисуса со Своими противниками: вокруг подати кесарю (Мф. 22:15-22); воскресения (Мф. 22:23-33); по поводу величайшей заповеди, где

Матфей добавляет слова о законе и пророках (Мф. 22:34-40), и вопроса Иисуса по поводу сына Давида (Мф. 22:41-46). Иудейские руководители решили промолчать и уйти от конфликта (Мф. 22:46) — точно так же, как до этого делал сатана в Мф. 4:11. Путь открыт для окончательного рассуждения Матфея: согласно этому Учителю Израиля, прочие учителя этого народа — лицемеры, даже мешающие людям войти в Царство Небесное (Мф. 23). Такое смелое заявление ведет к апокалипсису: двадцать четвертая глава начинается с того же материала, что и у Марка, но вторая половина этой главы говорит об отсрочке прихода и необходимости все время быть бдительными (Мф. 24:37-51); в Евангелии от Луки этот материал разбросан по разным местам (Лк. 17:26-27, 30, 34-35; 12:29-40, 42-46), и это наводит на мысль о том, что Матфей взял этот материал из источника «Q» и систематизировал его. Три притчи о последнем суде, о которых мы уже говорили, завершают двадцать пятую главу. Когда Учитель закончил «все слова сии» (Мф. 26:1), все было готово к кульминации страстей и завершению различных сюжетных линий.

Развитие конфликта

Этот анализ развития повествования в Евангелии от Матфея раскрывает основной сюжет конфликта между Учителем Израиля и лидерами Израиля. Центральным персонажем является Иисус как исполнение всех надежд Израиля, Который осуществляет свою миссию только для Израиля — проповедует Царство Небесное. Парадоксальная побочная сюжетная линия в этом самом иудейском из евангелий состоит в том, что иудейские лидеры все активнее сопротивляются Его учению, и в евангелии мы видим постоянно усиливающуюся вражду, кульминацией которой становится обличительная речь в двадцать третьей главе. В то же время другая побочная

сюжетная линия описывает рост понимания и веры учеников в своего Учителя — зарождение новой общины, которая включит в себя и язычников. Эти три сюжетные линии сойдутся на кресте, где Иисус, как может показаться, потерпит неудачу в своей миссии по отношению к Израилю, а ученики покинут Его, тогда как иудейские руководители будут праздновать победу; однако предсказания страстей в этом разделе предупреждают нас в ироничном ключе, что в Божьей воле крест является успехом, посредством которого Учитель Израиля откроет Царство Небесное даже для язычников.

Однако сначала мы должны рассмотреть в Евангелии от Матфея описание Израиля, и в первую очередь фарисеев. Как нам понять сарказм авторского пера? Из того, что мы читаем у Матфея, ясно вырисовываются три вещи. Во-первых, его портрет Иисуса как Учителя Израиля, исполняющего предсказания Писания и повторяющего героев Израиля, предполагает, что автор и те люди, для которых он пишет евангелие, воспитаны на иудаизме. Во-вторых, в своем отношении к иудейским лидерам и к Иерусалиму он не исходит из того, что он сможет их «перевоспитать», поэтому маловероятно, что евангелие предназначалось для проповеди среди иудеев. В-третьих, описание конфликта и язык евангелия предполагают много боли, горечи и гнева. Какая ситуация может соответствовать этим трем условиям?

Иисус был иудеем, и все Его первые ученики также были иудеями. После Его смерти и воскресения первые христиане продолжали считать себя иудеями, проповедуя Благоую Весть об Иисусе среди своего народа. Иудаизм первого столетия был смешанной культурой с различными группами, такими как фарисеи, саддукеи, ессеи, zelоты, которые существовали вместе; первые христиане воспринимались как еще одна группа в рамках иудаизма. Однако в космополитических городах восточной части Римской империи, таких как Антиохия Сирийская, те люди,

которые не были иудеями, все активнее присоединялись к церкви. Послания Павла показывают нам его осознанное стремление нести миссионерское служение среди язычников, как и те споры, к которым это приводило.

Иудейское восстание 66 — 70 года от Р.Х., закончившееся уничтожением Иерусалима и храма, поставило вопрос ребром. Римляне больше не захотели терпеть иудеев в Иерусалиме и рассеяли их по всем прочим народам. Многочисленные религиозные, культурные и политические группы, которые существовали в довоенном иудаизме, просто исчезли. В попытке сохранить сплоченность и возродить свою идентичность, некоторые рабби в середине 80-х годов собирались в Явне; учитывая то, что Иерусалим и храм были разрушены, они сосредоточили иудейскую веру и богослужение вокруг закона и синагоги, стремясь возродить раввинистическую традицию, благодаря которой иудаизм и существует уже более двух тысяч лет. Однако они также воспринимали рост христианских общин, которые были особенно популярны среди язычников, как угрозу, поэтому в литургию синагоги было включено *birkath ha-minim*, «благословение против еретиков». Это была молитва об уничтожении Римской империи, проклятии еретиков (*minim*) и *nosrim*, которая, как считалось, относится к «назарянам», или христианам. С тех времен христианам иудейского происхождения становилось все труднее поклоняться Богу вместе с другими иудеями, не насылая при этом на себя проклятия. В результате этого конец первого и начало второго столетий характеризуются самым активным процессом раскола и разделения между синагогой и церковью.

Поэтому описание Матфеем Иисуса как Учителя Израиля отражает всю горечь и боль этого разделения: это было вовсе не любовное решение разойтись, не дружеское соглашение. Только Матфей предупреждает о том, что христиан будут приводить в

суды, бить в синагогах, волоочь к языческим правителям даже их собственные родные и близкие (Мф. 10:17-25). Это также объясняет, почему, несмотря на, казалось бы, иудейский характер евангелия, оно не нацелено на самих иудеев: тогда для миссии среди иудеев было уже поздно. Вместо этого, возникла богословская проблема для христиан иудейского происхождения, связанная с вопросом о том, почему Израиль отверг своего Учителя, Который стал исполнением его (Израиля) Писания и надежд израильского народа; или почему Царство Небесное перешло к язычникам, а Иерусалим был уничтожен. Если евангелие от Матфея было написано где-то в Антиохии, во время этого разделения в середине 80-х годов, его уникальный материал и главная тема воспринимаются как ответ на эти вопросы христиан иудейского происхождения. Матфей подобен книжнику, «который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52) — и сочетает все это вместе. Синагога теперь является «их синагогой» (Мф. 4:23; 9:35; 10:17; 12:9; 13:54) или «вашей синагогой» (Мф. 23:34), противопоставленной «Церкви Моей» (Мф. 16:18). В притче о брачном пире Иисус также предупреждает, что «их город» будет сожжен (Мф. 22:7), тогда как обличительная речь против фарисеев заканчивается плачем по Иерусалиму, «избивающему пророков и камнями побивающему посланных к нему!» (Мф. 23:37-39).

В дальнейшем история описывает отвержение Учителя Израиля и включение язычников. Иисус является Сыном Авраама, через Которого благословятся все народы, и в Его родословной есть и язычники (Мф. 1:1-17). Хотя Иисус «послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24) и Сам таким же образом посылает на служение Своих учеников (Мф. 10:5-6), представленная Матфеем притча о виноградарях в винограднике, классический символ Израиля у пророков, подразумевает встречающееся только у Матфея предупреждение о том, что

Царство будет отобрано у них и передано «народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Примечательно, что Матфей нигде не называет церковь новым Израилем (как это делает Павел в Гал. 6:16). Он прекрасно знает, что церковь представляет собой смесь «плохого и хорошего», приглашенных на брачный пир (Мф. 22:10), пшеницы и плевелов (Мф. 13:24-43), хорошей и плохой рыбы в неводе (Мф. 13:47-50) — все будет подвергнуто суду при конце всего (Мф. 13:30, 36-43, 49; 24:45 — 25:46). В промежуточное время они представляют собой эгалитарное общество людей, у которых «один... Учитель» (Мф. 23:8-12), давший им дисциплину и порядок (Мф. 18:1-35) и пославший их учить все народы (Мф. 28:19-20). Как Учитель был отвергнут Израилем, так будут отвергнуты и Его ученики.

Страдание Учителя

Страсти, Мф. 26 — 27

Матфей повествует о страданиях и распятии Иисуса практически так же, как и Марк, за исключением небольшой детали о молодом человеке (Мк. 14:51-52) и сыновьях Симона Киринаянина (Мк. 15:21). Только 26 стихов принадлежат исключительно Матфею (Мф. 26:1-2, 25, 52-54; 27:3-10, 19, 24-25, 29, 51-53, 62-66). Несмотря на такую схожесть, страсти по Матфею сильно отличаются по своей атмосфере. Как и во всем Евангелии, его повествование внушает больше страха — и нет никакой двусмысленности. Страсти по Марку описывают страдания Иисуса как отсутствие Бога; здесь же эти страдания являются признаком Его присутствия, подчеркивающим личность Иисуса. Как и в Евангелии от Марка, повествование страстей Христовых в Евангелии от Матфея сводит вместе все главные темы этого евангелия: историю Израиля и Божьего спасения, осуществление пророчества Писания, портрет Иисуса как послушного Сына Божьего и окончательный конфликт с иудейскими лидерами,

приведший к передаче Царства Небесного язычникам. Учитель передал Свое учение; теперь перед нами есть Его пример праведного страдания.

Если Марк описывал Иисуса как все более пассивную Личность, передающую власть другим, Матфей показывает, что Учитель Израиля идет к Своей смерти в результате осознанного выбора. Только Матфей дает нам четвертое предсказание страстей Иисуса после того, как Он «окончил все слова сии»: Иисус прекрасно знает, что с Ним произойдет (Мф. 26:1-2). Когда Иисус посылает Своих учеников в город, чтобы приготовить комнату для празднования пасхи, Он говорит, что пришло Его «время» — по-гречески *kairos*, «важный момент», а не *chronos*, хронологическое время (Мф. 26:18, ср. Мк. 14:14). При описании последней вечери только Матфей рассказывает, что Иисус определяет Иуду как предателя в ответ на обращение Иуды «Равви», с которым другие ученики в Евангелии от Матфея никогда к Нему не обращались (Мф. 26:25). Когда Иуда снова называет Его «Равви» в саду, Иисус отвечает ему «друг», спрашивая при этом, зачем тот пришел, как будто давая разрешение на арест (Мф. 26:50). Только в Евангелии от Матфея Иисус говорит, что Ему дана власть вызвать «более, нежели двенадцать легионов Ангелов», стоит Ему только захотеть (Мф. 26:53). Более того, Иисус отказался от помощи ангелов, когда Он подвергался искушениям в пустыне (Мф. 4:6-7), и теперь Он собирался поступить так же. Так, Он сказал Своим последователям, чтобы они оставили меч — тем самым Он абсолютно последователен в Своем учении о ненасилии (Мф. 5:39-40). Причина этого в том, что «Писание должно исполниться» — здесь мы снова вспоминаем общий мотив всего Писания, отражаемый Матфеем и заключающийся в том, что Иисус осуществляет все израильское Писание и все его надежды, как прошлые, так и будущие.

Из всех евангелий только Матфей описывает смерть Иуды (Мф. 27:3-10; Деян. 1:18-20 имеет дру-

гую версию). Только Матфей говорит, что Иуда действительно просил денег — тридцать серебряников (Мф. 26:15), компенсацию за жизнь раба (Исх. 21:32), а также откуп за отвергнутого пастыря-пророка в Зах. 11:12. Бог говорит Захарии бросить деньги в сокровищницу храма (Зах. 11:13); Иуда бросает их в храм — и священники покупают землю горшечника, намекая на приобретение Иеремией земли за серебро (Иер. 32:6-15), после чего он положил документы в глиняный сосуд (32:14), вспоминая о своем более раннем визите в дом горшечника (Иер. 18:2-3). Таким образом, эти ветхозаветные ссылки предполагают, что Иисус — это Пастырь и Пророк, отверженный Своим же народом. Матфей привносит историю Иуды в повествование Марка, чтобы подчеркнуть вину религиозных руководителей, «сынов Израиля» (Мф. 27:9).

В другом конце книги Матфея Пилат, западный язычник, называет Иисуса «Царь Иудейский» (Мф. 27:11, см. также ст. 29, 37), тогда как язычники с Востока также искали «родившегося Царя Иудейского» (Мф. 2:2). Только в Евангелии от Матфея мы читаем о сне жены Пилата (Мф. 27:19), тогда как мудрецы тоже были предупреждены во сне о злых намерениях другого правителя Иудеи (Мф. 2:12). Жена Пилата называет Иисуса «праведником» — ключевое слово Матфея, *dikaios*, которое произносит и Пилат в Мф. 27:24, согласно некоторым версиям в манускрипте. Тот факт, что языческий правитель умыл руки (об этом также говорится только в Евангелии от Матфея), еще раз указывает на то, что ответственность за смерть своего Учителя взял на себя Израиль — как и провозгласил народ: «кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:24-25). Иисус предупреждал, что «вся кровь праведная» будет на них (Мф. 23:34-36); и вот теперь Его слова, как и слова пророков, исполнялись. Это решительный момент, предсказанный лишь в версии Матфея о виноградарях и винограднике (Мф. 21:43), когда Израиль

окончательно отвергает своего Учителя и Царство переходит от Израиля к другим народам. Ироничность ситуации в том, что те воины, которые преклонялись перед Иисусом в насмешку, на самом деле провозглашали истину; как во время Его рождения язычники склонились перед Царем (Мф. 2:2, 11), как это делали и во время Его служения (Мф. 15:25), так теперь они это делали перед Его смертью (Мф. 27:29).

Сцена распятия представлена мрачной, как и в Евангелии от Марка, но в то же время сверхъестественной. Согласно Матфею, на табличке, прибитой над головой Иисуса, было написано имя Христа (Мф. 27:37, ср. Мк. 15:26). И человеческая природа Иисуса, и тот факт, что Он есть Сын Божий, представляются очевидными, когда в насмешках очевидцев звучит искушение сатаны: «если Ты Сын Божий» (Мф. 27:40, ср. Мф. 4:3, 6). Слова «уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын» (Мф. 27:43) связаны с Пс. 21:8-9, когда Иисус цитировал начало этого псалма — «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). Матфей использует еврейский термин «Или» вместо арамейского «Элои»; очевидцы не поняли и подумали, что Он зовет Илию, включая и важную фразу у Матфея «спасти Его» (Мф. 27:49). Если в Евангелии от Марка крик оставленного всеми остался не услышанным, то здесь отчаяние Иисуса нашло свой ответ в сверхъестественном апокалипсическом явлении: землетрясение (*seismos*) является знаменем теофании, появления Бога (Мф. 27:51, см. Суд. 5:4; 2 Цар. 22:8; 3 Цар. 19:11; Пс. 67:8-9; 76:15-20) или дня Господа (Агг. 2:6-9, 20-23). Проявление сейсмической активности вовсе не чуждо евангелиям: Иисус успокоил *seismos* в Галилейском озере (Мф. 8:24, ср. «бурю», Мк. 4:37) и «сотряс» Иерусалим, когда въезжал в него (*eseisthe*, Мф. 21:10). Воскресение мертвых из гробов (Мф.

27:52-53) напоминает нам о видении Иезекииля про долину высохших костей (Иез. 37:12-13).

Следовательно, если страсти по Марку становятся кульминацией страданий Иисуса, в Евангелии от Матфея они являются кульминацией Его христологии: тот факт, что Иисус есть Сын Божий, отвергается лидерами Израиля, но подтверждается знаменами, характерными для конца света. Если в Мк. 15:39 только римский сотник признал Иисуса, то здесь уже все видят и понимают, что происходит, и всех охватывает ужас, и они признают: «воистину Он был Сын Божий» (Мф. 27:54). Наконец, при повествовании о «погребении» Матфей не говорит, что Иосиф Аримафейский был «знаменитый член совета» (как в Мк. 15:43), поскольку эти руководители Израиля отвергли Иисуса; вместо этого он называет его учеником, одним из членов новой общины веры, появившейся после смерти Учителя (Мф. 27:57).

Оправдание Учителя

Воскресение — Мф. 28

Эта атмосфера сверхъестественного вмешательства в ситуацию, очевидную для всех, продолжается в истории Матфея о воскресении, и тут чувствуется желание автора связать воедино все повествование и объяснить то, что трудно понять читателю. Если Марк заканчивает свое повествование пустой гробницей, незнакомым молодым человеком, перепуганными женщинами, которые ничего никому не говорят, и при этом он ничего не рассказывает о появлении Иисуса, то Матфей повествует о сверхъестественном землетрясении, свидетелями которого были стражники (Мф. 28:2-4), женщины, которые побежали, чтобы рассказать об увиденном всем остальным (Мф. 28:8), и которые видели Иисуса (Мф. 28:9-10). Он излагает объяснение ситуации вокруг гробницы и стражников (Мф. 28:11-15), а потом финальную сцену на горе (Мф. 28:16-20). Эта глава тщательно составлена, в ней представлены три типич-

ные сцены, призванные уравновесить ситуацию: с верующими людьми (ст. 1-10), противниками (ст. 11-15) и верующими людьми (ст. 16-20). То Евангелие, которое началось с ангелов, с горы и с язычников, пришедших в Израиль, теперь заканчивается ангелами и горой, с которой новый Израиль посылается к язычникам.

Матфей проясняет то, что скрыто у Марка: голос во время крещения Иисуса был обращен не только к Иисусу, но и ко всем, и сверхъестественные последствия распятия подтвердили истинность Иисуса не только сотнику, но и всем присутствовавшим. И теперь, если в Евангелии от Марка камень уже был отвален (Мк. 16:3), то здесь и женщины, и стражники стали свидетелями землетрясения и появления ангела (а не таинственного «юноши», как у Марка), сходящего с небес, чтобы отвалить камень (Мф. 28:2-4). Однако Матфей не заходит так далеко, как апокрифическое *Евангелие от Петра*, в котором стражники и священники видели огромные фигуры ангелов, выносящие Иисуса и крест из гробницы; здесь воскресение уже произошло (согласно словам ангела, Мф. 28:6). Как ученики у Матфея обретают веру и значительное понимание учения, так и женщины возле гробницы испытывают не только страх, но также радость и послушание; они бегут, чтобы рассказать все ученикам, и наградой им за это служит появление Самого Христа, Которому они поклоняются (Мф. 27:8-10).

Теперь мы становимся свидетелями окончательного разделения старого Израиля и нового сообщества. Только Матфей говорит о том, что случилось с Иудой и с первосвященниками, и он продолжает связывать свободные концы с историей о стражниках (Мф. 27:62-66) и их подкупом (Мф. 28:11-15). Это напоминает историю об Иуде, единственное место в Евангелии от Матфея, где фигурируют деньги. Если Матфей написал свое евангелие для христиан иудейского происхождения, и в нем большое внима-

ние уделяется расколу в синагоге, то это повествование выглядит вполне гармоничным. Историю о том, что тело Иисуса было выкрадено учениками, рассказывают «между иудеями до сего дня» (Мф. 28:15): помимо названия «Царь Иудейский» (Мф. 2:2; 27:11, 29, 37), это место является единственным у Матфея, где есть слово «иудеи» — и теперь это совершенно другое общество, отличное от общества евангелиста, или Учителя.

В то же время истинный Израиль ушел в Галилею, чтобы встретиться со своим Учителем, снова на горе (Мф. 28:16-20). Тут наконец мы подходим к кульминации евангелия, когда все темы сходятся воедино. Несмотря на «малую веру» и на то, что в трудную минуту ученики оставили Иисуса, теперь они «пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус» (Мф. 28:16). Истинность Иисуса очевидна, и они поклоняются Ему на горе — хотя Матфей признает смешанную природу церкви, отмечая, что даже теперь некоторые продолжали сомневаться (Мф. 28:17). Эта гора напоминает нам все остальные горы евангелия, как и все то, что Синай и Сион значили для Израиля; но эта гора находится в Галилее — упомянутой Матфеем в самом начале служения Иисуса как «Галилея языческая» (Мф. 4:15). Несмотря на то, что главной темой Евангелия от Матфея является служение для Израиля, Матфей готовит нас к этому факту с самого начала, с Авраама и язычников в родословной Иосифа и с восточных мудрецов (главы 1 — 2). Теперь, когда Израиль отверг своего Учителя, ученики приняли так называемое «великое поручение», чтобы идти и готовить учеников во всех народах. Теперь они должны сами стать учителями, чтобы учить других людей тому, что Учитель заповедал им (Мф. 28:20). В самом конце евангелия, напоминая об имени Эммануил, «С нами Бог» (Мф. 1:23), Учитель обещает всегда быть вместе с ними «во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Никакой скрытности и никакого отсутствия Бога в этом еван-

гелии нет — как нет никакого вознесения или ухода Иисуса. Это не столько конец, сколько начало — и всеобъемлющего характера: «всякая власть» дана Иисусу, ученики должны идти «научить все народы», уча их «всему», а Иисус будет с ними «во все дни» — ибо, согласно созданному Матфеем портрету, Он есть не кто иной, как человеческий лик Бога.

. 6. Св. Лука, Евангелие из Линдисфарн
фолио 137b.

Носитель бремени — Иисус в Евангелии от Луки

Сильный вол

Символизм и значение

После человеческого лика Бога у Учителя Израиля в Евангелии от Матфея и стремительного льва в Евангелии от Марка, следующий символ Иисуса может показаться нам весьма странным: мы привыкли представлять вола как нечто медлительное и глупое — и в самом деле, известно, что некоторые толкователи называли Луку и две его объемные работы (Евангелие и Деяния) «тяжеловесами»! Однако в библейские времена все было по-другому. Когда не было никакой техники, вол воспринимался как самый мощный в мире двигатель, символ божественной силы в древних представлениях всего Востока от Ассирии до Египта. Даже Пятикнижие уподобляет Бога «единорогу» (Чис. 23:22; 24:8). Слово «абир», «мощный», которое использовали при типичном описании Господа Иакова или Израиля (например, Быт. 49:24; Пс. 131:2, 5; Ис. 1:24; 49:26; 60:16), очень похоже на слово «аббир», которое означало мощного вола. Земных царей, таких как фараон, могли уподобить волу, а при окончательном благословении Моисея двенадцатью коленами Иосиф сравнивается с первородным тельцом, «и роги его, как роги буйвола» (Вт. 33:17).

Вол всегда был домашним животным, которого использовали на самых тяжелых работах — возить повозки (Чис. 7:3), возить тяжелые грузы (1 Пар. 12:40), работать на пашне (Вт. 22:10; 3 Цар. 19:19), молотить зерно (Вт. 25:4; Ос. 10:11) — вол делал все. В Книге Притчей все сказано предельно реалистично: «Где нет волов, [там] ясли пусты; а много прибы-

ли от силы волов» (Пр. 14:4). Таким образом, вол был символом процветания, и его роль была настолько важна, что о нем даже упоминается в десяти заповедях: «Не желай дома ближнего твоего... ни вола его» (Ис. 20:17). Израильтяне также знали, что такое мощное животное может быть опасным — со времени закона Моисея о том, что делать, если вол забодает кого-либо насмерть, и о том, какое за это должно следовать наказание (см. Исх. 21:28-32)! Вол считался царем домашних животных. Однако поскольку вол носит тяжести, древними израильтянами он также использовался как жертвенное животное, которое было призвано нести на себе тяготы греха (Лев. 4:3-21; Пс. 68:32). Волы были принесены Давидом в жертву, чтобы прекратились бедствия Израиля (2 Цар. 24:18-25), а Соломон принес в жертву 22 тысячи волов, чтобы освятить храм (3 Цар. 8:63), что, вероятно, доставило немало хлопот священникам; им было достаточно трудно и с 600 волами, принесенными в жертву Езекией (2 Пар. 29:33-34)!

Вол в храме и в стойле   *Младенчество и начало жизни, Лк. 1 — 4:13*

Поскольку вол был животным, используемым на самых тяжелых работах, то неудивительно, что Лука подчеркивает универсальный характер важности Иисуса. Мы уже знаем, что первые слова всякого древнего текста играют определяющую роль. Если Марк совсем не говорит о родословной Иисуса, а Матфей излагает ее исключительно в контексте истории Израиля, начало евангелия от Луки в этом смысле коренным образом отличается. Написанное им вступление (Лк. 1:1-4) в греческом тексте представляет собой одно предложение, прекрасно гармонирующее с намерением автора: «рассудилось и мне». Стихи 1 и 2 повествуют о предыдущих повествованиях, тогда как стихи 3 и 4 обращены к будущему содержанию этой книги. Автор намеренно пишет

от первого лица, обращаясь к кому-то, кого зовут греческим именем Феофил («любящий Бога»), и при этом используя обращение «достопочтенный». Мы не знаем, кто был тот человек, но подобное обращение к издателю или благотворителю было весьма характерно для греко-римских письменных трудов. Лука сделал биографию Иисуса универсальным греко-римским «житием», и похожие вступления можно найти во многих других древних биографиях. Его повествование является «нарративом» (*diegesis*), изложенным «по порядку», или «последовательно» (*kathexes*); это не обязательно означает хронологический порядок, поскольку в Деян. 11:4 Петр рассказывает свою историю «по порядку» (*kathexes*), но в другой последовательности, в отличие от десятой главы Книги Деяний. Как Петр рассказывает свою историю со своей позиции, так и евангелист излагает свое евангелие. Мы должны исследовать позицию Луки и читать его повествование, *diegesis*, чтобы раскрыть его портрет Иисуса как носителя тяжестей.

Многие древние биографии содержат вступительные истории о семье и происхождении описываемого человека, о его рождении, младенчестве, о детских годах и образовании — все тщательно отбирается, чтобы осветить главные темы последующей жизни человека. Эти темы потом появляются в основной части повествования, и в конце достигают своей кульминации. В греческом театре пролог готовит зрителя к основному действию, а обобщение содержания происходит в эпилоге, в конце. Схожим образом и увертюра знакомит зрителя с темой балета или оперы. В своей вступительной части Лука начинает описывать портрет Иисуса как носителя тяжестей, находящегося среди бедных и униженных, в молитве и в храме — и при этом сам смысл повествования носит универсальный характер.

В отличие от стремительного льва Марка, вол Луки передвигается медленно. Чтобы понять Иисуса,

мы возвращаемся за крещение, которое Иисус принял, уже будучи взрослым (как в Евангелии от Марка), и даже за Его рождение (как в Евангелии от Матфея), к бездетным родителям его предтечи — и все это изложено в двух продолжительных главах! Примечательно, что стиль меняется от квази-классического греческого во вступлении к ветхозаветной атмосфере. Лука — это писатель, обладающий литературным даром; перемена стилей происходит в ходе повествования всего евангелия — как и в Книге Деяний, где мы наблюдаем постепенный переход от семитского стиля к более космополитическому греческому, что отражает географический переход от Иерусалима к Риму. В этих вступительных историях фразы типа «дом (кого-либо)», «пред лицом (кого-либо)», «и было» напоминают еврейское Писание. Захария и Елисавета «праведны пред Богом» (как и Ной, Быт. 6:9) и бездетны (как Авраам и Сара, Быт. 16:1; 18:11); они воздают хвалу (как Моисей и Мариам в Исх. 15:1-21 или Анна в 1 Цар. 2:1-10). Есть ангелы и чудесное рождение, а Симеон и Анна сохраняют живую веру в храме. Такова увертюра Луки: Иисус исходит из истории Израиля.

В отличие от царей, мудрецов и сильных людей у Матфея, Лука начинает с вола, набожных бедных людей, смиренных и кротких женщин — Захарии и Елисаветы, а также самой Марии. Если Матфей смотрит на все глазами Иосифа, Лука смотрит на все с точки зрения Марии, слагающей слова сии «в сердце своем» (Лк. 2:19, 51); вступительная глава посвящена не родословной Иисуса, а семье Марии. Ангел является не во сне Иосифу (Мф. 1:20), а наяву Марии (Лк. 1:26), ее родственнику (Лк. 1:11) и пастухам (Лк. 2:9). Те, кто носят бремена этого мира, славят Бога революционным образом в молитвах «Величит душа моя Господа» (Лк. 1:46-55) и «Благословен» (Лк. 1:68-79), о Его спасении бедным и о том, чтобы Он превзошел силу сильных. Когда Иисус, в конце концов, родился, Его положили в ясли вола, потому

что «не было им места в гостинице» (Лк. 2:7). Так и появляется вторая тема в музыке Луки, спокойный мотив, предназначенный для тихих инструментов.

Однако вол может выглядеть спокойным, но при этом оставаться сильным, чтобы выполнять великие дела. Мы видим четыре взрыва радости и славословия по поводу того, что делает Бог: радость Елисаветы и Марии (Лк. 1:41-56); удивительное рождение Иоанна Крестителя (Лк. 1:58, 63-80); ангелы и пастухи (Лк. 2:10-20), Симеон и Анна (Лк. 2:28-38) — что ведет к проповеди Иоанна (Лк. 3:1-6). Каждое из этих явлений поднимает свои темы и развивает их: радость (Лк. 1:14, 47; 2:10) в приготовлении пути (Лк. 1:17, 76; 3:4) для грядущего Царя из дома Давида (Лк. 1:32-33, 69-71; 2:11), Который есть Спаситель, несущий спасение (Лк. 1:47, 69, 71, 77; 2:11, 30; 3:6), милость и прощение (Лк. 1:50, 54, 72, 77, 78; 3:3) и мир (Лк. 1:79; 2:14, 29) от Авраама и пророков (Лк. 1:54-55, 69-70) всем людям (Лк. 2:31-32; 3:6). Поэтому, подобно некоторым фугам, фраза за фразой идут от одной песни к другой, выстраиваясь в крещендо всех идей Луки, касающихся грядущего Иисуса.

Как вола часто приносили в жертву в храме, так и бедные люди всегда желанны перед Богом. Евангелие начинается с истории о праведном священнике, Захарии, несущем служение в храме (Лк. 1:5-23). Самого Иисуса принесли в храм, когда Ему было всего несколько недель от роду, для очищения Его матери (Лк. 2:22-24). Мария и Иосиф принесли за Него в жертву двух голубей (Лк. 2:24) — жертву, которая допускалась для тех, кто был слишком беден, чтобы позволить себе принести в жертву агнца и голубя (Лев. 12:6-8). Несмотря на такое социальное и экономическое положение, Симеон и Анна признают Иисуса в храме и славят Бога за Его спасение (Лк. 2:22-38).

Только в Евангелии от Луки мы читаем типичное для биографии повествование о детстве, предшеству-

ющем годам взрослой жизни. Мальчик Иисус, поражающий своими знаниями мудрых учителей, напоминает нам о блестящих годах Цицерона в то время, когда он еще учился в школе (Плутарх, *Цицерон*, II.2) — но это также происходило в храме (Лк. 2:41-51). Если Матфей заканчивает рассказ об искушении (Мф. 4:8) и все свое евангелие (28:16) на горе, Лука говорит об искушении, связанном с царствами этого мира, сразу после вступления, и в его повествовании нет никакой горы (Лк. 4:5). Последнее искушение происходит в Иерусалиме (который конкретно называет только Лука), в храме (Лк. 4:9); в другом конце книги Лука заканчивает свое евангелие также в Иерусалиме, в храме (Лк. 24:53). «Вол знает владетеля своего» (Ис. 1:3) — и Иисус должен быть в доме Отца Своего (Лк. 2:49).

Однако, несмотря на семитский язык и иудейскую атмосферу, финальная тема евангелия выражает вселенское предназначение Иисуса. Если символом Иисуса в Евангелии от Луки является вол, носящий бремена бедных людей и женщин, то это относится и к язычникам. Младенца зовут Иисус, Спаситель (Лк. 1:31) — но Он пришел ради *всеобщего* спасения, и о Его рождении повествуется в контексте событий всемирной истории (Лк. 2:1-2). Хотя пастухам было сказано, что Спаситель родился в городе Давидовом (Лк. 2:11), небесный хор воспел песню о мире и благоволении Бога по всей земле (Лк. 2:14). На памятниках императора Августа было написано, что он есть «спаситель мира», и он прославился тем, что закрыл двери храма войны в Риме. Истинный Спаситель, принесший мир на землю, согласно Евангелию от Луки, родился в яслях, на окраине провинциального городка! Симеон, образец ветхозаветной набожности, признает, что Иисус пришел в этот мир не только ради себя и Израиля, но и ради того спасения, которое Он «уготовал пред лицом всех народов» как «свет к просвещению язычников» (Лк. 2:29-32), и при этом предупреждает

Марию о том, что этот Младенец принесет разделение «многих в Израиле» (Лк. 2:34). В то время как Матфей и Марк ссылаются на слова Исаии о гласе вопиющего в пустыне и связывают эти слова с Иоанном Крестителем, то только Лука продолжает, что «узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк. 3:6, цит. по Ис. 40:5). Опять же, он повествует эту историю в контексте Рима, Иудеи и их правителей (Лк. 3:1-2). Наконец, если Матфей начинает с родословной от Авраама до Иосифа, Лука говорит о Его родословной лишь после рассказа о крещении, когда Иисус начинает Свое общественное служение: он берет родословную двадцати семи имен до Авраама и иудейских патриархов, а потом до Адама, сына Божьего и отца всего человечества (Лк. 3:38), тем самым приводя к кульминации свою главную тему Иисуса как Спасителя всего мира.

Таким образом, подобно увертюре, предшествующей балету или опере, вступительные истории Евангелия от Луки о воле в храме и в стойле готовят нас к основным темам этого евангелия. У Иисуса иудейское происхождение набожного и смиренного человека, готового с честью предстать перед Богом в храме. В то же время рога вола способны творить великие и большие дела — и здесь речь идет именно о вселенском Божьем спасении.

**Вол проходит долгий
и медленный путь**

*Стиль и структура
Евангелия от Луки*

В отличие от беспорядочных и стремительных прыжков льва у Марка, Лука пишет «твердое основание» (Лк. 1:4). В его предисловии чувствуется спокойствие и уверенность, и эти качества распространяются и на основное повествование. Если Марк излагает все и сразу, Лука предпочитает более спокойный рассказ с фразами «когда же» (например, Лк. 3:21; 5:1, 12, 17; 9:18, 51) или «в те дни» (Лк. 2:1; 6:12). Фраза «когда же» является греческим перево-

дом еврейского выражения *shauehi*, которое в Евангелии от Матфея встречается шесть раз, в Евангелии от Марка четыре раза, в Евангелии от Иоанна три раза, а во всем остальном Новом Завете только дважды. Лука же использует это выражение в своем евангелии не менее пятидесяти раз, и еще пятнадцать раз мы видим его в Книге Деяний: это уже характерный стиль, или походка, которой вол неторопливо переставляет свои ноги, по мере того как одно событие повествования сменяется другим.

Если половина материала Евангелия от Матфея взята из Евангелия от Марка, а четверть совпадает с материалом Евангелия от Луки («Q»), а оставшаяся четверть характерна только для Евангелия от Матфея, характер заимствования материала в Евангелии от Луки скорее носит иной характер: около 29 процентов текста взято из Евангелия от Марка, 13 процентов — из источника «Q», а 43 процента характерно только для Евангелия от Луки («L»); оставшиеся 15 процентов представляют собой смесь двух или трех источников. Более того, его порядок показывает интересные колебания между Марком и другими источниками:

Лука	Марк как источник	Материал «Q» и «L»
1:1 — 3:2		уникальный характер = «L»
3:3 — 4:30	примесь Мк. 1:1-20	с «Q» и «L»
4:31 — 6:19	в основном заимствовано из Мк. 1:21 — 3:19	
6:20 — 8:3		сочетание «Q» и «L»
8:4 — 9:50	в основном заимствовано из Мк. 4:1 — 9:40	
9:51 — 18:14		сочетание «Q» и «L»
18:15 — 24:12	Мк. 10:13 — 16:18 совпадает в повествовании страстей	с материалом «L»
24:12-50		уникальный характер = «L»

Эти колебания легко понять, если учесть, что евангелия, как и все остальные древние книги, писались на свитках длиной до десяти метров. Если сравнивать с моим письменным столом, то мне нужно обложить сотней книг по всему кабинету, открытых на разных страницах для простоты ссылки; писатель в древние времена во время работы имел перед собой только пространство, достаточное для свитка. В целом Матфей многое перенял у Марка и, вероятно, перед ним был свиток этого евангелия, когда он работал; чтобы показать Иисуса как Учителя Израиля, он вносит другой материал в Его пять великих проповедей, вводя их в повествование Марка. Лука, вероятно, имел перед собой открытый текст Марка, когда он писал отрывки Лк. 3:3 — 6:19, 8:4 — 9:50 и 18:15 — 24:12; в другие минуты он, вероятно, сворачивал Евангелие от Марка, предпочитая сочетать источник «Q» с материалом, собранным из его собственных источников («L»). Этот особый материал отражает его заботу о бедных людях, женщинах, язычниках, о молитве и радости. Он не присоединяет не принадлежащий Марку материал к проповедям, как это делает Матфей, а влетает дела и слова, часто со своим собственным видением или повествованием («L»), ведущим к тому учению, которое изложено также и у Матфея («Q»). Таким образом, он показывает Иисуса как Того, Кто учит не только словом, но и делами, вплетая то, что Он говорит, в то, что Он делает. Вол, в первую очередь, является тружеником.

Структура Евангелия от Луки тщательно привязана к географическим измерениям. В отличие от льва Марка, все время прыгающего с места на место, вол Луки планомерно движется к своей цели. После вступительных историй, произошедших в Иерусалиме и в храме (Лк. 1:5 — 4:13), мы читаем о служении Иисуса в Галилее (Лк. 4:14 — 9:50), которое закончилось Его осознанным решением «идти в Иерусалим» (Лк. 9:51). Этот длинный и трудный путь

(Лк. 9:51 — 19:27) изложен самим Лукой, здесь он ничего не заимствовал («L»), и при этом в тексте постоянно упоминается Иерусалим (Лк. 9:53; 13:22, 33-34; 17:11; 18:31; 19:11, 28). В том, куда этот вол направляется, нет никакой ошибки. Название города Иерусалим встречается в Евангелии от Луки около тридцати пяти раз, столько же, сколько в Евангелиях от Матфея, Марка и Иоанна вместе взятых; если в Книге Деяний этот город упоминается шестьдесят раз, в остальном Новом Завете его название появляется только четырнадцать раз, что еще раз говорит о том, какое важное место данный город занимает в мыслях Луки. Вол идет в Иерусалим, чтобы стать жертвой: только Лука отмечает, что «не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13:33). Примечательно также и то, что воскресший Иисус говорит Своим ученикам «оставайтесь в городе Иерусалиме» (Лк. 24:49), где они снова ходили в храм (Лк. 24:53); здесь мы нигде не видим повеления возвращаться на гору в Галилее, как у Матфея. Во второй книге Луки Иерусалим является некой основой, от которой церковь начала распространяться по всему миру, в том числе и в сам Рим (Деян. 1:8).

В Евангелии от Луки мы видим не только географию, но и историю. В отличие от характерной для Марка загадочной нехватки материала о его стремительном льве, Лука описывает своего Иисуса тщательно, предоставляя самую подробную информацию (Лк. 2:1-2; 3:1-2). Недавние исследования Евангелия от Луки показали, что Иисус стоит «посреди времени», являясь некой Осью, вокруг Которой вращается вся история, временем осуществления. До Иисуса находится прошлое, время пророчества в иудейском Писании; после Иисуса идет будущее, период церкви, о котором Лука пишет в Книге Деяний. Евангелие тщательно выстроено исторически, от ветхозаветной атмосферы первых глав до учеников в Иерусалиме при конце, знаменующем начало церкви, и далее до второго тома, Книги Деяний апостолов. Лука выстраивает последо-

вательность событий, символизируя при этом устойчивое продвижение вола.

Более того, Лука показывает в своем ходе событий, что христиане являются истинными наследниками Израиля, используя при этом ветхозаветные мотивы, а также ссылки на Божье провидение и Божий план. Маленькое слово *dei*, «это необходимо», в Евангелии от Луки появляется столько же раз, сколько в других евангелиях вместе взятых (например, Лк. 2:49; 4:43; 9:22; 11:42; 13:14, 16; 15:32; 19:5; 21:9; 22:7, 37). Воскресший Иисус объясняет, что «надлежало» всему этому произойти, чтобы все Писание и все пророчества исполнились в Нем (Лк. 24:26-27, 44). В отличие от стремительного темпа Марка, ведущего к немедленному концу всего (Мк. 13:5-37), у Луки Иисус более размерен. У Луки «не тотчас конец» (Лк. 21:9, в отличие от Мк. 13:7); тем, кто ожидает Царства Божия «тотчас», Иисус Луки говорит притчу о царе, который уехал и дал каждому из своих слуг по десять монет, чтобы те употребили их в оборот (Лк. 19:11-27). Царство Божие грядет вовсе не сию минуту, и у нас еще есть много дел на земле: Римская империя представлена вовсе не как сатанинское зло (как в Откровении), и она защищает христиан, когда Благая Весть распространяется по миру в Книге Деяний. Уже «посетил нас Восток свыше» с рождением Иоанна и Иисуса (Лк. 1:78). Лука не излагает слова Марка и Матфея о том, что «приблизилось Царство Небесное» (Мк. 1:15; Мф. 4:17). Вместо этого он говорит, что «ныне» родился Спаситель (Лк. 2:11); Иисус провозглашает, что «ныне» исполнилось Писание, провозглашающее Господа (Лк. 4:21), «ныне» пришло спасение к такому мытарю, как Закхей (Лк. 19:9), и «ныне» небеса открылись покаявшемуся разбойнику (Лк. 23:43). Вол может двигаться медленно — но столь же медленно, и при этом неумолимо и непрестанно, движутся время и пространство, география и история.

Вол, стадо и погонщики

Герои Евангелия от Луки

В евангелиях можно выделить три группы главных героев — Сам Иисус, Его ученики и религиозные лидеры того времени; три сюжетные линии, которые развиваются *en route* и соединяются в кульминации — смерти и воскресении Иисуса. Давайте же теперь рассмотрим Иисуса как вола, Его учеников как Его стадо, и религиозных лидеров, которые призваны присматривать за своим стадом.

Иисус

Рисуя портрет Иисуса, Лука подчеркивает Его человеческую природу, говоря о Его скромной семье, о Его рождении и детских годах. Когда наши дети были маленькими, мы с женой испытывали огромную радость, прослеживая их развитие и рост по книгам детского развития. Только Лука повествует о детстве как Иоанна Крестителя (Лк. 1:80), так и Иисуса (Лк. 2:40): «Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52). Конечно, если родители считают своего сына сумасшедшим, это не делает им чести, и Лука полностью опускает повествование о попытке родителей Иисуса удержать Его (Мк. 3:21, что связывали с убеждением в том, что Он одержим веельзевулом в Мк. 3:19-35) и повествует об их желании видеть Его (Лк. 8:19-21) в отрыве от споров о веельзевуле (Лк. 11:14-23). Как и Матфей, Лука полностью опускает комментарии Марка о незнании Иисуса (такие как в Мк. 13:32 или Мк. 15:34) и лишь кратко упоминает о Его человеческих чувствах (например, жалость в Мк. 1:41 = Лк. 5:13; гнев, Мк. 3:5 = Лк. 6:10; негодование, Мк. 10:14 = Лк. 18:16).

Повествуя о начале служения Иисуса, Лука постоянно поднимает вопрос о том, Кто Он такой. Люди спрашивают об этом в синагоге Назарета (Лк.

4:22) и Капернаума (Лк. 4:36); вопросы задают книжники и фарисеи (Лк. 5:21), Иоанн Креститель (Лк. 7:19), ученики (Лк. 8:25) и Ирод (Лк. 9:9). Сам Иисус задает этот же самый вопрос Своим ученикам, спрашивая, за кого они Его принимают, на что Петр отвечает: «за Христа Божия» (Лк. 9:18-22). Лука не говорит, где это произошло, да и повествует об этом событии гораздо короче, чем Матфей (Лукой опущены слова Христа о Петре и о Церкви, см. Мф. 16:17-19) и Марк (Лука ничего не сказал о протесте Петра и про упрек Иисуса, см. Мк. 8:32-33). Если в евангелии от Марка это событие является центральным, то у Луки первое ключевое событие происходит позже, когда Иисус решает направиться в Иерусалим (Лк. 9:51). Если в Евангелии от Марка кульминационный момент откровения настал в Кесарии Филипповой, Лука дает несколько указаний относительно личности Иисуса.

Первый ответ заключается в том, что Иисуса нужно увидеть как Пророка. Сцена крещения в Евангелии от Луки напоминает нам о помазании пророка; об Иоанне Крестителе и о разговоре о праведности, который мы видим у Матфея, здесь не упоминается, и в то же время Лука уделяет внимание сошествию Святого Духа и гласу, обращенному к Иисусу: «Ты Сын Мой Возлюбленный» (Лк. 3:21-22). В равной степени пророческая атмосфера неприятия Иисуса в Назарете усиливается ссылками на Илию и Елисея (Лк. 4:16-30). Воскресение сына вдовы в Наине напоминает подобное чудо, совершенное Илией (Лк. 7:11-17, ср. 3 Цар. 17:17-24). Более того, толпа называет Иисуса «великим пророком» (Лк. 7:16), в чем сомневается фарисей Симон (Лк. 7:39). Как те, кто был возле Ирода (Лк. 9:8), так и ученики полагают, что народ воспринимает Иисуса как пророка (Лк. 9:19). Иисус сравнивает Себя с Ионой (Лк. 11:29-32) и говорит о неприятии и убийстве пророков (Лк. 11:47-52); Он называет Себя пророком из Назарета (Лк. 4:24) и осуществляет пророческий

путь в святой город, потому что «не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13:33). Неудивительно, что после Его смерти один из учеников, Клеопа, по дороге в Еммаус назвал Его «пророк, сильный в деле и слове» (Лк. 24:19). В других местах евангелия Иисус называет себя «Сын Человеческий» — перед фарисеями (Лк. 5:21-24; 6:1-5), учениками (Лк. 6:20-22) или толпами людей (Лк. 7:24, 34). Как и другие евангелия, это не столько раскрывает Его личность, сколько показывает Его деятельность; Он есть «Человек», Который страдает (Лк. 7:34; 9:22, 44) и Который придет в день суда, чтобы оправдаться Богом (Лк. 9:26; 11:30; 18:8; 21:27).

Ответ Луки раскрывает нам богатую христологию. Во-первых, ангел возвещает, что родился «в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2:11). Лука, будучи единственным синоптическим евангелистом, прибегающим к этому названию, устами Марии называет Бога «Спасителем» (Лк. 1:47), а потом применяет это название и к Иисусу (Лк. 2:11). Иисус говорит людям, что их вера «спасла» их (Лк. 7:50; 17:19; 18:42); спасение приходит к Закхею, потому что «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19:9-10). Слова ангела о городе Давидовом напоминают нам о Божьем обетовании относительно родословной Давида (2 Цар. 7:8-16); Марии сказала, что Иисус примет «престол Давида, отца Его» (Лк. 1:32-33). Симеон видит Иисуса как «Христа Господня» (Лк. 2:26), а Петр исповедует Его как «Христа Божия» (Лк. 9:20); Иисуса обвиняют в том, что Он называет Себя «Христом Царем» (Лк. 23:2; см. также Лк. 19:38; 23:35, 37-39, 42); Иисус же говорит о Себе после воскресения, что «надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (Лк. 24:26).

В Своей первой проповеди Иисус цитирует Исаию, говоря о том, что «Он помазал [буквально *christ*] Меня» (Лк. 4:18). У других евангелистов к Иисусу обращаются как к *kyrie*, что означает просто «госпо-

дин», или «учитель»; к Иисусу во время Его земной жизни никогда не обращались по Его полному титулу. И только Лука использует определенный термин «Господь» в своем повествовании: сначала этот термин относится к Богу четырнадцать раз в первых пяти главах (Лк. 1:6, 9, 11, 58, 66; 2:9, 22, 23 (дважды), 24, 26, 39; 3:4; 5:17), потом еще четырнадцать раз этот термин относится к Иисусу (Лк. 7:13, 19; 10:1, 39, 41; 11:39; 12:42; 13:15; 17:5, 6; 18:6; 19:8; 22:61; 24:34). Как Бог является «Господом», так и Иисус. Поскольку евангелие предупреждает нас о том, что после пасхи вера в Иисуса найдет свое подтверждение, этот факт в Евангелии от Луки изложен в повествовательной форме: Иисус является «Господом», Сыном Божьим, как о том возвещает ангел (Лк. 1:32, 35), и как то подтверждает голос с небес (Лк. 3:22; 9:35); это признают и демоны (Лк. 4:34, 41; 8:28), и Сам Иисус подтверждает это на допросе (Лк. 22:70).

Вол является сильным и мощным животным, царем домашних животных, и в то же время животным, которое приносят в жертву. Здесь Лука не делает никаких секретов, в отличие от Марка. Иоанн Креститель является пророком, и Иисус также обладает всеми качествами пророка; но Он также является Мессией Давида, Сыном Божьим, Спасителем и Господом. Иисус, Такой как есть, призывает Израиль к покаянию, но в этом евангелии Его отвергают уже в самом начале, у Него на родине (Лк. 4:16-30). Если то, что Иисус является Сыном Божьим, ясно для сверхъестественных существ, человеческая реакция на это неоднозначна: некоторые считают Его пророком, прочие — лжемессией, а для учеников Он — Христос Господь. Как предупреждал Симеон, «лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий» (Лк. 2:34). К этим темам мы сейчас и перейдем.

Те, кто следуют за волом

Когда Илия призвал Елисея, он увидел его наущим, и «двенадцать пар [волов] было у него» (3 Цар. 19:19). Луку интересуют те, кто пашет, идя за волами — но количество волов не ограничивается двенадцатью. Лука меньше заинтересован в учениках как отдельной группе людей (такой термин в евангелии встречается только тридцать пять раз, в два раза реже, чем в Евангелии от Матфея или от Иоанна) — его больше интересует реакция людей на Иисуса. В его евангелии больше личных имен и реалистичных подробностей о людях — например, о Захарии и Елисавете (Лк. 1:5-80), Симоне фарисее и грешнице (Лк. 7:36-50), или Закхее (Лк. 19:1-10). Лука более позитивно показывает отношения между большим количеством людей и Иисусом (Лк. 3:21; 11:29; 12:1; 23:5); Иисус был популярен, когда Его приветствовали (Лк. 8:40), Его делам радовались (Лк. 13:17), в Его слова вдумывались (Лк. 19:48; 21:38). Только Лука говорит, что Иуда был вынужден предать Его «не при народе» (Лк. 22:6), и рассказывает о том, как большое число людей следовало за Иисусом на распятие, оплакивая Его (Лк. 23:27).

Следовательно, число последователей Иисуса не ограничивается двенадцатью. Призвание Петра и других людей происходит после первых проповедей Иисуса (Лк. 4:16-32, 42-44), изгнания бесов и исцеления (Лк. 4:33-41); встречающаяся только у Луки история о чудесном улове рыбы объясняет, почему Петр и его соратники оставили все и последовали за Ним (Лк. 5:1-11). Лука говорит о гораздо большей группе людей, «учеников», из которых Иисус потом избрал двенадцать «апостолов» (Лк. 6:13). Двенадцать апостолов Он посылает на миссионерское служение (Лк. 9:1-6, ср. Мф. 10:1, 5), но только Лука говорит нам еще о семидесяти (или о семидесяти двух, по некоторым манускриптам) людях, которых

Он посылал парами (Лк. 10:1-16). Только Лука говорит об ученицах: он называет Марию Магдалину (и говорит о семи демонах, изгнанных из нее), Иоанну (жену домоправителя Ирода, Хузы), Сусанну и многих других, которые оказывали финансовую помощь ученикам (Лк. 8:1-3). Только у Луки мы читаем историю о Марии и Марфе, в которой Марфа выражает традиционное представление о месте женщины на кухне: в этом контексте принятие Иисусом Марии в число Своих учеников выглядит поистине радикальным (Лк. 10:38-42).

Двенадцать учеников представлены в лучшем свете — если по Марку у них не было веры, а по Матфею они были «маловерными», у Луки они искренне просят Иисуса: «умножь в нас веру» (Лк. 17:5, ср. Мф. 17:20). Лука, в отличие от Марка, избегает критики по отношению к ученикам (например, сравните Мк. 4:13 с Лк. 8:11) и их вопросам (Мк. 9:10: Лк. 9:37); если у Матфея Иаков и Иоанн через свою мать просят о почетных местах на небесах, то Лука обходит эту тему тактичным молчанием (Мк. 10:35-45: Мф. 20:20)! Что касается трех избранных Иисусом учеников, то Лука объясняет их панику в момент преобразования как результат их усталости и страха (Лк. 9:32-34); в Гефсиманском саду он не выделяет Петра, Иакова и Иоанна, а объясняет, что они были «спящими от печали» (Лк. 22:45). Не говорится, как у Марка, что «оставив Его, все бежали» (Мк. 14:50, ср. Лк. 22:53); вместо этого говорится, что «все же, знавшие Его, и женщины... стояли вдали и смотрели» на распятие (Лк. 23:49). Однако и у Луки не все так положительно: они не понимали такой степени смирения во время тайной вечери (Лк. 22:24-27), как и ненасилие в саду (Лк. 22:35-38, 49-50). И после воскресения Иисусу пришлось многое разъяснять Клеопе (Лк. 24:25-27, 32) и другим ученикам, прежде чем они могли облечься «силою свыше» (Лк. 24:46-49).

Вместо того чтобы последовать за Иисусом по какой-то непонятной причине (как это получается в

Мк. 1:16-18), Симон Петр сначала был свидетелем исцеления его тещи (Лк. 4:38-39) и чудесного улова (Лк. 5:1-11), когда он с ужасом ответил: «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5:8). Тем не менее, Иисус делает его Своим учеником и первым избранником из двенадцати (Лк. 6:14); он, так же как и в других евангелиях, исповедует Иисуса Христом (Лк. 9:20), неразумно предлагает построить кущи после преобразования (Лк. 9:33) и указывает на свою готовность оставить все, чтобы последовать за Иисусом (Лк. 18:28). Лука не упоминает о протесте Петра после того, как Иисус предсказал Свое распятие, как не говорит ничего и об упреке Иисуса в этот момент (сравните Лк. 9:22 с Мк. 8:31-33). Ничего не говорит он и о жалобе Иисуса на то, что даже Петр не мог бодрствовать с Ним в Гефсиманском саду (сравните Лк. 22:40-46 с Мк. 14:33, 37). Вместо уверения Петра о том, что он не бросит Его (Мк. 14:29-31), в Евангелии от Луки Иисус предсказывает во время тайной вечери, что Петр отречется от Него; за всем этим стоит сатана, но Иисус молился о том, чтобы вера Петра не оскудела, поэтому, когда он снова обратится к вере, он будет должен «утвердить братьев своих» (Лк. 22:31-34). Слово «братья» Лука постоянно использует для обозначения христиан в Книге Деяний, где Петр предстает перед нами как их лидер (например, Деян. 1:15-16; 15:7, 23). Даже когда Петр отрекся от Иисуса, Лука ничего не говорит о божбе и клятвах (сравните Лк. 22:60 с Мк. 14:71); вместо этого только у Луки мы читаем, что «Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил» (Лк. 22:61) — и только Лука говорит нам о явлении воскресшего Христа Петру (Лк. 24:34). Вол проделывает долгий, но неизменный путь, через смерть и воскресение к деяниям апостолов, и в начале этого пути стоял Петр. Петр, Стефан и Павел повторят мучения и страдания жертвенного вола. Опять же, повествование Луки является частью общего хода истории.

Религиозные лидеры

Лев Марка находился в конфликте с естественным и сверхъестественным мирами, тогда как Учитель Израиля у Матфея был отвергнут израильскими лидерами. Лука, однако же, начинает свое повествование с Захарии в храме (Лк. 1:5-23); Симеон и Анна, ревностные служители храма, признают Младенца Спасителем (Лк. 2:22-38); там же, в храме, двенадцатилетний Иисус впервые встречается с религиозными учителями — и те удивляются Ему (Лк. 2:41-51). Так у нас возникают положительные чувства по отношению к храму и религиозным лидерам. Тем не менее, в гимне «Величит душа моя Господа» есть предупреждение о низложении сильных (Лк. 1:51-52), а Симеон пророчествовал о падении и восстании «многих в Израиле» (Лк. 2:34). Во время служения Иисуса в Галилее (Лк. 4:14 — 9:50) и Его пути в Иерусалим (Лк. 9:51 — 19:27) фарисеи постоянно спорят с Ним о традиции и законе: они подвергают сомнению Его власть прощать (Лк. 5:21-22; 7:49), поститься (Лк. 5:33-39), делать добрые дела и исцелять в субботу (Лк. 6:1-2, 6-11; 13:14; 14:1-6), не умывать рук (Лк. 11:38), возмущаются тому, что Иисус общается с грешниками (Лк. 5:29-32; 7:39; 15:1-2). Разговоры между двенадцатилетним мальчиком и лидерами продолжаются и в дальнейшем, в ходе служения Иисуса, и они пока что не носят характер противостояния: только Лука рассказывает о том, как фарисеи приглашают Иисуса на обед, чтобы вести споры на равных. А когда фарисей Симон пригласил к себе Иисуса (что тоже встречается только у Луки), одна грешница смогла проявить к Иисусу свою любовь и получить прощение (Лк. 7:36-50).

Лука повествует о еще одном обеде с фарисеем («Q»), во время которого Иисус говорит о внутренней и внешней чистоте, о чем мы также читаем в великой обличительной речи у Матфея (сравните Лк.

11:37-44 с Мф. 23:6-7, 23, 25-27). Дискуссия с законниками, книжниками и фарисеями (Лк. 11:45, 53; 12:1) в Евангелии от Матфея представлена как проповедь (ср. Лк. 11:45 — 12:1 с Мф. 23:4, 13, 29-31, 34-36). Поэтому вместо одной речи, как в двадцать третьей главе Евангелия от Матфея, критика Иисуса здесь появляется в беседе. Вместо того чтобы составить заговор в союзе с иродианами (Мк. 3:6), некоторые фарисеи предупреждают Его: «Ирод хочет убить Тебя» (Лк. 13:31). Другой спор с фарисеями об исцелении в субботу приводит к учению о смирении, к притче о мессианском ужине и об ученичестве (Лк. 14:1-35). Несмотря на все те пиры, на которые приглашали Иисуса, Сам Иисус предпочитает есть с грешниками, рассказывая при этом фарисеям притчи о потерянной овце, потерянной монете и блудном сыне (Лк. 15:1-3); Лука называет «сребролюбивыми» тех фарисеев, которые смеялись над Ним (Лк. 16:14). В уникальной притче, представленной в Лк. 18:9-14, самодовольный фарисей противопоставлен кающемуся мытарю, но после краткого недовольства по поводу реакции толпы во время въезда Иисуса в Иерусалим (Лк. 19:39) фарисеи исчезают из поля зрения, и до самой Книги Деяний речь о них больше не идет.

Появление Иисуса в храме и то, что Он «учил каждый день», создает первую опасность: «Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его» (Лк. 19:45-47). Этот конфликт происходит уже не с фарисеями, а со старейшинами, которые контролируют систему жертвоприношений — и которые знают, как обращаться с волом, принесенным в жертву! Тем не менее, им приходится быть осторожными, потому что простой народ внимал Его словам (Лк. 19:48). Действия Иисуса в храме воспринимаются как прямой вызов, поэтому первосвященники, книжники и старейшины спрашивают Его о Его власти (Лк. 20:1-8), вынуждая Иисуса либо обидеть толпу, либо вступить в кон-

фликт с римскими властями. Иисус в ответ спрашивает их о власти Иоанна Крестителя; и только Лука рассказывает о том, как священники испугались, что весь народ побьет их камнями (Лк. 20:6). Далее Иисус обличает их притчей о виноградарях и винограднике, но они не могут ничего сделать из страха перед толпой (Лк. 20:9-19). Как и в евангелиях от Марка и от Матфея, мы читаем, что Иисусу задают вопросы о подати кесарю (20:20-26) и о воскресении (Лк. 20:27-40), но вопросы эти задают первосвященники, книжники и старейшины (Лк. 20:20), а не фарисеи и иродиане (Мк. 12:13; Мф. 22:15-16). И после этого «уже не смели спрашивать Его ни о чем» (Лк. 20:40).

Вместо вопроса о самой великой заповеди, уже включенной ранее в притчу о добром самарянине (которую мы читаем только у Луки, Лк. 10:25-28, 29-37), автор ставит вопросы о сыне Давида (Лк. 20:41-44), говорит об осуждении в адрес книжников (Лк. 20:45-47, вместо обличительной речи, направленной против фарисеев, см. Мф. 23). Краткое эсхатологическое учение Луки предсказывает уничтожение храма (Лк. 21:5-36), но в нем ничего не говорится о Елеонской горе (Мк. 13:3; Мф. 24:3). Положение для лидеров становится безвыходным: в то время как Иисус каждый день учит в храме, выступая перед теми, кто собирается слушать Его (Лк. 21:37-38), первосвященники и книжники не могут ничего с этим поделать, «потому что боялись народа» (Лк. 22:2). Только в Евангелии от Луки в ситуацию вмешивается сатана, подталкивая Иуду Искариота предать Иисуса «не при народе» (Лк. 22:3-6). После того как Иисус был схвачен, Его привели в дом первосвященника (Лк. 22:54), откуда первосвященники, книжники и старейшины повели Его к Пилату (Лк. 22:66 — 23:2). Только Лука повествует о том, как Иисус предстал перед Иродом и был осмеян (Лк. 23:6-11), но в конечном счете и Ирод, и Пилат объявили, что «ничего не найдено в Нем достой-

ного смерти», после чего предложили отпустить Его (Лк. 23:12-16). Лука подчеркивает, что именно первосвященники и книжники обвиняли Его «усильно» (Лк. 23:10), потом услышали решение Пилата (Лк. 23:13) и так усердно протестовали, что Пилат в конце концов отдал Его «в их волю» (Лк. 23:25).

Таким образом, трехчастная географическая структура «Галилея — путешествие — Иерусалим» развивает тот конфликт, который занимает главное место в повествовании Луки. После позитивных чувств в начале книги, связанных с храмом и религиозными лидерами, мы читаем о фарисеях в Галилее и на пути Иисуса в Иерусалим, которые приглашают Его к себе и ведут с Ним споры. Однако в тех главах, где говорится о Его пребывании в Иерусалиме, им на смену приходят первосвященники и старейшины — куда более опасные оппоненты, которые, в конце концов, и были ответственны за смерть Иисуса. Вместо того чтобы быть лидерами, заботящимися о своем стаде, они только и думали о том, как забить жертвенного вола. Лука и его языческая церковь не выступали против раввинистического фарисейства, как это делал Матфей. В Книге Деяний апостолов фарисеи вновь предстают в добром свете: Гамалиил выступает в защиту первых христиан (Деян. 5:34-39); в числе верующих людей были и фарисеи (Деян. 15:5), а Павел использует свое фарисейское происхождение (Деян. 23:6-9; 26:5). Для Иисуса как носителя бремени, каким Его изображает Лука, главными врагами являются богатые и могущественные, которые несут служение в храме, но делают это не для смиренных и бедных людей, а для собственной выгоды. И то, что они благополучно убьют вола, в действительности приведет к тому, что сильные будут низложены с престолов, а смиренные будут вознесены, как это и было предсказано в гимне «Величит душа моя Господа» (Лк. 1:52). Это и будет нашей следующей темой.

Те, кто обременен
тяжелой ношей

Служение вола

Основная идея портрета Иисуса, написанного Лукой, кроется в Его первом посещении синагоги в Назарете (Лк. 4:16-30). История Луки в три раза длиннее, чем равноценные повествования, которые мы встречаем гораздо позже в евангелиях от Марка и от Матфея (Мк. 6:1-6; Мф. 13:54-58). Здесь кроется разгадка ко всему последующему служению Иисуса. Лука показывает, как Иисус осуществляет пророчество Исаии, показывает Его помазанным Духом, чтобы проповедовать Благоую Весть бедным людям и нести свободу узникам, слепым и угнетенным (Лк. 4:18-21), вместо «приблизилось Царство Божие: покайтесь» (Мк. 1:15; Мф. 4:17). Для Луки Иисус является волом, носителем тяжелой ноши бедных и всех нуждающихся. Собравшиеся в синагоге поначалу дивились тем словам благодати, которые Он говорил (Лк. 4:22), пока Он не перешел к служению Илии и Елисея язычникам, вдове в Сидоне и Нееману Сириянину (Лк. 4:26-27). Эта забота о тяготах всех людей, о всеобщем спасении приводит к неприятию Иисуса. Он не просто впечатляющий молодой человек, но и пророк, избегающий смерти, когда Он, «пройдя среди них, удалился». Одним из любимых слов Луки является слово *propeitai*, используемое в тех местах, когда Иисус «пошел» в пустынное место (Лк. 4:42), в город (Лк. 7:11), в Иерусалим (Лк. 9:51, 53; 13:33; 17:11; 19:28), к конечной цели Своего служения (Лк. 22:22); после воскресения Он «шел» со Своими учениками в Еммаус (Лк. 24:13, 28). Евангелие от Луки — это путь спасения; вол несет бремена бедных людей, узников и слепых, угнетенных и вдов по мере того, как переходит от местных и национальных забот к язычникам, чтобы провозгласить «лето Господне благоприятное» (Лк. 4:19).

Богатые и бедные

Мы видели, что вол может быть символом благополучия (Пр. 14:4), и Книга Притчей проводит контраст между бедным «блюдом зелени» и откормленным быком как символом роскоши (Пр. 15:17). Хотя Евангелие от Луки часто называют «Евангелием для бедных», в нем есть много предостережений для богатых: только Лука говорит, что жизнь человека «не зависит от изобилия его имущества», а притча о неразумном богаче (Лк. 12:15-21) подтверждает учение Иисуса «продавайте имущества ваши» (Лк. 12:22-34). Похожим образом притча о богаче и Лазаре, рассказанная фарисеям, «которые были сребролюбивы» (Лк. 16:14), показывает, что богатого человека ждет наказание за его эгоизм (Лк. 16:19-31). В евангелиях от Марка и от Матфея молодому человеку Иисус сказал «продать имущество» (Мк. 10:17-31; Мф. 19:16-30); в Евангелии от Луки про этого человека говорится, что он «очень богат», и Иисус призывает его «все, что имеешь, продай» (Лк. 18:18-25). О Закхее, о котором повествует только Лука, также говорится, что он «человек богатый» (Лк. 19:2); но в отличие от молодого богача (Лк. 18:23) он делает то, что говорит ему Иисус: «ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19:1-10).

Здесь мы видим исполнение гимна «Величит душа Моя Господа» в том, что Он низложил сильных с престолов и богатых отпустил ни с чем; другая сторона этой истины состоит в том, что Он вознес смиренных и алчущих исполнил благ (Лк. 1:52-53). Поэтому Иисус проповедует Благоую Весть именно бедным (Лк. 4:18; 7:22); именно бедные и алчущие люди называются блаженными в Нагорной проповеди у Луки (Лк. 6:20-21, в отличие от «нищих духом» у Матфея и «алчущих и жаждущих правды», Мф. 5:3, 6), а соответствующее возвешение горя богатым мы видим опять-таки только у Луки (Лк. 6:24-26). Бед-

ный Лазарь теперь находит утешение на лоне Авраамовом (Лк. 16:25). Только у Луки Иисус советует людям не звать на пир богатых, но звать «нищих, увечных, хромых, слепых» (Лк. 14:12-14); тут же следует его версия притчи о великом пире, в которой «нищие, увечные, хромые и слепые» собраны на этот пир после того, как богатые владельцы полей, скота и жен отказались идти на него (Лк. 14:15-24, в отличие от версии Матфея, включающей «и злых и добрых», Мф. 22:9-10).

Потерянные и непринятые

Иисус у Луки общается за одним столом не только с фарисеями, но и с «грешниками» (Лк. 5:29-32; 15:1-2; 19:7), и это слово в Евангелии от Луки встречается чаще, чем в трех других евангелиях вместе взятых. Петр называет себя грешником, когда впервые встречается с Иисусом (Лк. 5:8), но, к счастью, Иисус является «другом грешникам» (Лк. 7:34); только Лука говорит, что больше будет радости на небесах об одном покалявшемся грешнике, чем о девяносто девяти праведниках (Лк. 15:7). Оставаясь верным Своему изначальному заявлению (Лк. 4:18-19), Иисус общается с прокаженными (Лк. 5:12-16; 7:22; 17:11-19), калеками (Лк. 5:17-26; 7:22), слепыми (Лк. 7:21-22; 18:35-43) и мытарями (Лк. 5:27-30; 15:1-2; 19:1-10). Обычно таких людей общество не принимало, их не хотели видеть во время богослужений или на пиру, опасаясь прикосновений к нечистому. В ответ на критику фарисеев Иисус рассказал три притчи, о потерянной овце, потерянной монете и блудном сыне, которые и объясняют Его поступок (Лк. 15:1-32). Притча о заблудшей овце есть также и в Евангелии от Матфея, в которой мы видим гипотетическую фразу «если случится найти ее» (Мф. 18:13); у Луки же в притче все определено — *найдя*, — после чего сразу идет повествование о радостном пире (Лк. 15:5)! Только у Луки мы читаем прит-

чи о потерянной монете (Лк. 15:8-10) и потерянном или блудном сыне (Лк. 15:11-32), самую длинную из всех евангельских притчей, полную повествовательных подробностей и характеристик; представленное Лукой нестандартное отношение Иисуса к богатым и бедным приводит к драматическому развитию в отношении отца к сыну — от скорби к радости, в жизни блудного сына — от смерти к жизни, а в жизни его старшего брата — от счастья к ревности. И в конце мы снова видим пир — для которого был заколот тучный телец, молодой вол!

Женщины

Немногим лучше было и социальное положение у женщин; Марфа утверждает, что они должны прислуживать мужчинам (Лк. 10:40). Лука начинает повествование с Елисаветы, Анны и Марии. Если Мария время от времени появляется в ходе всего евангелия (Мк. 3:31-35; 6:3; Мф. 1:16-20; 2:11; 13:55), Лука упоминает ее по имени тринадцать раз (Лк. 1:27, 30, 34, 38, 39, 41, 46, 56; 2:5, 16, 19, 34; Деян. 1:14), а также говорит о ней в Лк. 2:41-51; 8:19-21; 11:27-28. В Евангелии от Луки есть много историй, в которых участвуют женщины и которые мы больше нигде не встречаем: вдова из Наина (Лк. 7:11-17); женщина с помазанием (Лк. 7:36-50); женщины из числа учеников Иисуса (Лк. 8:2-3); право Марии сидеть и слушать Иисуса (Лк. 10:38-42); женщина в толпе (Лк. 11:27); женщина, исцеленная в субботу (Лк. 13:10-17). В дополнение к тем историям, которые мы можем найти только в Евангелии от Луки, евангелист представляет нам изложенную в Евангелии от Марка историю о теще Петра (Лк. 4:38-39), о дочери Иаира и о женщине, страдавшей кровотечением (Лк. 8:41-56). Женщины также фигурируют в притчах Евангелия от Луки, и зачастую притчи о женщинах чередуются с притчами о мужчинах: так, притча о женщине с закваской идет сра-

зу после притчи о мужчине, посадившем горчичное зерно (Лк. 13:18-21); притча о женщине, потерявшей монету, чередуется с притчей о мужчине, потерявшем овцу (Лк. 15:3-10); притча о двух трудящихся женщинах, одна из которых при наступлении конца света будет взята на небеса, а другая останется, чередуется с притчей о двух спящих мужчинах, один из которых будет взят, а другой останется (Лк. 17:34-35). Таким образом, Лука показывает, что учение Иисуса носит всеобъемлющий характер. Он также заботится о вдовах: мы читаем об Анне, вдове, которая пребывала в храме (Лк. 2:37); о вдове из Сидона (Лк. 4:25-26); о вдове из Наина (Лк. 7:12); о бедной вдове, пожертвовавшей все, что у нее было (Лк. 21:1-4, единственная вдова, о которой говорится в других евангелиях, см. Мк. 12:41-44). В притче, которую мы читаем только у Луки (Лк. 18:1-8), речь идет о вдове, которая показывает всем пример настойчивой молитвы. Поскольку о них некому заботиться, они оказываются беззащитными, и Лука показывает, как они пользуются особой поддержкой и заботой со стороны ранней церкви (Деян. 6:1; 9:39-41).

Неиудеи

Носитель бремени заботится также и о тех, кто не является иудеем. В известной притче добрый самарянин, представитель смешанной национальности израильтян и ассирийцев, презираемой иудеями еще со времен Исхода, проявляет искреннюю любовь к нуждающемуся ближнему, тогда как священник и левит проходят мимо (Лк. 10:29-37). Схожим образом единственный из десяти прокаженных, который вернулся, чтобы поблагодарить Иисуса за исцеление, оказался самарянином, и эта история также представлена только в Евангелии от Луки (Лк. 17:11-19). Мысли Луки о всеобщем спасении предшествовала молитва Симеона о «просвещении языч-

ников» (Лк. 2:32), а также служение Или и Елисея среди неиудеев (Лк. 4:24-27). Только Лука показывает, как Иисус отказывает Иакову и Иоанну в их необдуманной просьбе наслать на самарян огонь с неба (Лк. 9:51-56). В Евангелии от Луки есть истории о язычниках, которые мы читаем и в других евангелиях: о сотнике, чья вера была такой, какой не было ни у кого в Израиле (Лк. 7:1-10, ср. Мф. 8:5-13); об одержимом бесами в Гадаринской стране (Лк. 8:26-39, ср. Мк. 5:1-20); о жителях Ниневии и царице южной (Лк. 11:29-32, ср. Мф. 12:38-42); о мессианском пире (Лк. 14:15-24, ср. Мф. 22:1-10) и о винограднике (Лк. 20:9-19, ср. Мф. 21:33-46). Интерес Луки к истории предваряет то, чему он дает уникальное название «времена язычников» (Лк. 21:24); миссия ко всем народам заканчивает это евангелие (Лк. 24:47) — и служит началом и концом его второй книги (Деян. 1:8 и 28:28).

Подобно тому, как вол был универсальным древним носителем тяжелых грузов, так и Лука показывает Иисуса заботящимся обо всех, кто обременен тяжелой ношей, и особенно о тех, кому было не с кем разделить эту ношу — о бедных, изгоях, женщинах и язычниках. Вол неуклонно идет в Иерусалим и по пути берет на себя все больше и больше груза — но откуда у Него необходимые для этого силы?

Силы, чтобы нести ношу *Духовность Луки*

Будучи терпеливым и неторопливым животным, способным переносить тяжелые грузы, вол был для иудеев весьма религиозным символом, которого приносили в жертву. Его рога символизировали власть Бога. Если Лука является евангелистом, который описывает Иисуса как носителя тяжестей, он яснее всего описывает и те источники, из которых Иисус черпает Свои силы.

Молитва

Это евангелие начинается с молитвы в храме (Лк. 1:5-23) и заканчивается словами о том, что ученики «пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:53). Иисус у Луки не кто иной, как Человек молитвы. Время от времени Лука особо упоминает о том, что Иисус пребывает в молитве, когда в Его жизни что-нибудь происходит — во время Его крещения (Лк. 3:21), после служения другим людям (Лк. 5:16), перед избранием апостолов (Лк. 6:12), во время исповедания Петра (Лк. 9:18), во время Его преображения (Лк. 9:29), перед тем как учить учеников молитве Господа (Лк. 11:1-3) — и каждый раз Лука использует фразу как «и там молился», почерпнутую из Евангелия от Марка или источника «Q». Конечно, Иисус молился и в Евангелии от Марка (например, Мк. 1:35; 14:32-42), но Лука особенно подчеркивает это действие и его силу. Лишь Лука говорит нам, что Иисус особо молился за Петра, чтобы он, после того как отрекся и обратился снова, мог «утвердить» других (Лк. 22:31-32).

Глядя на пример Иисуса, ученики просят: «Научи нас молиться», после чего следует изложенная в версии Луки молитва Господа (Лк. 11:1-4). Притчи о друге в полночь (Лк. 11:5-8) и о настойчивой вдове (Лк. 18:1-8), которые мы читаем только у Луки, подчеркивают необходимость не сдаваться, а быть настойчивыми в молитве. Притча о фарисее и мытаре в храме тоже характерна только для Луки, и она напоминает нам о том, что молиться нужно в духе смирения и прощения, а не в духе самодовольной гордости (Лк. 18:9-14). В Гефсиманском саду Иисус просит Своих учеников молиться вместе с Ним (Лк. 22:40), в отличие от «посидите здесь, пока Я помолюсь» (см. Мк. 14:32; Мф. 26:36). Постоянные упоминания Луки о молитве в Книге Деяний показывают, что ученики усвоили этот урок (например, Деян.

1:14, 24; 2:42; 3:1; 4:23-31; 6:4, 6; 10:9, 30; 11:5; 12:5, 12; 13:3; 14:23; 16:13, 16, 25; 20:36; 21:5; 22:17; 28:8). И, наконец, Лука внес в молитву церкви песни Марии, Захарии и Симеона: «Величит душа моя Господа» (Лк. 1:46-55), «Благословен» (Лк. 1:68-79) и «Ныне отпускаеши» (Лк. 2:29-32).

Святой Дух

Если вол является самым сильным творением, Святой Дух является силой Бога (Лк. 24:49), играющей важную роль в портрете Иисуса, написанном Лукой. Лука восемнадцать раз говорит о Духе в своем евангелии и пятьдесят семь раз в Книге Деяний (сравните эти цифры с шестью упоминаниями в Евангелии от Марка и двенадцатью в Евангелии от Матфея!). Святой Дух является инициатором каждого раздела его евангелия: в начале книги Святой Дух приходит к Марии (Лк. 1:34), Елизавете (Лк. 1:41), Захарии (Лк. 1:67), Иоанну (Лк. 1:15, 80) и Симеону (Лк. 2:25, 26, 27). В начале служения, согласно Евангелию от Луки, Святой Дух нисходит на Иисуса «в телесном виде» во время крещения Христа (Лк. 3:22), после чего вводит Его в пустыню (Лк. 4:1) и выводит из нее (Лк. 4:14), подобно тому, как кто-нибудь вел бы вола; словами «Дух Господень на Мне» Иисус начинает Своё выступление в Назарете (Лк. 4:18). Похожим образом, когда Иисус начинает Свой путь в Иерусалим, мы читаем целый ряд таких упоминаний (Лк. 10:21; 11:13; 12:10, 12).

Иисус не просто Человек Духа, но и Тот, Кто крестит Святым Духом (Лк. 3:16). В отрывке из «Q», говорящем о необходимости просить, искать и стучаться, Матфей утверждает, что Бог даст детям Своим «даяния благие» (Мф. 7:11), тогда как Лука говорит, что Небесный Отец даст «Духа Святого просящим у Него» (Лк. 11:13). Это обещание повторяет и воскресший Иисус (Лк. 24:49), а потом оно исполняется в Книге Деяний апостолов (см. Деян. 2:1, 33),

где Лука ясно говорит, что Святой Дух является Духом Иисуса (Деян. 16:6-7). И, наконец, несмотря на то, что в евангелиях от Матфея и Марка «знамения и чудеса» относятся к лжемессиям (Мк. 13:22; Мф. 24:24), в Евангелии от Луки чудеса свидетельствуют об истинности Иисуса, обладающего силой Божьей: чудесный улов рыбы производит впечатление на Петра и побуждает его исповедаться в своей греховности, а затем последовать за Иисусом (Лк. 5:1-11). Если в Мф. 11:4 Иисус отвечает на вопрос Иоанна Крестителя о Своей истинности *словами*, описывающими Его чудеса, в Евангелии от Луки говорится о Его *делах*: «А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов» (Лк. 7:21). В Книге Деяний не только Иисус засвидетельствовал «вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него» (Деян. 2:22), но и апостолы постоянно совершают знамения и чудеса (Деян. 2:43; 4:30; 5:12; 6:8; 14:3; 15:12). Вол у Луки и в самом деле мощное творение, обладающее силой.

Радость и слава

«Радость, — писал Клайв Льюис, — это серьезный небесный труд». В Евангелии от Марка радость отсутствует начисто, поскольку его богословие — это богословие страдания и мрака; он использует слово *chara*, что означает «радость» или «удовлетворение», в притче о сеятеле при описании тех людей, которые слышат слово и «тотчас с радостью» принимают его, но потом «тотчас соблазняются», когда наступают трудности (Мк. 4:16-17), тогда как глагол *chario*, «радоваться», используется только применительно к священникам, когда Иуда предлагает им выдать Иисуса (Мк. 14:11) — не самые оптимистичные ссылки! Матфей также говорит о радости (например, Мф. 2:10; 5:12; 13:44; 28:8), но гораздо чаще в его евангелии речь идет о боли и горечи отделе-

ния от Израиля. Луке также хорошо известна тема боли, и он повествует о том, что Иисус чувствовал боль страдающих людей как Свою. Однако очень часто те люди, которые по мирским меркам живут бедно, имеют такую радость, которой не хватает богатым и властным. Я, конечно, могу ошибаться, поскольку не являюсь специалистом в области биологии, однако вол не производит на меня впечатление резвого животного. Но Иисус в изображении Луки полон радости!

Наверное, самой большой радостью в моей жизни было рождение моих детей. Лука подчеркивает атмосферу великой радости, когда повествует о рождении Иоанна и Иисуса: ангел обещает Захарии радость, когда у того родится сын (Лк. 1:14, исполнилось в Лк. 1:58), взывавший от радости в утробе Елисаветы (Лк. 1:41, 44 — *skirtao*, «прыгать от радости», в Новом Завете встречается только здесь и еще в Лк. 6:23). Радость перерастает в хвалу Богу у Захарии (Лк. 1:64, 68), Симеона (Лк. 2:28) и Анны (Лк. 2:38). Песнь хвалы Марии начинается со слов «возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем» (Лк. 1:47), а рождение Иисуса — это возвешение великой радости (Лк. 2:10). Ангелы и пастухи отвечают прославлением Бога (Лк. 2:13, 20, *aineo*, термин, который из всех евангелистов использовал только Лука).

Это чувство радости характеризует всю деятельность Иисуса и Его последователей: семьдесят(-два), вернулись с самостоятельного служения «с радостью» (Лк. 10:17), и по этой причине «возрадовался духом Иисус» (Лк. 10:21, встречается только у Луки). Если пастырь у Матфея находит пропавшую овцу, он просто «радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся» (Мф. 18:13); когда пастырь у Луки находит ее, он приглашает своих соседей на пир — «Порадуйтесь со мною» — и схожей радостью и торжеством заканчиваются следующие притчи, которые мы встречаем только в Евангелии от Луки: о потерянной монете (Лк. 15:9),

о блудном сыне (Лк. 15:24-25, 32). Лука так же, как К. С. Льюис, говорит о «радости на небесах» (Лк. 15:7, 10). В другом типичном окончании, когда евангелие начиналось с радости, оно им же и заканчивалось: только в Евангелии от Луки ученики «в радости велегласно [славили] Бога», когда Иисус въезжал в Иерусалим (Лк. 19:37). Встретившись с воскресшим Иисусом, ученики «от радости еще не верили и дивились» (Лк. 24:41), но потом они «пробывали всегда в храме, прославляя и благословляя [aíneo] Бога» (Лк. 24:53). Несмотря на все невзгоды и преследования, радость продолжала жить в них и в повествовании Книги Деяний (*chara/chairo*, Деян. 8:8; 12:14; 13:52; 15:3; 16:34), как и хвала Богу (*aíneo*, см. Деян. 2:47; 3:8-9). Поэтому, вероятно, вол более радостный и резвый, чем мы привыкли думать!

Самоотверженная,
спасающая жертва

Страсти, Лк. 22 — 23

Когда в Евангелии от Луки мы читаем об аресте и казни Иисуса, Иисус предстает перед нами пассивным, как связанный лев у Марка и Учитель у Матфея, не ставший вызывать легионы ангелов. Причина такой ситуации кроется в Божьей воле: слово «должно» (*dei*) у Луки встречается семь раз (Лк. 9:22; 13:33; 17:25; 22:37; 24:7, 26, 44; для сравнения — в Евангелии от Марка только один раз, Мк. 8:31). Носитель тяжестей *должен* нести тяжести до конца; вол должен идти в Иерусалим, чтобы быть принесенным в жертву.

Если Матфей использует все повествование страстей от Марка, но излагает его в иной атмосфере, рассказ Луки отличается в деталях. Он опускает некоторые случаи: помазание Иисуса (Мк. 14:3-9, читайте вместо этого о грешной женщине с помазанием в Лк. 7:36-50); страдание Иисуса в Гефсиманском саду и сон Его учеников (Мк. 14:33-34, 38-42); бегст-

во учеников (Мк. 14:50-52), лжесвидетельство и первосвященники на допросе (Мк. 14:55-61); молчание Иисуса (Мк. 14:61; 15:4-5), насмешки воинов и прохожих (Мк. 15:16-20, 29-30); последний крик Иисуса (Мк. 15:34-35) и удивление Пилата (Мк. 15:44). Лука добавляет в материал повествование, взятое из своих собственных источников («L»), о которых мы еще будем говорить (Лк. 22:15-16, 24-38, 43-44; 23:6-16, 27-31, 34, 39-43, 46, 49). Кроме того, некоторые события отличаются своей последовательностью: Иисус предсказал предательство Иуды после хлебопреломления (Лк. 22:21-23), а отречение Петра — во время хлебопреломления (Лк. 22:33-34; ср. Мк. 14:29-31); отречение Петра и насмешки над Иисусом были до допроса (Лк. 22:66-71, а не после, как в Мк. 14:53-72). Все это делает страсти Христовы кульминацией различных сюжетных линий и тем Евангелия от Луки — об учениках, молитве, женщинах, изгоях общества — когда несущий тяжести вол становится жертвенным животным.

Мы уже увидели, как Лука построил свое евангелие по типу греко-римской биографии, в частности, написав классическое вступление, а также рассказав о рождении и детстве Иисуса. В таких биографиях часто представлена «прощальная речь» героя перед его смертью, которую герой произносит за столом с друзьями, и в которой часто можно прочесть предсказания о будущем, о его собственной смерти и о тех трудностях, которые ждут его друзей, о призывах к добродетели, о выборе преемника и о предостережениях в адрес самозванцев. Матфей в своем евангелии представляет такую тему прощания (Мф. 18; 23 — 25). Лука начинает с того, что Иисус возлежит за столом со Своими друзьями (Лк. 22:14), потом в ходе Евхаристии говорит об их дальнейшей жизни (Лк. 22:15-20), предупреждает их о предательстве (Лк. 22:21-23), разрешает спор учеников об их поведении после того, как Его не станет с ними (Лк. 22:24-30), утверждает Петра как Своего преемника,

призванного утверждать других людей (Лк. 22:31-34), предостерегает от насилия (Лк. 22:35-38). Эта прощальная речь показывает, как Иисус по-прежнему заботится о других, помогает им, дает наставления, как Он это делал и раньше. Подобную прощальную речь со многими схожими темами говорит и Павел в Книге Деяний (Деян. 20:17-35).

В Гефсиманском саду Иисус, Человек молитвы, призывает учеников молиться вместе с Ним (Лк. 22:40). В своем более позитивном описании учеников Иисуса Лука опускает упоминание Марком Петра, Иакова и Иоанна, а также упрек в адрес Петра; ученики просто уснули «от печали» (Лк. 22:41-46), и при этом не бросили Его, не убежали (как в Мк. 14:50). Появление ангелов при рождении Иисуса (Лк. 1:26; 2:9-15) уравнивается здесь ангелами, помогающими Ему встретить смерть, что подчеркивает Его человеческие муки (Лк. 22:43-44; поскольку половина древних манускриптов не содержит этих текстов, современные толкователи расходятся во мнениях о подлинности данного повествования). Только Лука рассказывает о том, что Иисус исцелил ухо раба первосвященника; помогая смиренным в течение всего Своего служения, Он не собирался останавливаться даже в момент, когда Его схватили (Лк. 22:51).

Для более широкой языческой аудитории Лука подчеркивает невиновность Иисуса в результате самых разных допросов. Нет никаких лжесвидетельств, никаких обвинений в богохульстве со стороны первосвященников (Лк. 22:66-71, ср. Мк. 14:55-64). Иисус был признан невиновным — троекратно Пилатом (Лк. 23:4, 14, 22), Иродом (Лк. 23:15), приговоренным к казни разбойником (Лк. 23:40-41) и сотником (Лк. 23:47) — обо всем этом сказано только у Луки. Подобным образом Лука говорит и о невиновности руководителей церкви в Книге Деяний (например, Деян. 4:14, 21; 5:39; 16:37-39; 18:14-15; 22:25; 23:9; 26:31). Уделяя большое внимание исто-

рии и географии, Лука понимает, что Римская империя с ее юридической системой способствует тому, чтобы церковь жила и росла — и его языческие читатели должны понимать, что хотя Иисус и был распят, Он не был преступником.

В описании Луки Иисус умирает самой человеческой смертью; однако Он по-прежнему думает не о Себе и не о том, что Он оказался всеми брошенным (как в Мк. 15:34), о а тех, о ком Он всегда заботился: о низших, бедных, женщинах. В этом евангелии женщины прежде всех оплакивают Иисуса, когда Он идет на распятие; поскольку Он заботился о них и раньше, сейчас Он говорит им: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших». Как мы можем в этом многократно убедиться, посмотрев телевизионные новости, именно женщины и дети страдают больше остальных, когда наступают войны и города погружаются в разорения и хаос — и Иисус предвидел это, зная, какая судьба уготована Иерусалиму (Лк. 23:27-31). Во-вторых, он заботится об обычных людях, плотниках и воинах, которые, не ведая ни о чем, просто следуют порядку, установленному сильными мира сего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Хотя в некоторых древних манускриптах этот материал отсутствует, он полностью соответствует описанному Лукой характеру Иисуса, готового прощать таких падших людей, как грешницу (Лк. 7:47-50); Лука также показывает, как ученики следовали примеру Учителя, когда Стефан умер с подобной молитвой о прощении на устах (Деян. 7:60). В-третьих, только Лука говорит нам о прощении разбойника, распятого вместе с Иисусом; и здесь мы снова видим заботу Иисуса об изгоях общества (Лк. 23:39-43). Наконец, Иисус вопиет громким голосом — но не в отчаянии: здесь Человек молитвы молится за других (Лк. 23:34), умирает с верой в Бога, как ребенок, говорящий иудейский вечерний пса-

лом: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46; см. Пс. 30:6).

Евангелие началось с гимна Марии о низложении сильных и вознесении смиренных (Лк. 1:52-53), а также пророчества Симеона о разделении в Израиле (Лк. 2:34). Так же оно и заканчивается: хотя, наряду с первосвященниками и лидерами, люди кричат «распи» (Лк. 23:13, 18), они все же следовали за Иисусом на распятие вместе с оплакивающими Его женщинами (Лк. 23:27); они стояли и смотрели в молчании (Лк. 23:35), а потом пошли домой, «бия себя в грудь» (Лк. 23:48). В этом евангелии прославление прежде всего — и теперь именно языческий сотник славит Бога (Лк. 23:47). Ученики не бросили Христа, а наблюдали вместе с женщинами «вдали» (Лк. 23:49). Богатые и властные были в этом евангелии противниками, а первосвященники и старейшины задумали умертвить Иисуса (Лк. 19:47-48; 20:19; 22:2, 52, 66; см. также слова Клеопы в Лк. 24:20); и теперь насмехались именно правители и воины, а не прохожие (Лк. 23:35-37). Ироничность ситуации здесь видна в словах «других спасал; пусть спасет Себя Самого» (Лк. 23:35, 37, 39): в ходе всего евангелия Спаситель (Лк. 2:11, 30) заботился о других, не о Себе. Даже сейчас Носитель тяжестей пытается спасти женщин, воинов и распятого разбойника — но удел вола всегда был в том, чтобы носить тяжести других людей и приносить себя в Иерусалиме в жертву за других.

Он снова идет

Воскресение, Лк. 24

Хороший конец всякой истории связывает воедино многочисленные сюжетные линии; самым лучшим концом является тот, который открывает новые горизонты. Евангелие от Марка заканчивается пустой гробницей и отсутствием Иисуса; Евангелие от Матфея показывает сверхъестественные события и говорит о великом поручении Учителя истинному

Израилю на горе в Галилее, что также соединяло воедино темы автора. Лука больше внимания уделяет фактам: Иисус снова ходит и ест вместе с друзьями, и они пребывают в Иерусалиме в молитве и прославлении Бога в храме. Мы уподобили начало Евангелия от Луки увертюре; теперь его мотив в спокойном ритме подводит нас к финалу — но, подобно какому-нибудь популярному кинофильму, в нем есть и намек на какое-то потрясающее продолжение!

Женщины у пустой гробницы не оказываются в плену какой-либо загадки, как у Марка, и не было перед ними никакого землетрясения, как у Матфея (Лк. 24:1-11). Без всяких вопросов и безо всякого землетрясения, они просто нашли камень отваленным от входа — и двух мужчин в «одеждах блистающих» (Лк. 24:4); «одежды блистающие» до этого в последний раз упоминались в момент преображения, когда еще два человека, Моисей и Илия, говорили с Иисусом о Его «исходе», который Он совершит в Иерусалим (Лк. 9:29-31). Теперь, когда это произошло, вместо того чтобы идти обратно в Галилею (ср. Мк. 16:7; Мф. 28:7), что было невозможно для Луки, хорошо знающего географию, женщинам напомнили, что Иисус сказал, «когда был еще в Галилее» (Лк. 24:6), — о Божьей воле, согласно которой Ему надлежало пострадать, быть распятым и воскреснуть; здесь слово «должно» (*dei*) повторяется трижды (Лк. 24:7, 26, 44), означая осуществление трех предсказаний, связанных со страстями Христовыми (Лк. 9:22, 44; 18:31-33). И, наконец, Лука называет имена тех, кто пошел к гробнице. Это были Мария Магдалина и Иоанна, которая заботилась об Иисусе в Галилее (Лк. 24:10; см. Лк. 8:1-3); со своим типичным представлением о низком положении женщин, он указывает, что мужчины не поверили их словам, «показались им слова их пустыми» (Лк. 24:11)!

После женщин главная история, связанная в этом евангелии с воскресением, происходит с двумя учениками, которые в ином случае остались бы неизвестными; и здесь мы снова видим типичный интерес автора к простым людям (Лк. 24:13-35). Клеопа и его спутник (возможно, жена, если обратить внимание на то, как Лука строил пары людей — мужчина и женщина — в других историях?), судя по всему, не поверили словам женщин (Лк. 24:22-24). С обычной заботой, характерной для носителя тяжестей, Иисус замечает их печаль (Лк. 24:17) и позволяет им поделиться ею с Ним, присоединившись к ним в их пути — в этом еще один мотив Луки. Прелесть всей иронии этой ситуации заключается в том, что они рассказывают Иисусу все то, что с Ним же и произошло. Потом наступает Его очередь, и Он разъясняет им представления и перспективы терпеливого вола, «начав от Моисея, из всех пророков» (Лк. 24:27). Уроки истории переросли в географию, когда они достигли Еммауса, и Иисус намеревается идти дальше; как обычно в этом евангелии, когда Он общался с фарисеями, учениками и грешниками, Его приглашают на ужин, где Он, «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им» (Лк. 24:28-30). Отголосок хлебопреломления здесь виден совершенно отчетливо: они тут же узнали Его, но Он исчез из вида — и тогда они поторопились в Иерусалим, проделав семимильный путь, чтобы рассказать остальным ученикам о случившемся, «как Он был признан ими в преломлении хлеба» (Лк. 24:33, 35).

Финальный раздел сводит воедино все сюжетные линии: исчезнув после преломления хлеба, Иисус появился среди друзей и ел с ними рыбу (Лк. 24:41-42), что напоминает нам о Его первом чудесном улове, после которого за Ним пошли Его первые ученики, еще в Галилее (Лк. 5:1-11). Здесь мы видим радость (Лк. 24:41) и исполнение Божьей воли (Лк. 24:44); история и география начинают двигаться в другом направлении, когда далекое прошлое (Моис-

сей и пророки, Лк. 24:44) и недавние события (Его страдания и воскресение, Лк. 24:46) соединяются вместе для нового будущего, «начиная с Иерусалима» и продолжаясь «во всех народах» (Лк. 24:47). Вселенский Спаситель, Христос Господь (Лк. 2:11), теперь является откровением язычников, как воспевал о том Симеон (Лк. 2:32); Он трудится силой Святого Духа (Лк. 24:49), как о том пророчествовал Иоанн Креститель (Лк. 3:16). Как евангелие начиналось, так оно и заканчивается: «И возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:52-53).

И опять же, как в лучших историях, это не конец, а начало, намек на продолжение, ибо носитель тяжестей продолжает трудиться. Святой Дух — это Дух Иисуса (Деян. 16:6-7), и видение Лукой перспективы, а также его знания истории и географии отражены в служении Иисуса, осуществленного в деяниях апостолов, которые апостолы совершали в тех же местах, исцеляя больных, заботясь о бедных и страждущих и проповедуя то же самое учение о всеобщем спасении — о том, что есть Тот, Кто несет на Себе наши тяготы.

7. Св. Иоанн, Евангелие из Линдисфарн
фолио 209b.

Высоко парящий орел — Иисус в Евангелии от Иоанна

Орлы Гвайхир
и Остроглаз

*Символизм
и его значение*

Если Иисус в изображении Марка может быть увиден в льве Аслане из сказки Клайва Льюиса, то, вероятно, от Иисуса в изображении Иоанна есть что-то в другом персонаже «Хроник Нарнии»: орел Остроглаз может летать так высоко и видеть так четко, что способен обозревать, паря в воздухе, всю Нарнию, от разрушения великого города Кэр-Паравел на востоке, до короля Тириана, который прячется в равнине Фонарного Столба (*The Last Battle, Puffin/Penguin, 1956, pp. 83-85*). Имя у орла вполне удачное; биологи говорят нам, что пропорция размеров мозга орла к остроте зрения в семь раз лучше, чем у человека. Друг Льюиса, Дж. Р. Р. Толкиен, повторяет древние мифы о зрении орла: «Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве» (*The Hobbit, Unwin, 1966, p. 96*). Неудивительно, что Питер Джексон испытывал огромное наслаждение, анимируя свое удивительное создание, Гвайхира Повелителя Ветров и других гигантских орлов в своих фильмах «Властелин колец». Никто из тех, кто видел эти фильмы, не может усомниться в волшебстве и мощи этих удивительных птиц. В других произведениях Толкиена эти благородные создания часто представлены как символы провидения Илуватара, Бога Творца, всегда появляющиеся вовремя, чтобы спасти героев от неминуемой смерти.

Когда я учился в Израиле, в Палестинской пустыне мы часто наблюдали за тем, как эти красивые птицы непринужденно парят, устремляясь ввысь с воздушными потоками при помощи легких движений хвоста. Неудивительно, что древние культуры рассматривали их не просто как царей птиц, но как божественные символы, такие как ассирийский бог Ниниб, или Нинурта, которого изображали на пирамидах в виде крылатого существа. Ответ Господа Иову «из бури» отражает высоко парящую и далеко видящую природу: «По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?.. оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко» (Иов 39:27-29). Бог является истинным «Повелителем Ветров». Он даже уподобляет Себя орлу, говоря Моисею на горе Синай: «Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе» (Исх. 19:4). Господь обновляет нашу юность, «подобно орлу» (Пс. 102:5), чтобы те, кто уповает на Него, «подняли крылья, как орлы» (Ис. 40:31). Орел является также образом стремительной скорости (Пр. 23:5; Иер. 4:13; Пл.И. 4:19; Авв. 1:8). Будучи хищной птицей (Иов 9:26), орел может быть символом разрушения, даже Божьего осуждения (Вт. 28:49; Иер. 48:40; 49:22). Наконец, те четыре вещи, которые автор Книги Притчей считает трудными для постижения, включают и «пути орла на небе» (Пр. 30:18-19) — что должно служить нам утешением, когда мы стремимся понять высокое парение св. Иоанна или когда мы увидим, что его свет слишком ярок для наших глаз!

Работа древнего ирландского богослова Иоанна Скота Эриугены «Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна» еще известна как «Голос орла», по самым первым словам текста. Он использует образ орла для выражения евангелиста, «духовной птицы, быстро летящей и обладающей Божьим оком», превосходящим даже видение св. Павлом третьего неба, когда в своем прологе он стремился раскрыть тайну Троицы

и воплощения (*Voice*, 4 — 5). В нашей работе этот символ относится также к портрету: Иисус в изображении Иоанна является орлом, тогда как евангелист — провидцем, схваченным когтями орла и вознесенным ввысь Господом, парящим в вышине. Если другие евангелия подобны симфониям или операм, Иоанн подобен великому дирижеру, полностью поглощенному своей музыкой и делающему все для того, чтобы музыка, исполняемая возглавляемым им оркестром, была услышана публикой во всей своей красе.

**Взгляд с высоты
птичьего полета**

*Пролог и начало,
Ин. 1:1-51*

Чтоб читать, люди учат... алфавит, а вот петь начать лучше — с *до, ре, ми* («Мария и дети» из мюзикла «Звуки музыки»).

Древние биографии часто начинались не с рождения описываемого человека, а с его появления на общественной арене. Марк начинает рассказывать об Иисусе с Его крещения; Матфей утверждает, что общественная значимость Иисуса начинается с Его рождения и с визита языческих мудрецов, пришедших поклониться Ему. Лука начинает с еще более раннего события — чудесного зачатия и рождения Иоанна Крестителя, которому суждено было приготовить путь для Иисуса. Иоанн, однако, делает качественный скачок во времени. Недостаточно показать Иисуса в контексте чисто человеческого происхождения во времени, пространстве и генеалогии, поскольку Он существовал *до* начала времен: в начале Он был с Богом, и Он есть Бог (Ин. 1:1). Древний историк Дикеарх написал «Жизнь Эллады»; написанная Иоанном жизнь Иисуса — это не менее чем жизнь вселенной! Если в других евангелиях слово *cosmos* — «вселенная» — встречается всего несколько раз, в Евангелии от Иоанна мы видим его около

восьмидесяти раз. Его портрет Иисуса представлен во вселенских, космических масштабах.

В других евангелиях история Иисуса предстает перед нами в горизонтальных измерениях географии и истории Израиля; Иоанн привносит вертикаль — Иисус выше и вне всего этого. Его место — «с Богом», и Его время началось до начала всего сущего. Иоанн берет из греческой философии и восточной религии *дуалистическое* различие между миром «высшим» и миром «нижним», контраст между духовным и физическим — и этот контраст открывает Иисус, придя с небес в наш мир, чтобы спасти его. Иоанн вообще все в своем евангелии строит на контрастах — свет и тьма, истина и ложь, жизнь и смерть, любовь и ненависть, вера и неверие. Как и все хорошие дирижеры, он уже во вступительной части раскрывает ключевые темы. Слова «жизнь» и «свет» в Евангелии от Иоанна встречаются столько же, сколько в трех других евангелиях вместе взятых — и оба этих слова связаны с Ним (Ин. 1:4). Иоанн часто использует глаголы, выражающие знание, видение и веру, поэтому они представлены и в его прологе (Ин. 1:10, 12, 14, 18); подобным же образом и тема «свидетельства» начинается со свидетельства Иоанна Крестителя в Ин. 1:7-8). Слова «слава» и «истина» становятся частыми в этой истории после того, как они формируют кульминацию пролога (Ин. 1:14, 17).

Первый раздел древней биографии обычно отвечал на два вопроса, касающихся описываемого человека: кто этот человек и откуда он? Иоанн называет истинное имя Иисуса только в самом конце вступительной части, когда показывает Его превосходство даже перед Моисеем (Ин. 1:17). А до этого он использует титул, полный резонанса как в иудейской, так и в греческой культуре: Слово, *Logos*. Слово Господа в Ветхом Завете было чем-то живым и действенным (Ис. 55:11) от сотворения мира, когда Богу достаточно было сказать, чтобы то, что было в Его воле, испо-

лнилось («И сказал Бог: “Да будет...”», Быт. 1:3, 6, 9, 11, 14, 20, 24, 26), до рефрена пророков «и было ко мне слово Господне». В греческой философии *logos* считался логическим разумом, обитающим во Вселенной; помимо этого мужского принципа евреи ввели женскую личность премудрости Бога, которая была с Богом всегда, в том числе и при сотворении мира (Пр. 8:22-31; см. также литературу мудрости, в том числе и Книгу Премудрости Соломона, Прем. 7:22 — 10:21). В своем прологе Иоанн соединяет все эти образы. Он специально повторяет первые величественные слова Бытия «в начале», когда все «чрез Него начало быть» (Ин. 1:1, 3). Его повествование об Иисусе соединяет вместе темы творения и нового творения: Иисус есть Бог, и Он с самого начала с Богом.

И удивительно то, что все это является прологом к биографическому портрету Человека. Божье Слово, в котором свет и жизнь (Ин. 1:4), пришло в этот мир (Ин. 1:9). После парения в божественных высотах, над временем и пространством, пролог Евангелия от Иоанна внезапно летит вниз, чтобы подтвердить, что «Слово стало плотию, и обитало с нами» (Ин. 1:14). Такое заявление выглядит просто неординарным, особенно в контексте монотеистического иудаизма. Слова «обитало [*eskenosen*] с нами» могли подразумевать только то, что Бог обитал в шатре (*skene*) с израильтянами в пустыне (Исх. 25:8-9), и пророки хотели, чтобы Бог снова жил в Сионе (Иоиль 3:17; Зах. 2:10). Более того, в Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова Творец говорит Госпоже Премудрости, чтобы она расположила свой шатер в Иакове (Сир. 25:8-10). Бог явился Моисею в *шекине*, облаке Своей «славы» (Исх. 24:15); теперь этот божественный Орел обитает в личности Иисуса, «и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Слова *charis* и *aletheia* (благодать и истина) идентичны еврейским словам *chesed* и *'emet*, которые обозначают постоянные любовь и верность Бо-

га (например, Исх. 34:6). Все, что иудеи пережили и написали о мудрости Бога Творца, теперь представлено в Иисусе, говорит Иоанн. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18).

Более того, пролог представляет в общих чертах замысел последующего повествования. В Иисусе Бог пришел в Свой мир и к Своему народу, и ни мир, ни народ Его не признали. Те люди, которые приняли Его и поверили в Него, стали новыми «чадами Божиими» (Ин. 1:10-13). Следовательно, несмотря на божественные высоты и вселенские масштабы этого евангелия, основная сюжетная линия остается такой же: миссия Иисуса, как Он был отвергнут иудейскими руководителями и был принят учениками. Эти персонажи и их конфликт являются частью вселенского конфликта между светом и тьмой. Тьма, однако, не может Его ни понять, ни одолеть: греческое слово *katalambainein* в Ин. 1:5 имеет тот же смысл, как в английском и русском текстах: «и тьма не объяла его». Иоанн нигде не даст нам повода сомневаться в том, Кто является властителем истории.

Такой конфликт и разделение появляются тут же. Как и в других евангелиях, Иоанн начинает основное повествование с Иоанна Крестителя как гласа вопиющего в пустыне. Однако здесь есть существенные отличия: крещение Иисуса вовсе не описывается, а мы просто читаем то, что говорит о Нем Иоанн Креститель (Ин. 1:29-33). Вместо того чтобы крестить Иисуса (что могло бы подразумевать, что он стоит выше Иисуса), Иоанн Креститель открыто свидетельствует «иудеям» и фарисеям (Ин. 1:19, 24) о том, что Иисус стоит выше его (Ин. 1:27, 30), что Он есть «Агнец Божий» (Ин. 1:29, 36), «Сын Божий» (Ин. 1:34). Он даже отправляет собственных учеников к Иисусу, и те идут за Ним (Ин. 1:36-37). В то время как «иудеи» просто задают критикующие вопросы (Ин. 1:19-22, 25), несколько человек откликаются на призыв Иисуса «пойдите и увиди-

те... иди за Мною» (Ин. 1:39, 43, 46), и среди них был Симон, который теперь стал носить имя Петр (Ин. 1:42). Спустившись со вселенских высот, орел быстро набирает скорость, собирая несколько человек под свои крылья, тогда как остальные критикуют Его.

**«Пути орла
на небе»**

*Повествование, стиль
и структура Евангелия от Иоанна*

*Иоанн и синоптические евангелия,
источники и происхождение*

«Пути орла на небе» бывает трудно понять (Пр. 30:19), но многие читатели испытывают похожие трудности, когда они пытаются проследить изгибы и повороты, высоты и падения этого самого тонкого и пронизательного евангелиста. Еще во втором столетии от Р.Х. Климент Александрийский предположил, что Иоанн составил «духовное евангелие», полное богословских размышлений, в дополнение к «физическим фактам», содержащимся в синоптических евангелиях. Как мы уже увидели, у Марка, Матфея и Луки тоже представлено множество богословских размышлений, но Иоанн все равно отличается от них. В его евангелии так же изложено повествование о служении Иисуса, которое привело к конфликту с властями и последующим страстям, а также речи, истории и события, схожие с теми, которые мы читаем в синоптических евангелиях. Однако он пишет в ином стиле, излагает свои темы, использует свой собственный словарный запас, представляет иную хронологию (например, инцидент в храме происходит у Иоанна во второй главе, а не в конце, как в одиннадцатой главе Евангелия от Марка); нет никаких притчей и изгнаний бесов; Иисус много говорит о Себе и не говорит никаких притч о Царстве Божьем; многие хорошо известные персонажи и события мы находим только у Иоанна —

свадьба в Кане (Ин. 2:1-11), разговор с Никодимом (Ин. 3:1-21), встреча с самарянякой (Ин. 4:1-42), исцеление больного в Вифезде (Ин. 5:1-16), исцеление слепого в Силоаме (Ин. 9:1-41), воскрешение Лазаря (Ин. 11:5-44).

Веками толкователи Иоанна, полагая, что он знает остальные евангелия, приписывали эти дополнительные элементы его мистическому воображению. Однако в течение второй половины двадцатого столетия исследователи стали склоняться к тому, что Иоанн создавал свое евангелие независимо от других евангелистов (см. диаграмму источников на рис. 2). Он включает другие предания об Иисусе, которые хранились и развивались в церкви евангелиста, часто называемой «Иоанновская община». Исследователи выдвинули комплексные теории относительно развития этой группы; многие считают, что это евангелие само по себе, прежде чем обрести окончательную форму, претерпело несколько редакций. Однако в последние годы этот маятник качнулся от авторства, источников и гипотетической структуры общины, *стоящей за* текстом, к литературным вопросам, *стоящим перед* текстом. Приверженцы подобных подходов принимают текст таким, каким мы его знаем сейчас, независимо от того, как он формировался, и стремятся исследовать взаимоотношение между текстом и читателем, повествованием, замыслом и развитием сюжета, персонажами и конфликтом, стилем и структурой — как мы это делаем со всеми четырьмя портретами в евангелиях.

Структура

Всю структуру Евангелия от Иоанна можно разделить на две части — служение Иисуса и Его страсти. Первая часть, книга знамений, построена вокруг чудес Иисуса, или «знамений», как они здесь названы (например, Ин. 2:11; 4:54); она начинается со свидетельства Иоанна Крестителя (Ин. 1:19) и

Рис. 8. Структура Евангелия от Иоанна.

завершается упоминанием о крещении и о знамениях Иисуса в качестве обобщения (Ин. 10:42). Повествование о страстях — это книга славы, начинающаяся от тайной вечери (Ин. 13:1) и заканчивающаяся концом всего евангелия (Ин. 20:30-31). Хотя книга знамений заканчивается на Ин. 10:42, в дальнейшем мы читаем еще об одном знамении, воскрешении Лазаря (Ин. 11), за которым следует еще одно обобщение (Ин. 12:44-50) — из чего можно сделать вывод, что главы 11 и 12 образуют некую «интерлюдия» между двумя половинами, или, возможно, были внесены в евангелие при более поздней редакции. Похожим образом, несмотря на то, что евангелие достигает своей кульминации, в соответствии с замыслом автора, в стихах Ин. 20:30-31, в чудесном улове рыбы и завтраке со Христом (Ин. 21:1-23), как и в еще одном завершающем обобщении (Ин. 21:24-25), мы видим некий дополнительный материал, или более позднее добавление. Структуру всего евангелия можно изобразить в виде орла (см. рис. 8), где два основных раздела являются «крыльями», на которых он летает и которые разделены тонким телом материала интерлюдии, а приложения, удлиняющие крылья, — быть может, это перья?

Являются ли пролог, интерлюдия и дополнение более поздними добавлениями или же нет, мы сказать не можем; в нашем исследовании они лишь исполняют роль начала, середины и конца, выстроенных вокруг двух основных разделов: служения и страстей Иисуса.

Время

У Марка время всегда одно, «сейчас»; действие его евангелия занимает всего несколько недель. Хотя Лука излагает свое повествование в более широком контексте истории, Иисус все равно отправляется в Иерусалим на ту же пасху, во время которой Он умирает, и во всех трех синоптических евангелиях временные рамки охватывают лишь один год. То, что в действительности Иисус нес служение на земле три года, мы видим только в Евангелии от Иоанна. Как и всякий благочестивый иудей, Иисус Иоанна регулярно ходит в Иерусалим, в том числе и на *три* пасхи: первое Его посещение было после свадьбы в Кане, и в это время произошел инцидент в храме (Ин. 2:13, 23); второе посещение имело место в то время, когда Он накормил пять тысяч людей (Ин. 6:4); а третье постоянно упоминается в повествовании о страстях (Ин. 11:55; 12:1; 13:1; 18:28, 39; 19:14). Лука поместил Иисуса «в середине времени», между прошлой историей Израиля и будущим периодом церкви. Иоанн также оглядывается на историю Израиля, упоминая о Моисее (Ин. 1:17; 5:46; 6:32; 7:19-23), Иакове (Ин. 4:12), Аврааме (Ин. 8:32-58), и указывает на будущую церковь (Ин. 17:20-21; 21:23-24). Однако его космический масштаб простирается от периода до начала времени, «начала» (Ин. 1:1) и до конца времени, до «последнего дня» (Ин. 6:35-39; 11:24; 12:48).

Время для автора играет важную роль: такие маленькие слова, как «сейчас», «уже», «только что» встречаются повсеместно. Всюду упоминаются та-

кие понятия, как «день» и «час»: от Каны, когда «еще не пришел час Мой» (Ин. 2:4; см. также Ин. 7:30 и Ин. 8:20), до страстей Христовых, когда этот час, в конце концов, настал (Ин. 12:23, 27; 13:1; 17:1). Литературные критики делают разницу между «повествовательным временем», временем, используемым для того, чтобы рассказать историю, и «временем истории», то есть временными рамками при раскрытии истории. «Повествовательное время» Евангелия от Иоанна начинается со стремительного скачка (более стремительного, чем любой орел!), когда мы переходим от «начала», бывшего до начала времени, к появлению Иисуса в восемнадцати стихах пролога (Ин. 1:1-18). Затем время движется не так быстро, поскольку три с половиной главы (Ин. 2:13 — 6:4) повествуют о периоде в один год. Следующий год протекает в евангелии еще медленнее, потому что занимает шесть глав (Ин. 6:4 — 11:55). А потом время вообще замедляется, поскольку девять глав повествуют о событиях одной недели, от момента «за шесть дней до Пасхи» (Ин. 12:1) до дня после пасхи (Ин. 20:1). Это как если бы мы смотрели видеофильм, прокручивая его начальные сцены в режиме быстрой перемотки, а потом изучали его кульминацию в режиме замедленного воспроизведения, чтобы не пропустить ни одной сцены. Автор ясно показывает нам, какие события в евангелии самые главные и когда они происходят.

«Время истории» раскрывает нам устойчивую последовательность событий повествования, при котором изредка идет «откат назад»: так, тексты Ин. 7:50 и Ин. 19:39 напоминают нам о ночном визите Никодима, о котором шла речь в Ин. 3:2, тогда как Ин. 18:14 отсылает нас к пророчеству Каиафы (Ин. 11:49-52). Есть также и «скачок в будущее», которое еще не произошло в повествовании, но о котором уже знают и автор, и читатели: так, «Иоанн еще не был заключен в темницу» (Ин. 3:24); Мария, «которая помазала Господа» (обратите внимание на про-

шедшее время!) в более позднее время (Ин. 11:2), о самом же этом событии мы читаем в Ин. 12:3. Есть также временные рамки, имеющие отношение к будущим годам. Иоанн указывает на те события, которые происходят вне временных рамок повествования, но до времени читателя: так, ученики вспоминают слова Иисуса о храме после Его воскресения (Ин. 2:22); Святого Духа «еще не было на них» (Ин. 7:39); слово о возлюбленном ученике «пронеслось... между братьями» (Ин. 21:23). Полет орла очень сложен — то вверх, то вниз, то вперед, то назад по воле ветров Духа — и мы должны быть внимательны к этому полету.

Стиль

Автор провел много времени, воспарив на этих ветрах в своих размышлениях, вырабатывая особый стиль, лексикон и образ мышления. Хотя пунктуация и кавычки в тексте появились только в средние века, «кто и что говорит» в древних манускриптах видно, как правило, только из стиля и контекста — но не в Евангелии от Иоанна. Из самого текста даже непонятно, кто произносит фразу, написанную едва ли не в самом известном стихе Писания, «Ибо так возлюбил Бог мир...» (Ин. 3:16); некоторые английские переводы приписывают ее Иисусу, поскольку эти слова выглядят логичным продолжением Его слов из текстов от Ин. 3:10 до Ин. 3:21, тогда как другие приходят к выводу, что Его слова заканчиваются на Ин. 3:15, а слова, записанные в Ин. 3:16-21, принадлежат автору евангелия. Переводы также разделяются относительно того, являются ли слова в Ин. 3:31-36 продолжением речи Иоанна Крестителя, или же это слова повествователя. Более того, в этом евангелии все говорят на одном языке, как автор, так и персонажи. Это ограничивает словарный запас книги, в которой ключевые слова повторяются снова и снова: любовь, истина, свет, тьма, жизнь,

мир, видеть, смотреть, знать, верить, иметь веру, посылать, пребывать, час, слава, отец, сын. Иоанн использует эти слова, которые редко встречаются в других евангелиях и которых в его евангелии больше, чем в остальных вместе взятых. Предложения в книге короткие, выстроенные по отношению друг к другу наподобие ступенек в лестнице. Часто повествование отступает в них назад, а потом снова продвигается вперед. Есть отрывки, построенные параллельно, другие же — в обратном порядке (*хиазм*); есть разделы, которые начинаются и заканчиваются одним и тем же мотивом, формируя при этом петлю или круг; если говорить о числах, то в евангелии мы видим семь знамений, семь речей и семь высказываний «Я есмь». Кто-то думал об этом снова и снова, в молитве, в рассуждениях, в обучении других людей.

Уровни

Этот простой стиль с постоянно повторяющимися словами придает Евангелию от Иоанна видимость простоты; но за рассуждениями кроется огромная глубина. Об этом евангелии часто говорят как о чем-то таком, по чему ребенок может пройти как по луже, но в чем слон может утонуть. Новообращенным с широко раскрытыми глазами можно спокойно дать читать это евангелие, но в его содержании столько мистического и спорного, что ученые спорят о нем уже не одно тысячелетие! Все это потому, что оно одновременно функционирует на нескольких уровнях. Когда, работая над данной книгой, я занимался исследовательской работой, мне довелось наблюдать на острове Ванкувер, как орел охотится за рыбой. С берега передо мной открывалась широкая водная гладь; паря высоко *над* водой, орел видит то, что находится *под* водой — после чего бросается вниз, в воду, а потом снова взлетает над водой, крепко держа добычу в когтях.

Когда мы начинаем замечать разницу между временем повествования, временем истории и собственным временем повествователя, мы также можем видеть уровень поверхности диалога во всех событиях, глубинный уровень его значения в контексте истории и еще более глубокий уровень общения автора с читателем. Во всем повествовании звучит призыв к читателю начать смотреть на все глазами орла и видеть (и ловить рыбу!) то, что скрыто под водой. Так, между Иисусом и другими людьми начинаются беседы на вполне человеческие и естественные темы, такие как рождение (Ин. 3:3), вода (Ин. 4:7), хлеб (Ин. 6:25) или зрение (Ин. 9:1), но за ними следуют непонимание и вопросы: Никодим не может снова войти в утробу матери (Ин. 3:4), женщина видит, что у Иисуса нет сосуда, чтобы набрать воды (Ин. 4:11-12), толпа хочет есть настоящий хлеб (Ин. 6:32-34) и не понимает, как можно есть плоть Иисуса (Ин. 6:52). Иисус призывает их видеть эти «земные вещи» сквозь «духовные реалии» (Ин. 3:12), тогда как на более глубоком уровне автор призывает читателей делать то же самое. Те же, кто не может видеть это с такой «орлиной высоты» (как фарисеи), остаются слепыми (Ин. 9:40).

Эти «непонимания» играют у Иоанна важную роль. Настоящие хлеб и вода, рождение и зрение человека являются *символами* более глубоких духовных реалий; то, что является непонятным «на поверхности», служит намеком, помогающим читателю понять *иронию* этого евангелия, в то время как персонажи повествования так и не могут понять настоящее значение того, что говорится или делается. Так, Иисус говорит о «вознесении» (Ин. 3:14; 8:28; 12:32); и на первый взгляд может показаться, что речь идет о прославляющем вознесении, когда толпа несет на руках своего героя, кумира — и эта толпа спрашивает, что Он имеет в виду (Ин. 12:34). Читатель знает, что ирония предполагает вознесение человека на ужасном орудии смерти — на кресте.

Двойная ирония, раскрываемая автором, состоит в том, что часом, в который Иисус прославится (Ин. 12:23), являются страсти Христовы (Ин. 13:1); то, что на поверхности кажется нам ужасной казнью, на самом деле обернулось славным вознесением Сына, возвращающегося к Отцу. Каиафа цинично предпочитает, чтобы «один человек умер за людей», чем чтобы римляне уничтожили их всех (Ин. 11:50; 18:14); Иоанн указывает на иронию, согласно которой Иисус умирает не только за этот народ, но и вообще за всех тех, кто понимает, что Бог делает, и кто становится Его детьми (Ин. 11:51-52). Опять же, нас призывают подняться вместе с орлом и посмотреть на всю перспективу в целом.

Все это раскрывает нам длительные размышления на богословские темы — как самого Иоанна, так и его общины. Чтобы следовать «путям орла на небе», необходимо предельное внимание: этот путь полон изгибов и поворотов, непрерывных виражей, внезапных перемен скорости и рывков, переходящих к парению в поднебесье, движения во всех направлениях и на любых высотах, от вершин небесных до глубин, скрытых под поверхностью. Однако все это внимание и все эти размышления сосредоточены на одном — на личности Иисуса. Итак, Кто Он такой и что Он для нас значит?

«Орел приземлился»?

Личность Иисуса

Первые люди, высадившиеся на Луне, назвали свой лунный модуль «Орел»; когда они коснулись поверхности Луны, первыми словами, которые они произнесли, были: «Орел приземлился». Эта фраза служит обобщением пролога Евангелия от Иоанна: Божье Слово оставило вселенские выси и пришло, чтобы жить среди нас — Орел приземлился. С этого момента Иисус практически всегда находится на авансцене. Даже когда Его нет, те, кто пребывает на сцене, обсуждают, Кто такой Иисус и что они соби-

раются с Ним сделать (Ин. 1:19-28; 3:25-26; 7:45-52; 10:19-21; 11:45-53, 55-57; 12:9-11; 20:24-25). Он доминирует в тексте, является субъектом большей части повествования, выступает с большинством речей. Он является главным персонажем — и вот именно тут нам надо быть осторожными. Описание главных героев является важным элементом современной литературной критики, особенно в изучении повествования. «Плоские» персонажи остаются без особого внимания, и им отводится роль карикатур или стереотипов, тогда как «яркие» персонажи тщательно выстраиваются посредством психологического анализа в рамках современной биографии или исследования внутренних чувств этого персонажа в современном произведении. Однако стандартным методом описания героев в греко-римской биографии, как и во всех древних повествованиях подобного рода, являются *косвенные* средства, в частности, описание великих дел или слов субъекта. Древних людей больше интересовал нравственный характер, а не психология личности, наглядный пример, а не индивидуальность. В евангелиях Иисус описан не прямым анализом, а с помощью истории о Его великих делах и словах, о Его чудесах и учении. Иоанн представляет нам дополнительную трудность описания человеческой жизни, служения и смерти Иисуса после великих высот пролога: способен ли орел вообще приземлиться?

Марк описывает Иисуса как зверя в действии посредством Его чудес; Матфей представляет своего Учителя в пяти больших проповедях. Иоанн сочетает слово и дело, чтобы выстроить первое великое «крыло» своего евангелия: первое знамение, превращение воды в вино в Кане, привело к тому, что Он «явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2:11); второе знамение привело к вере не только царедворца и его сына (который был исцелен), но и «весь дом его» (Ин. 4:53). Книга знамений заканчивается тем, что Иоанн Креститель не сделал никаких

знамений, но теперь многие поверили Иисусу (Ин. 10:41-42). Автор избрал эти дела и слова из «многих... других чудес», которые сотворил Иисус, чтобы читатель мог «уверовать, что Иисус есть Христос, Сын Божий» (см. Ин. 20:30-31).

Более того, в то время как Иисуса часто называют Учителем или Рабби (Ин. 1:38, 49; 13:13), Его учение не о Царстве Божьем, а о Нем Самом. Иоанн использует все свои литературные способности, чтобы посредством разных уровней, недопониманий и символов показать все это. Так, насыщение множества людей идет от поверхностного уровня обычного хлеба к более глубокому уровню -- к манне и Моисею и, в конечном счете, к личности Иисуса: «и мы уверовали и познали, что Ты -- Христос, Сын Бога живого» (Ин. 6:1-69). В типично иоанновском стиле исцеление слепого человека переходит от поверхностного уровня *физического* зрения к более глубокой теме *духовной* слепоты, или внутренней веры, зависящей от мнения об Иисусе. Фарисеи полностью уверены в том, что Иисус «грешник... не от Бога» (Ин. 9:16, 24) — и ироничность данной ситуации в том, что именно это и делает их слепыми (Ин. 9:39-41). Слепой человек, напротив, не просто обретает физическое зрение (Ин. 9:7), но и исповедуется в своем незнании Иисуса (Ин. 9:12, 25), просит о более глубоком видении и приходит к вере (Ин. 9:36-38). Иисус воскрешает Лазаря, чтобы Бог, Его Отец, и Он Сам как Сын Божий были прославлены (Ин. 11:4). Здесь мы видим типичное для Иоанна использование символизма и непонимания, когда путают сон и смерть (Ин. 11:11-13). Марфа не понимает уверенности Иисуса в том, что ее брат будет жить, принимая Его слова как относящиеся к «последнему дню» (Ин. 11:24). Сначала она приходит к вере в то, что Иисус есть «Христос, Сын Божий» (Ин. 11:27), а затем Иисус просит Бога ответить на Его молитву и воскрешает Лазаря так, чтобы толпа могла в это поверить (Ин. 11:42) — что она и делает, когда Лазарь выходит из

гробницы (Ин. 11:45)! Заканчивается эта история горькой иронией, которая заключается в том, что иудейские руководители замышляют убить Того, кто дарит жизнь (Ин. 11:46-53).

Сочетание знамений и учений дает косвенную характеристику Иисуса. Иоанн строит свое повествование на символизме с прямыми утверждениями: «Я есмь... хлеб жизни» (Ин. 6:35, 41, 51), «свет миру» (Ин. 8:12; 9:5), «воскресение и жизнь» (Ин. 11:25); а также «дверь овцам» (Ин. 10:7, 9), «пастырь добрый» (Ин. 10:11, 14), «путь и истина, и жизнь» (Ин. 14:6) и «истинная виноградная лоза» (Ин. 15:1, 5), что приводит нас к неизбежному числу семь. Эти выражения «Я есмь» — это не просто символы личности Иисуса: если мы заглянем под поверхность, то увидим во всех них богатое иудейское наследие. Хлеб и жизнь являются образами Закона и Мудрости (Сир. 16:3; Пс. 118:105); виноградная лоза является символом самого Израиля (Ис. 5:1-10; Иер. 2:21; Ос. 10:1), тогда как овцы и пастыри символизируют народ и его руководителей (Пс. 99:3; Иез. 34). Прилагая эти памятные образы к Иисусу, Иоанн показывает, что Иисус является кульминацией веры и истории Израиля. Слова «Я есмь» являются Божьим откровением Собственного имени перед Моисеем (Исх. 3:14), используются Исаией (Ис. 43:10, 13, 25); поэтому, когда Иисус говорит «Прежде нежели был Авраам, Я есмь», люди подняли камни, чтобы побить Его за богохульство (Ин. 8:58-59).

Дальнейшая прямая информация приходит к нам через титулы. Первоначальные размышления о том, является ли Иоанн Креститель «Христом», лаконично перенаправляются к Иисусу (с Ин. 1:20 до Ин. 1:41 и далее в Ин. 3:28-30). Самаряне узнают, что Иисус есть Христос (Ин. 4:25-26, 29, 42), а за этим следуют дальнейшие размышления иудеев (Ин. 7:26-27, 31, 41-42; 10:24). Это опасно, ибо всякий, кто исповедует Иисуса Мессией, будет «отлучен от синагоги» (Ин. 9:22; 12:42) — но Марфа не

боится отстаивать свою веру (Ин. 11:27). Вся цель Иоанна состоит в том, чтобы читатель мог поверить, что «Иисус есть Христос, Сын Божий», потому что такая вера несет людям жизнь (Ин. 20:30-31; 17:3). Если у Марка Иисус назван Сыном Божьим или Сыном восемь раз, у Луки десять раз, у Матфея пятнадцать раз, Иоанн называет Его так двадцать пять раз; в то же время Бог назван «Отцом» около ста раз. Иисуса называет Сыном не только автор книги (Ин. 1:14, 18; 3:16-18, 35-36; 20:30-31), но и Он Сам с радостью называет Себя так во время споров с иудеями и при изложении Своего учения (Ин. 5:19-26; 6:40; 8:36; 10:36; 11:4; 14:13; 17:1). Иудеи говорят Пилату, что «Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (Ин. 19:7). В самом деле, Иисус даже заходит так далеко, что утверждает «Я и Отец одно» (Ин. 10:30).

Созданная Иоанном картина начинается с высоко парящей перспективы пролога, но в ходе повествования Иисус никогда не теряет этого знания: Он прекрасно знает о том, что всегда существовал с Богом (Ин. 6:38, 62; 17:5); Он знает, Кто Его послал в этот мир и зачем Он пришел (Ин. 6:39), когда Его час еще не пришел (Ин. 2:4), и когда он придет (Ин. 12:23; 13:1; 17:1), что Он будет делать, когда человеческие силы будут на исходе (Ин. 6:6), откуда Он пришел и куда идет (Ин. 7:33; 8:14, 21; 13:3), как Он туда дойдет (Ин. 12:32-33) и где должны быть все Его последователи вместе с Ним во славе Его Отца, которая у Него была с самого начала (Ин. 17:5, 24; 20:17). Такое огромное знание и в самом деле является высоко парящим и всевидящим!

Так приземляется ли этот высоко парящий и всевидящий орел — является ли изображенный Иоанном Иисус настоящим человеком или же Он «парит» на высоте шести дюймов от земли? Мы должны вспомнить разницу между древними и современными характеристиками, о чем мы уже говорили ранее. Иисус не является ярким человеческим персо-

нажем в современном смысле. Однако, несмотря на понимание Своей божественной природы, Иисус Иоанна устает и испытывает жажду (Ин. 4:6-7), плачет о смерти друга (Ин. 11:35), скорбит и возмущается в связи с тем, что произошло (Ин. 11:33, 38). Даже спокойная уверенность повествования Иоанна о страстях достигается через возмущение души Иисуса в Ин. 12:27. И вот очень мучительный вопрос, заданный Человеком, Который был предан Своими друзьями: «Не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6:67). Такая характеристика, сделанная с помощью косвенных намеков, типична для древнего повествования, а амбивалентное напряжение между божественным и человеческим в Иисусе Иоанна схоже со смесью (стерео)типа и индивидуального характера в других греко-римских биографиях.

В отличие от Марка, здесь нет никакого секрета относительно личности Иисуса: она очевидна от пролога в начале книги до исповедания Фомы: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20:28). Если использовать иудейскую юридическую терминологию, многие *свидетели* «свидетельствуют» об Иисусе: Иоанн Креститель (Ин. 1:19, 34; 3:26-30); Тот, Кто свыше (Ин. 3:32-33); самарянка (Ин. 4:39); дела Иисуса (Ин. 5:36); Отец (Ин. 5:37); Писание (Ин. 5:39); Дух Истины (Ин. 15:26); ученики (Ин. 15:27); сам автор книги (Ин. 19:35; 21:24). Однако Иоанн снова прибегает к иронии и нескольким смысловым уровням: мы с самого начала знаем, Кто такой Иисус, и мы видим, как другие люди приходят к вере в течение этого повествования. К сожалению, многие до сих пор не принимают этого в силу своей слепоты неверия (Ин. 9:41; 10:24; 12:37). Первыми словами Иисуса являются «Что вам надобно?» (Ин. 1:38), и в другом конце книги Он повторяет этот вопрос в двух садах, сначала обращаясь к тем, кто пришел Его арестовать (Ин. 18:4, 7-8), а потом к Марии, плачущей возле пустой гробницы (Ин. 20:15). Многие люди «ищут Иисуса» (например, Ин. 6:24, 26; 11:56),

но Он предупреждает как иудеев, так и учеников, что они не найдут Его (Ин. 7:34; 8:21; 13:33). Наоборот, Сам Иисус находит — Филиппа (Ин. 1:43), человека у купальни (Ин. 5:14), слепого (Ин. 9:35), Лазаря (Ин. 11:17). В течение всего повествования Он приходит и уходит так, как Сам считает нужным, в зависимости от отношения людей: Иисус ищет и находит тех, кто верит в Него, тогда как те, кто «ищет убить Его», терпят разочарование (Ин. 5:18; 7:19-30; 8:37-40; 10:39).

Во «Властелине колец» Толкиена Гвайхир Повелитель Ветров, быстрейший из Великих Орлов, является божественным спасителем, который ищет и первым находит Гэндальфа в плену у Сарумана в Изенгарде (Unwin, 1969, p. 279); в фильме Джексона Гэндальф делает удивительный «скачок веры», когда прыгает с головокружительно высокой башни и оказывается на спине огромного орла, который увозит его в безопасное место. Когда Гэндальф снова оказался в смертельной опасности, именно орел нашел его и перенес для восстановления сил в Лориэн (p. 524). И, наконец, именно Гвайхир спасает Фродо и Сэма со склона тьмы и зла Роковой горы (pp. 985-987). Если орлы Толкиена являются служителями Бога, Иисус Иоанна — это не кто иной, как Сам Бог, спустившийся, подобно орлу, с высот небесных, чтобы спасти читателя от тьмы и зла, если только мы, обретя веру, дадим Ему возможность найти нас.

**Когти, обнаженные
для битвы**

*Книга знамений
и иудей, Ин. 2 — 12*

В книгах Толкиена Нуменор является землей, подобной Атлантиде и благословленной Илуватаром (Богом), которая поддается обману и обращается ко злу. Ее гибель вначале была возвещена облаками в виде орлов, а затем и самими орлами; почти никто там не покаялся, поэтому Илуватар уничтожает ее (*The Silmarillion*, Unwin, 1977, pp. 277-280). В Вет-

хом Завете орел был также символом осуждения. Орлы обладают когтями с очень крепкой хваткой, поэтому они могут выхватить себе добычу из стада животных; иноземный народ, призванный Богом наказать Израиль, «как орел налетит» (Вт. 28:49) — и этот образ относится к Самому Богу, Который придет на Суд (Иер. 48:40; 49:22). Созданный Иоанном портрет Иисуса не изобилует благодатью: и евангелия, и послания Иоанна несут раны болезненных конфликтов и не боятся нанести удары клювом или ранить когтями.

Если слово «иудеи» в синоптических евангелиях появляется несколько раз, Иоанн использует это слово около семидесяти раз, чаще всего в книге знамений и в интерлюдии, когда конфликт нарастает. Иудеи первыми обращаются с вопросами к Иоанну Крестителю (Ин. 1:19, 24), а потом Сам Иисус являет Свою власть в храме накануне «Пасхи Иудейской» (Ин. 2:13, 18-20). «Один из начальников Иудейских», Никодим, приходит к Иисусу, чтобы обратиться к Нему с вопросами (Ин. 3:1-2); позднее он защищает Иисуса, а в конце помогает в Его погребении (Ин. 7:50; 19:39). В разговоре с самарянкой Иисус явно показывает Себя иудеем и говорит, что «спасение от Иудеев» (Ин. 4:9, 22).

И тогда становится еще более удивительным то, что теперь именно «иудеи» оказываются врагами Иисуса. На «празднике Иудейском» (Ин. 5:1) они возмущаются действиями Иисуса, исцелившего человека в субботний день (Ин. 5:10, 15) и ищут способы уличить Иисуса и убить Его (Ин. 5:16, 18). После чудесного насыщения, во время еще одного «праздника Иудейского», второй пасхи (Ин. 6:4), иудеи ропщут на Иисуса (Ин. 6:41, 52), и некоторые люди перестают следовать за Ним (Ин. 6:66). На следующем «празднике Иудейском» (Ин. 7:2) конфликт разгорается еще сильнее, когда иудеи активно ищут, как схватить и убить Его (Ин. 7:1, 11, 25, 30, 32, 44-52). Реакция людей на Иисуса становится неод-

познающей: некоторые выступают в Его защиту (Ин. 7:12, 31, 40-41, 50-51), тогда как другие ничего о Нем не говорят, «боясь Иудеев» (Ин. 7:13). Это разделение продолжается до следующей главы, в которой говорится, что некоторые иудеи поверили в Него (Ин. 8:31), тогда как Иисус упрекает их, говоря: «ваш отец диавол» (Ин. 8:44); они отвечают подобным образом: «Ты Самарянин и... бес в Тебе» (Ин. 8:48) и пытаются побить Его камнями (Ин. 8:59). Исцеление слепого человека приносит разделение; если сам исцеленный поверил в Него (Ин. 9:38), его родители убоились иудеев (Ин. 9:22), а фарисеи, которые не поверили, сами стали слепыми (Ин. 9:18, 40-41). Книга знамений заканчивается тем, что «произошла между Иудеями распря» (Ин. 10:19); некоторые верят (Ин. 10:21, 42), тогда как другие думают, что Он обладает бесовской силой, и снова пытаются побить Его камнями (Ин. 10:20, 31-39).

Во время интерлюдии, перед страстями, последнее знамение приводит к окончательному разделению. Иисус идет воскрешать Лазаря, несмотря на предупреждение Его учеников о том, что «Иудеи искали побить [Его] камнями» (Ин. 11:8), а также на пессимистический комментарий Фомы: «пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11:16). Некоторые иудеи оплакивали вместе с Марией и Марфой утрату брата (Ин. 11:19) и потом видели, как горевал Сам Иисус (Ин. 11:36) и как произошло чудесное воскрешение; в результате «многие из Иудеев» поверили в Него (Ин. 11:45), тогда как первосвященники и фарисеи задумали Его убить (Ин. 11:46-53, 57). Въезд Иисуса в Иерусалим лишний раз подтверждает разделение: «многие из Иудеев» пришли увидеть Его и Лазаря и приветствовали Его (Ин. 12:9, 12-18), и даже некоторые представители власти поверили в Него (Ин. 12:42). В то же самое время, однако, первосвященники и фарисеи задумали убить Лазаря и Иисуса (Ин. 12:10-11, 19) и заставить народ замолчать под страхом отлучения от синагоги (Ин. 12:42). Во время

тайной вечери разделение представляется вполне очевидным: хотя Иисус и Его ученики все иудеи, «иудеи» теперь являются отдельной группой (Ин. 13:33); закон не «наш», а «их закон» (Ин. 15:25), и «они» будут «изгонять» учеников из синагог и убивать их (Ин. 16:2). Иудеи и первосвященники станут причиной страданий и смерти Иисуса (Ин. 18 — 19) и вынудят учеников скрываться за закрытыми дверями (Ин. 20:19).

Ирония такого нелицеприятного портрета «иудеев» в том, что само евангелие является исключительно иудейским. Конфликты происходят на иудейских праздниках, которые также являются символами, важными для Иоанна — хлеб пасхи (Ин. 6:4-14, 25-58) и вода праздника кущей (Ин. 7:2, 37-39). Иоанн начинает с инцидента в храме (Ин. 2:12-25), а не включает эту историю в конец книги, как это делают авторы синоптических евангелий; в отличие от синоптических евангелий, Иоанн показывает, что Иисус регулярно ходил в Иерусалим на праздники, как благочестивый иудей. Иудейское происхождение автора и читателей показано только посредством наличия еврейско-арамейского термина *Мессия* (Ин. 1:41; 4:25). Когда Иисус дает Симону имя «Камень», только Иоанн представляет нам арамейский аналог «Кифа», прежде чем привести греческий перевод «Петр» (Ин. 1:42; ср. Мф. 16:18). Мы видим много иудейских обычаев: водоносы для очищения (Ин. 2:6); отсутствие общения с самарянами (Ин. 4:9); количество свидетелей, требуемое по закону (Ин. 5:31-40; 8:17); пророчество первосвященника (Ин. 11:51); обычай бальзамирования и погребения (Ин. 19:39-40). Упоминаются великие герои — Авраам (Ин. 8:33), Исаак (Ин. 3:16), Иаков (Ин. 4:5, 12), Моисей и исход (Ин. 1:17; 3:14; 5:45-46; 6:31-58; 7:38) — а также цитаты пророков (например, Ин. 12:13-15, 37-40; 19:24, 28, 36-37). Под поверхностью Евангелия от Иоанна скрыты ветхозаветные идеи и темы, и в то же время ветхозаветные концеп-

ции о Мудрости и Слове Божьем, о Христе, Царе и Пророке включены в составленный Иоанном портрет Иисуса.

Как нам тогда объяснить этот антииудейский подход в таком евангелии? Сегодня некоторые церкви даже используют в своих представлениях о Страстной пятнице именно то описание этих событий, которое представлено в Евангелии от Иоанна с его описанием иудеев. Христианам следует знать болезненную правду об антиеврейских элементах в нашей истории, как и о том, что нацисты прикрывались евангелиями, обвиняя евреев в обладании бесовской силой (Ин. 8:44). В то же время Иоанн описывает Иисуса и Его учеников как иудеев, а также показывает других иудеев верующими людьми. Развитие фразы в этом евангелии отражает типичный для Иоанна прием: непонимание, переходящее в неверие, когда Иисус приносит разделение. Те люди, которые поверили в Него, становятся Его последователями — например, слепой (Ин. 9:38) или Марфа (Ин. 11:27), ученики (Ин. 1:41, 49; 2:11) и все те, кто приветствовал Иисуса в Иерусалиме (Ин. 12:9, 12-18). Те, кто не поверил в Него, становятся врагами, когда задавание вопросов (Ин. 1:19; 2:18) перерастает в непонимание (Ин. 6:30, 52; 8:27), которое, в свою очередь, приводит к слепоте и заговору с целью убийства (Ин. 9:40-41; 11:46-53). Божье Слово пришло в этом мир «к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11); после разделения среди иудеев новая группа людей стала называться для Него «Своими», поскольку они любили Иисуса до конца (Ин. 13:1). Поэтому важно помнить, что развитие повествования в Евангелии от Иоанна такое же, как и в других евангелиях: учения иудейского проповедника порождают конфликт, в результате которого власти, будучи врагами этого проповедника, предают Его смерти, а Его последователи формируют новое об-

щество, большинство членов которого — язычники и те, кто отделился от иудаизма.

Как мы уже видели ранее, вражда Матфея по отношению к фарисеям, несмотря на его несомненно иудейское происхождение, подразумевает, что миссия по отношению к иудеям осталась в печальном прошлом; его гнев отражает боль из-за отделения от синагоги, развившегося ближе к концу первого столетия. Иоанн, вероятно, рассуждает примерно так же: он один говорит об угрозе «отделения от синагоги» (*apodynamogon*) не менее трех раз (Ин. 9:22; 12:42; 16:2). Поскольку Иисус и Его ученики регулярно ходили в синагогу, даже в период, описанный в Книге Деяний, эти угрозы, вероятно, характерны для периода примерно *birkath ha-minim* в середине 80-х годов. Если Евангелие от Иоанна является продуктом многолетнего комплексного развития, в таком случае это обстоятельство объясняет иудейское происхождение, вражду, близкое знакомство и боль. Это евангелие отражает знание палестинского иудаизма до восстания 66 года от Р.Х., поэтому корни церкви Иоанна связаны с Иудеей времен земного служения Иисуса. После смерти Иисуса дальнейший конфликт приводит к тому, что автор может использовать термин «иудеи» для обозначения всех тех, кто не понимает, не верит и, в конечном счете, противится Богу во Христе. Разделение в этом повествовании ставит читателя перед выбором — либо присоединиться к общине веры в Иисуса, либо стать противником этой общины. Именно в этом конфликте оттачиваются клюв и когти орла — а послания Иоанна предполагают продолжение конфликта и раскола (см. 1 Ин. 2:18-19; 4:1-6). Евангелие от Иоанна не направлено *против* какой-либо расы или национальности; но, испытав боль и раны в ходе конфликта, оно призывает читателя сделать выбор в пользу Иисуса Мессии.

**Жизнь в тени
Его крыльев**

*Ученики и тайная
вечеря, Ин. 13 — 17*

Как и большинство животных, орел всегда готов вступить в конфликт, защищая своих детенышей, но тот же самый инстинкт побуждает его проявлять нежную заботу. В последней песне Моисея забота Бога об Израиле сравнивается с заботой орла, когда он «носится над птенцами своими... распростирает крылья свои» (Вт. 32:11), где вспоминается, как Бог призвал Моисея и весь Израиль на горе Синай: «Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях и принес вас к Себе» (Исх. 19:4). «Тень Его крыльев» для псалмопевца является местом убежища и укрытия (Пс. 16:8; 35:8; 56:2; 62:8; 90:1, 4). В то время как конфликт происходит с безымянными иудейскими лидерами, портрет *личностей* тех, кто верит в Иисуса, Иоанн вырисовывает очень четко. Споры проводятся с толпами (главы 6 — 8; 10), но реальный диалог проходит с отдельными людьми, которые, если бы не Иоанн, могли бы остаться неизвестными: Нафанаил (Ин. 1:45-51); Никодим (Ин. 3:1-10); самарянка (Ин. 4:7-26); человек возле купальни (Ин. 5:2-9, 14); женщина, застигнутая в прелюбодеянии (Ин. 8:9-11); слепой (Ин. 9:35-38); Марфа и Мария (Ин. 11:21-40) и Петр (Ин. 13:6-10; 21:15-22).

Иоанн использует термин «ученик» семьдесят два раза — это больше, чем в любом другом евангелии, — но, как и у Луки, у него более широкий интерес: о «двенадцати» (учениках) речь идет редко (Ин. 6:67-71; 20:24), а слово «апостолы» вообще нигде не появляется. Во-первых, разные ученики приведены другими людьми, а не призваны Самим Иисусом: Иоанн Креститель отправляет двух своих учеников к Иисусу (Ин. 1:35-37); один из них, Андрей, приводит своего брата, Симона Петра (Ин. 1:40-42). Филипп, из того же города, является единственным, кого призвал непосредственно Иисус (Ин. 1:43-44), а

он потом приводит к Иисусу Нафанаила (Ин. 1:45-47). Позднее Андрей приводит маленького мальчика с хлебами и рыбой (Ин. 6:8), тогда как Филиппи приводит греков к Андрею, а потом они оба идут говорить с Иисусом (Ин. 12:22). Ученики быстро понимают, Кто есть Иисус: Андрей переходит от обращения «Равви» к обращению «Мессия» (Ин. 1:38, 41), Филиппи смотрит на Него как на исполнение закона и пророков (Ин. 1:45), а Нафанаил быстро переходит от региональной неприязни — «из Назарета может ли быть что доброе?» — к обращению «Сын Божий... Царь Израилев» (Ин. 1:46-49)! После того как Иисус явил Свою славу во время первого знамения в Кане, «уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2:11). Как и всякая группа учеников, они сопровождают Иисуса (Ин. 2:2; 3:22), называют Его «Равви» (Ин. 1:38; 4:31; 9:2; 11:8) и заботятся о Нем (Ин. 4:8, 31).

Природа ученичества является ключевой темой в спорах Иисуса с иудеями в центральных главах. Кризис возникает после насыщения пяти тысяч человек и споров о хлебе жизни: учение Иисуса о Его плоти и Его крови слишком «странно» для «многих из учеников Его» (Ин. 6:60). Повествователь грустно отмечает: «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин. 6:66). Все моментально приходит в равновесие, когда Иисус едко спрашивает «двенадцать»: «Не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6:67). Как в синоптических повествованиях о Кесарии Филипповой, так и здесь именно Петр подтверждает их веру в Иисуса как единственную веру, характерную для вечной жизни: «Господи... Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6:68). Позднее Иисус говорит «уверовавшим в Него иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики» (Ин. 8:31). Тем не менее, ученики в большинстве своем в центральном повествовании отсутствуют, в то время как конфликт нарастает (Ин. 5; 7 — 11; вкратце они упоминаются только в Ин. 9:2 и Ин. 11:7-16). Через конфликт с иудеями дол-

жен пройти только Иисус; Он пришел к «своим» (Ин. 1:11), и только когда они отвергли Его, ученики вышли на сцену как «Свои», которых Он возлюбил до конца (Ин. 13:1).

Если помнить о том, как часто Иоанн иллюстрирует непонимание и разные уровни смыслового значения, неудивительно, что, как и все остальные, ученики время от времени не понимают Иисуса. Только после воскресения они поняли Его слова о храме и «поверили» (Ин. 2:19-22). Когда они принесли Ему еды, он объяснил им, что исполнение Божьей воли для Него является пищей и питьем (Ин. 4:31-33). Те ученики, которые остались на поверхностном уровне понимания учения о питании Его плотью и кровью, находили Его учение слишком сложным и оставляли Его (Ин. 6:60, 66). Иисус объясняет Своим ученикам, что страдания не вызваны грехом, но даны для того, чтобы явить Божьи дела (Ин. 9:3); подобным образом Иисус ведет их от физического сна и смерти Лазаря к жизни и Божьей славе (Ин. 11:4, 11-15). Более глубокий смысл Его въезда в Иерусалим на осле они поймут только после Его воскресения (Ин. 12:16). Однако Иоанн никогда не переходит в этом непонимании к критике учеников, как Марк — совсем напротив. Если другие отворачиваются, ученики понимают, что идти им больше некуда, поэтому остаются верными Ему (Ин. 6:67-69). Они «пребывают в слове Его» (Ин. 8:31): даже если это означает неминуемую смерть, неверующий Фома по-прежнему призывает их идти с Ним (Ин. 11:16). Когда Иисус скрывается от иудеев, они остаются с Ним (Ин. 11:54). В конце книги знамений мы видим уже полное разделение: непонимание иудеев приводит к слепоте, противодействию и заговору с целью убить Иисуса, тогда как ученики верят, несмотря на свое непонимание, и готовы следовать за Ним повсюду, даже на смерть.

Это сочетание верного следования и разных уровней (не-)понимания лучше всего видно на примере

тайной вечери и прощальной проповеди (Ин. 13 — 17). Иоанн показывает их важность, замедляя свое повествование до предела: после того как книга знамений поведала нам о нескольких годах, сейчас несколько глав повествуют нам всего о двадцати четырех часах; Иоанн превращает эти главы в буквальном смысле в пир! Институт Евхаристии здесь опускается, вместо этого Иисус омывает Своим ученикам ноги в последней отчаянной попытке объяснить Свой глубокий смысл, подготовить их не просто к предательству, смерти и уходу, но и ко всей истории Церкви. Он постоянно говорит с ними *теперь* в качестве наставления *на будущее* (Ин. 13:19; 14:29; 15:11; 16:1, 4, 33). В последний раз Орел собирает Своих птенцов под сень Своих крыльев, очищает и ободряет их; завтра Он будет пронзен — и им придется улететь самим.

Тринадцатая глава служит нам контекстом для прощальной проповеди (Ин. 14 — 17), и в ней мы видим символы, непонимание и разные уровни. Автор начинает с того, что указывает читателю глубокий смысл: Иисус любит «Своих» окончательно, «до конца» (Ин. 13:1). Омовение ног является символом служения Иисуса (Ин. 13:8-10), а также примером полного любви служения для Его учеников, которому те должны следовать (Ин. 13:14-17) и который они теперь не понимают, «но уразумеют после» (Ин. 13:7). Они не понимают Его предупреждения о предательстве (Ин. 13:22), как и о Своем уходе (Ин. 13:33); сначала Петр (Ин. 13:36), а потом Фома (Ин. 14:5), Филипп (Ин. 14:8) и другой Иуда (Ин. 14:22) спрашивают, куда Он идет и что это значит. Обещание того, что они увидят Его снова, вызывает еще большее недоумение (Ин. 16:17-19). Когда они, в конце концов, говорят, что понимают Его, Он предупреждает их о том, что они вот-вот разбегутся, но при этом пытается дать им мир и укрепить их (Ин. 16:29-33) и после этого начинает молиться за них (Ин. 17).

По своему содержанию эта прощальная речь представляет собой серьезное размышление о единстве и любви между Иисусом и Его Отцом в Духе, которое актуально и для Его учеников. Как и в любом другом прощании, в нем есть последнее пожелание — чтобы они следовали Его примеру, показанному омовением ног: «любите друг друга как Я возлюбил вас» (Ин. 13:34-35; 15:12-17). Иисус и Его Отец едины посредством любви (Ин. 14:10-11, 20; 16:28), и посредством Духа они будут обитать в верующих людях, пребывающих в Них (Ин. 14:15-17, 23, 26; 15:1-11); Дух будет направлять их в истине (Ин. 15:26; 16:7-15). Хотя Он заранее предупреждает их о невзгодах и страданиях (Ин. 14:1, 27, 30; 15:18-25; 16:1-4, 20-22, 32), Иисус ободряет их Своим миром и обещанием безопасности под Его крыльями в будущем (Ин. 14:1-3, 18, 27; 15:18; 16:20-24, 33). Наконец, Он заканчивает серьезной молитвой, состоящей из трех частей: о том, чтобы Бог прославился в Нем (Ин. 17:1-5); о том, чтобы ученики были под защитой (Ин. 17:6-19), и о том, чтобы все те, кто поверит в Него, обрели ту славу, которую Отец дал Ему в самом начале (Ин. 17:20-26).

Два других персонажа на тайной вечере привлекают наше внимание. *Петр*, скорее всего, пришел к Иисусу благодаря своему брату, а не был призван Им непосредственно, и Иисус дал ему новое имя сразу же, а не после его исповедания (ср. Ин. 1:42 с Мф. 16:18). Как и в синоптических евангелиях, Петр говорит о своей вере в Иисуса (Ин. 6:68-69), и тот же самый нетерпеливый человек не понимает смысла омовения ног, сначала не давая Иисусу возможности проделать с ним такую процедуру — но затем хочет и весь омыться (Ин. 13:6-9)! Подобным образом он искренне клянется Иисусу в своей готовности последовать за Ним на смерть (Ин. 13:36-38), выхватывает свой меч в саду (Ин. 18:10), а потом, перед тем как пропел петух, отрекается от Иисуса (Ин. 18:17, 25, 27); хотя он был не первым, кто прибежал к гробни-

це, он первым вошел в нее (Ин. 20:6). Только Иоанн прослеживает всю историю духовного становления Петра, от его старой жизни, рыбной ловли, к заботе об овцах и агнцах Иисуса, что, в конце концов, привело к его мученической смерти, которая также была предсказана на тайной вечере (Ин. 21:1-19).

Хотя это связано с Петром, описанным в других евангелиях, здесь его затмевает *«один из учеников... которого любил Иисус»*. Он появляется только в книге славы как тот, кто «возлежал у груди Иисуса» на тайной вечере и которого Петр просил узнать о предателе (Ин. 13:23-26). Находясь у подножия креста, он был единственный из учеников свидетель распятия, и Иисус доверил его заботам Свою мать (Ин. 19:25-27, 35). Он раньше Петра бросился к гробнице, и он был первым, кто поверил (Ин. 20:2-8). Когда он ловил рыбу вместе с Петром, то первым узнал воскресшего Иисуса на берегу; Иисус говорит Петру, что судьба этого ученика — не его, Петра, дело (Ин. 21:20-23). Кроме того, у нас в тексте есть безымянный «другой ученик», который приводит Петра в дом первосвященника, с которым этот «другой ученик» был знаком; только Петр отрекается там от Иисуса (Ин. 18:15-17). Относительно личности этого таинственного ученика ведутся активные споры. Последние стихи евангелия вроде бы служат подтверждением мнения церковных лидеров о том, что он являлся авторитетным лицом, если не самим автором этой истории (Ин. 21:24-25). Поэтому под этим учеником традиционно подразумевали Иоанна, сына Зеведеева, который нигде в этом евангелии не назван по имени и о котором только упоминается в стихе Ин. 21:2. Если это евангелие в течение долгого времени подверглось нескольким изменениям, то, возможно, изначальным рассказчиком этой истории и был Иоанн, чье служение проповеди привело к существованию Церкви — но на основании данного текста мы об этом судить не можем.

Кто бы это ни был, но тот, кто «возлежал у груди Иисуса» играет роль идеального ученика, тогда как прощальная проповедь отражает идеальное ученичество (Ин. 14 — 17). Община Иоанна воспротивилась бы всякому предположению о том, что Петр стоит выше их любимого ученика, тогда как повествователь призывает нас ответить Иисусу так, как это делает он. Иудеи не смогли понять Иисуса и выступают против Него. Ученики иногда не понимают Его, но следуют за Ним. Петр делает опростраченные обещания веры, однако служит Ему. Этот безымянный ученик неизменно представлен во всех кульминационных событиях, и он любим Иисусом. Повествователь открывает слушателю свой символизм, тогда как автор знакомит читателя со своими уровнями значений, поэтому мы можем поставить и свое имя на место этого персонажа, став «одним из учеников, которого любит Иисус». Орел манит нас к Себе, поэтому есть еще место под сенью Его крыльев, чтобы мы могли приклонить наши головы к Его груди.

Час славы

Страсти, Ин. 18 -- 19

Вид орла, парящего в небе, всегда красив. Так и для Иоанна смерть Иисуса делает Его свободным от земли, чтобы Он мог вернуться к Своему Отцу на небеса; час Его страстей -- это и час Его славы. И в этом состоит самая большая ирония. Как всегда, повествование Иоанна идет на нескольких уровнях, и опять продолжается непонимание. На поверхностном уровне иудеи, враги Иисуса, подвергают Его аресту, допросам, пыткам, а потом мучительной смерти; для читателя, который видит не только поверхность, но и более глубокие уровни, пыткам и страданиям подвергается *наш мир*. Над Иисусом насмехаются, называя Его царем, но именно Его царская слава раскрывается на самом глубоком уровне -- Он является всем тем, кем Его называют, и даже еще больше.

Иисус у Марка становится все более бездеятельным, как лев, на которого надели намордник, чтобы заставить его замолчать, посмеяться над ним, а потом убить. Эта пассивность объясняется Матфеем (исполнение того, что написано в Писании, а также собственный выбор Иисуса) и Лукой (Божья воля). Однако орлов очень трудно удержать в неволе, и Иисус Иоанна полностью контролирует ситуацию даже во время Своих допросов, пыток и казни. Это повествование начинается с того, что Ему абсолютно все известно с высоты Его полета (Ин. 13:1-3), и Он сохраняет во всем инициативу. Единственным признаком Его борьбы являются слова о том, что Его душа «возмутилась» (Ин. 12:27). Иисус все держит под контролем, и Он Сам, по собственной воле, выбирает пожертвовать Своей жизнью (Ин. 10:18). Зная, что произойдет (Ин. 13:1-3), Он объясняет это все Своим ученикам в прощальной проповеди, в главах с 14 по 17. Он несет Свой крест Сам, и ни о каком Симоне Киренянине здесь речи не идет (Ин. 19:17), а Его страданиям здесь практически не уделено внимания. Напротив, Он продолжает все держать под контролем даже на кресте (Ин. 19:26-30). Во власти Иисуса находится все по ходу этого евангелия, и остается под контролем даже в момент Его смерти.

Эта история начинается в саду, в саду и закончится (Ин. 18:1; 19:41). Здесь не сказано, что это был именно Гефсиманский сад, как не указано и место Его молитвы; Иисус просто идет туда, где будет схвачен. Иуда приходит с воинами, «с фонарями и светильниками», что напоминает нам о том, что была ночь (Ин. 13:30; 18:3). Иуда не указывает на Иисуса; наоборот, поскольку у Иисуса все было под контролем, и Он все знал, Он Сам взял на Себя инициативу, первым задав вопрос: «Кого ищете?» (Ин. 18:4). Когда те ответили «Иисуса Назорея», Иисус сказал им «Это Я» (Ин. 18:5). И снова Иоанн смешивает здесь уровни повествования: в то время как *ego eimi* может означать «Я есть (этот человек)» или «это Я», дан-

ная фраза может относиться и к Божьему откровению, связанному со всеми другими «Я есмь» в данном евангелии. Тогда неудивительно, что воины, вместо того чтобы схватить Того, Кого они собирались схватить, в трепете пали ниц перед Божьим именем (Ин. 18:6). Иисус и здесь не упускает инициативу, и Сам говорит им, чтобы они схватили Его, а Своих учеников отпускает (Ин. 18:7-9). Только Иоанн говорит нам, что Петр в ярости выхватывает свой меч, и называет имя того раба, на которого он напал, — Малх (Ин. 18:10). Несмотря на то, что у Иисуса все было под контролем — или, быть может, именно в связи с этим — только Иоанн говорит о том, что Иисуса связали (Ин. 18:12). Эта попытка была сделана для того, чтобы связать орлу крылья — но мы знаем, что это просто смешно.

В ходе истории о допросе возникает несколько тем. Иисус назвал Себя Пастырем добрым, который кладет Свою жизнь за овец, в отличие от вора или грабителя. Он также назвал Себя дверью для овец, ведущую во двор или безопасное место (*aule*), охраняемое придверником (Ин. 10:1-11). Теперь Иуда, «вор» (Ин. 12:6), пришел в сад (Ин. 18:2), и овцы Иисуса разбежались. Иисуса увели в другой двор (*aule*), охраняемый придверницей (Ин. 18:15-16). В то время как Иисус на допросе отстаивает Свою идентичность — «это Я», — в том же самом дворе Петр не выдержал *своего* допроса и отрекся от Иисуса — «Нет» (Ин. 18:17, 25, 27). Иудеи, враги Иисуса, ответственны за смерть Иисуса после того, как решили отпустить «разбойника» Варавву (Ин. 18:40). В то время как Пилат несколько раз пытается спасти Иисуса, иудеи настаивают на Его крови (Ин. 18:31, 38; 19:4, 6, 12, 15). После многочисленных ссылок на истину в этом евангелии Пилат так и не знает ее, столкнувшись лицом к лицу с воплощенной Истиной (Ин. 18:38; ср. Ин. 14:6). Они говорят об истинном царстве (Ин. 18:33-39; 19:3, 15), когда Иисус говорит Пилату об истинной власти, исходящей

«свыше» (Ин. 18:36; 19:11). Ирония этой ситуации состоит в том, что Иисус, над Которым посмеялись, водрузив Ему на голову терновый венок и одев Его в багряницу (Ин. 19:2), в действительности является «Царем Иудейским», как Пилат и приказал написать на кресте на всех общеизвестных тогда языках (Ин. 19:19-22). Как Он и предсказывал, теперь Он «возносится» (Ин. 3:14; 12:32); если статус «Christus Rex» описывает Иисуса с венцом и в то же время прибитым ко кресту, Он правит с дерева.

Теперь Он исполняет Писание: Его одежда осталась целой (Ин. 19:24), поэтому исполнилось написанное в Пс. 21:19; однако крик об оставленности у Марка из этого же псалма не соответствует такой атмосфере. Когда я был в Палестинской пустыне, нам надо было выпивать не менее трех литров воды ежедневно — и примерно такое же количество рекомендуется даже для тех туристов, которые едут на греческие острова. Иисус висит среди этой средиземноморской жары и говорит: «Жажду» — тем самым исполняя Писание (Ин. 19:28; см. Пс. 68:22). Схожим образом то, что Его пронзили копьем, а не ломали Ему ноги, является исполнением закона о пасхальном агнце и других пророчеств (Ин. 19:36-37; см. Исх. 12:46; Чис. 9:12; Зах. 12:10). После всех «свидетельств» в этом евангелии возлюбленный ученик возлагает на себя заботу о Марии и является свидетелем того, что кровь и вода вытекают из пронзенной раны (Ин. 19:26-27, 34-35). Таким образом, нет никакой нужды в синоптическом сотнике; идеальный ученик до конца является верным свидетелем, и сейчас Он объясняет важность всего происходящего.

Нет в Евангелии от Иоанна и никакой мрачности. Это евангелие, которое активно использует дуализм света и тьмы с самого пролога, не нуждается в физическом затмении солнца. Когда Иуда покинул вечерю, «была ночь» (Ин. 13:30); но «кто ходит ночью, спотыкается» (Ин. 11:10), поэтому они несли факел-

лы, чтобы схватить Его (Ин. 18:3). Однако те, кто ходят во свете, понимают суть окончательной иронии: хотя последний возглас Иисуса, *tetelestai*, на поверхностном уровне мог означать, что все «кончено», в реальности теперь все «совершилось» (Ин. 19:30). Роман «Властелин колец» подходит к концу в ужасной тьме для Сэма и Фродо на Роковой горе, когда «путь закончился», и зло Кольца было окончательно уничтожено; наши герои в смятении перед лицом неминуемой смерти от дыма и огня, лавы и пепла. И в то же время это был момент спасения, когда «Гвайхир увидел их своими острыми, зоркими глазами», и три великих орла опустились, чтобы спасти их и вывезти их в страну исцеления (Unwin, 1969, pp. 983-987; и этот момент получил свое второе рождение в фильме Питера Джексона в конце кульминационной битвы, которая представлена в финале третьего фильма). Поэтому Орла Иоанна также невозможно связать, и Он величественно летит к свету, неся всем исцеление; все и всегда находилось в Его власти — и теперь все то, ради чего Он пришел, «совершилось».

**«Воскрес с исцелением
на своих крыльях»**

*Воскресение,
Ин. 20 — 21*

Орлы Толкиена показывают нам важный пример. В сражении со злым Барлогом на мосту Казад-Дума Гэндальф удивительным образом жертвует собой ради своих друзей и падает в смертельную бездну вместе со своим врагом — «тьма поглотила меня, и я оказался вне мысли и времени»; в конце концов, «Гвайхир Повелитель Ветров снова нашел меня», и этот великий орел возродил его для его друзей, оживил его и сделал даже еще более сильным, Гэндальфом Белым (*The Lord of the Rings*, Unwin, 1969, pp. 348-349, 524). Так и Иисус у Иоанна, продолжая по-прежнему контролировать все, пожертвовал Собой на кресте в борьбе со злом — чтобы потом снова

воскреснуть. В своем повествовании о смерти Иисуса Иоанн описывал все постепенно, раскрывая все детали шаг за шагом, пока мы не достигли подавляющего горя погребения в новой гробнице в расположенном поблизости саду (Ин. 19:41-42). История воскресения теперь должна восполнить эту пустоту и привести к кульминации и завершению всего повествования.

Описанное Иоанном воскресение не обладает ни загадочностью, как у Марка, ни сверхъестественными качествами, как у Матфея; Иисус так же держит все под контролем, как и во всем остальном евангелии. Он является, когда Он считает нужным — Марии в саду (Ин. 20:14), ученикам в запертой верхней комнате (Ин. 20:19), Фоме, чтобы развеять его сомнения (Ин. 20:26), и вновь ученикам, вернувшимся к своим старым делам, в частности к рыбной ловле (Ин. 21:4). Несмотря на то, что ученики от горя не могут видеть ничего, что лежит на поверхности, со Своей перспективы высокого полета Иисус может видеть в глубину, где есть рыба, как орлы, обитающие в районе Ванкувера, прекрасно видят рыбу, когда охотятся на нее (Ин. 21:6). Однако Он также видит на огромном расстоянии, какой смертью умрет Петр (Ин. 21:18-19) и что случится с Его любимым учеником (Ин. 21:22-23). В таких власти, знании и последовательности событий нет ничего нового, и это не результат воскресения; этими качествами Иисус обладал с самого начала, «в начале», как сказано в прологе. Сейчас эпилог повторяет и завершает все темы этого прекрасного рассказчика.

Псалмопевец радуется «в тени Его крыльев», но пророк предсказывает, что «Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал. 4:2). Как и во всем служении, описанном в книге знамений, так и сейчас, в воскресшей славе, Иисус несет исцеление всем нуждающимся: когда Мария плачет, Он шепчет ее имя и несет утешение (Ин. 20:11-17); к ученикам, оказавшимся в плену страха, Он приходит с миром и радо-

стью (Ин. 20:19-21); Фоме, пребывающему в сомнениях и неверии, Он предлагает Свои израненные руки и бок, чтобы у того не осталось никаких сомнений (Ин. 20:24-29). И, наконец, — это выглядит как отражение первых событий книги — Он подходит к Петру, болезненно переживающему свое тройное отречение, неся Ему тройное возрождение (Ин. 21:1-17). С первой и до последней главы мы видим один и тот же призыв — «следуй за Мной» (Ин. 1:43; 21:19, 22). В ходе всего евангелия Иисус называет Бога «Тем, Кто послал Меня»; сейчас Он дает им наставление, «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20:21). Подобно самарянке и слепому, даже сейчас те люди, которые чувствуют Его прикосновение, становятся Его свидетелями для других людей: в отличие от молчаливых и напуганных женщин у Марка, Мария тут же возвещает ученикам о Его воскресении (Ин. 20:17-18).

Образы видения и слепоты, света и тьмы, поисков и нахождения появляются во всем евангелии. Когда Гэндальф Белый неожиданно снова появляется перед своими друзьями среди деревьев и темных теней леса Фангорн, они не узнают его: «Можем мы узнать твое имя?» (*The Lord of the Rings, Unwin, 1969, p. 515*). Подобным образом и Мария едва может видеть из-за слез и считает на поверхностном уровне, что появившейся перед ней таинственной фигурой является садовник. Иисус повторяет Свои первые слова этого евангелия — «Кого ищешь?» (Ин. 20:15, ср. Ин. 1:38). Как и во многих других случаях, Он призывает нас к более глубокому уровню, чтобы мы могли понять, Кто Он есть на самом деле: «Пойдите и увидите» (Ин. 1:39, 46). Когда Мария слушается Иисуса и идет к ученикам, она говорит им: «Я видела Господа» (Ин. 20:18). «Увидев» Господа в запертой комнате, ученики исполняются радостью (Ин. 20:20). Фома отказывается верить, пока не «увидит» раны; когда же он увидел раны и поверил, Иисус благословляет «невидевших и уверовавших» (Ин.

20:24-29). Похожим образом ученики не узнали Незнакомца на берегу; и только когда они увидели чудесный улов рыбы в своих сетях, к ним пришло более глубокое осознание: «это Господь» (Ин. 21:7). В каждом случае видение приводит к осознанию того, что Иисус есть Господь, как в полной мере исповедался Фома: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28).

Для читателя, который обрел более высокую перспективу, эта истина известна с самого начала. То Слово, Которое было Бог в начале, теперь признается как Бог в конце. Полагаясь на силу своих крыльев, орел сделал полный круг. Его путь пролегал от высот пролога до глубин земли и обратно. Вся история показывает, как божественное вернулось к божественному, и Орел вернулся в Свое гнездо у груди Отца. И если, пытаясь проследить «пути орла в небесах», мы можем потратить на это всю ночь, но так ничего и не увидеть, то воскресший Иисус приходит к ученикам, чтобы исцелять, прощать и возрождать — и приглашать нас на завтрак, держа приготовленную для нас рыбу.

Рис. 9. Четыре евангелия, один Иисус.
Исалтирь из Вестминстерского аббатства,
около 1200 года.

...Один Иисус?

Эта книга началась с четырех портретов Черчилля — государственный деятель на конференции с союзниками, семейный человек за чашкой чая, военный человек с офицерами и командирами и уединившийся художник на отдыхе. Несмотря на элементы, характерные для всех этих портретов, такие как сигара, эти портреты очень разные, и все они передают свою особую историю — и в то же время на них изображен один и тот же человек. Мы также предположили, что евангелия являются формами древней биографии, субъектом которых стал Иисус; как таковые христологии этих евангелий — их разные изображения Иисуса — должны быть ключом к их толкованию. Поэтому четыре главных персонажа, изображенные на этих четырех портретах Иисуса, такие же разные, как и наши четыре изображения Черчилля: лев св. Марка, прыгающий с места на место, быстро перебегающий, загадочно рычащий и умирающий страшной смертью в полном одиночестве; человеческий лик Учителя Израиля у св. Матфея, говорящий длинные проповеди, отвергаемый, формирующий новую общину веры; терпеливый носитель тяжестей у св. Луки, заботящийся о людях, особенно об изгоях, до самой Своей жертвенной смерти и даже во время этой смерти, и высоко летающий, далеко видящий и все знающий орел св. Иоанна. Теперь, наконец, мы должны рассмотреть вопрос, который неизбежно возникает из всего сказанного здесь: какова связь между множеством и единством, между четырьмя евангелиями и одним Иисусом?

Четыре портрета или четыре Иисуса?

Первый вопрос, стоящий перед нами — существуют ли четыре евангелия и один Иисус, или четыре Иисуса. Существует ли какое-то единство между этими портретами? Как мы можем видеть их разнообразие и в то же время искать одну Личность, стоящую за ними? Четыре живых существа из Иезекииля и Откровения были добавлены к евангелистам отцами церкви и в кельтских евангелиях. *Келльская книга* обычно использует их для украшения своих таблиц канона — колонок глав и стихов, указывающих на параллельные или схожие тексты из других евангелий. Несмотря на такие перекрестные ссылки, эти таблицы все равно излагают четыре евангелия по отдельности, и художники изображают четыре символа отдельно в верхней части таблиц. Нет никакой тенденции соединить эти четыре фигуры в какое-то одно мифическое существо — так называемый «тетраморф» (что означает «четырёхликий»), который иногда появляется в средневековом искусстве. Соединение всех четырех в какую-то одну смесь напоминает «Диатессарон» Татиана, написанный во второй половине II века, — повествование, соединяющее вместе все четыре евангелия и не учитывающее при этом их различия.

Искушение построить одно «главное повествование» или использовать только одно евангелие во времена ранней церкви было очень сильным. Наличие четырех евангелий, четырех биографий Иисуса и, следовательно, четырех христологий представлялось большой проблемой. Такие нехристианские критики, как Цельс, Порфирий или Юлиан, не преминули указать на различия; само существование нескольких повествований предполагало, что ни одно из них не является совершенным. Это, вероятно, и является причиной того, почему Ириной предпринял в своей работе «Против ересей» (III.11.8-9) витие-

ватую попытку оправдать наличие четырех евангелий существованием четырех сторон света, четырех направлений ветра, четырех живых существ и четырех заветов. Вообще, непрерывные попытки оправдать и объяснить наличие нескольких евангелий предпринимались многими, от Оригена до Августина. Примечательно, что ранняя церковь столкнулась как со стремлением Татиана к гармонизации, так и с исключительным использованием одного евангелия (Евангелия от Луки) Маркионом, вместо того чтобы пользоваться отдельно четырьмя евангелиями в рамках канона Нового Завета.

Очевидно, что если сегодня мы просто соединим эти евангелия в некую единую гармонию или попытаемся свести их к одному общему знаменателю, это не будет способствовать ясному представлению тех портретов Иисуса, которые создавались евангелистами, как и тому их сохранению, о котором заботились отцы церкви. В первой главе этой книги мы уже говорили о том, что подобный подход столь же абсурден, как портрет Черчилля, изображающий его беседующим с Рузвельтом в домашней обстановке за чашкой чая и одетым наполовину в военную форму, наполовину в халат художника. В самом деле, каждой картиной необходимо восхищаться самой по себе, уделяя внимание ее содержанию и образности. Именно поэтому мы и пытались обрисовать каждый портрет по отдельности, используя при этом четыре символа, призванные направить нас в нашем чтении. Они существенно помогают нам запомнить их содержание, удерживая в уме общую картину каждого евангелия при чтении любой отдельной части. Отдельные отрывки евангелия всегда нужно читать в контексте его главной биографической цели — в частности, чтобы поведать историю конкретной персоны данным конкретным образом: «Что этот отрывок пытается рассказать о личности Иисуса? какой вклад он вносит в общую картину?»

как вся картина в целом помогает нам понять этот отрывок?»

Во-вторых, нам надо быть осторожными в том, чтобы не смешивать отдельные отрывки слишком бездумно — как это часто происходит во время служений прославления или размышлений в страстную пятницу. Мы увидели, что у Матфея были свои особенные литературные и богословские цели, когда он излагал историю о мудрецах, такие как царствование, поклонение и могущественные язычники, пришедшие к Иисусу; сходным образом, описанная Лукой сцена с пастухами раскрывает его тему Иисуса как носителя тяжестей самых неправых людей. И если мы соединим эти две группы воедино при описании яслей (чего мы не найдем ни в одном евангелии!), произойдет столкновение тем, и ни одну из них мы так и не поймем правильно. Похожим образом Марк описывает скорбь и одиночество Иисуса на кресте посредством Его единственного возгласа «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15:34); Иоанн, однако, подчеркивает Его триумфальный возглас: «Совершилось!» (Ин. 19:30). Оба этих возгласа представляют собой кульминацию портретов и богословий соответствующих евангелий. Мы не можем прочувствовать ужас первого или силу и власть второго, если в литургии бездумно смешиваем их вместе.

В-третьих, во многих церквях не обращают должного внимания на каждое евангелие в отдельности, чтобы оценить по достоинству их нюансы и богословие. В своих воскресных проповедях мы то и дело перескакиваем с одного евангелия на другое; однако если мы будем каждый раз читать по десять-двадцать стихов из разных евангелий, в умах людей так и не возникнет единой целостной картины. Интересно отметить, что когда я работал над этой книгой в США, то сначала просмотрел *Сборник церковных проповедей*. Его содержание рассчитано на трехлетний цикл, А, В и С, и все эти чтения рассчитаны на

использование *одного* синоптического евангелия в течение одного года — но при этом Евангелие от Иоанна используется для Пасхи и других христианских праздников. Такая концентрация дает возможность слушателям обрести представление о каждом портрете Иисуса в течение курса, длящегося год. Это служит подспорьем и для проповедников, помогая им работать с комментариями к евангелию и связывать свои проповеди воедино при подготовке к выступлению перед людьми. Поэтому я очень обрадовался, когда англиканская церковь также приняла это пособие для использования у себя. Но при этом я продолжаю верить в то, что нам нужно использовать каждое повествование о страстях Христовых из каждого евангелия в течение соответствующего года, а не обращаться каждый раз к варианту Иоанна — в действительности, портрет, составленный Иоанном, заслуживает отдельного года. Но поскольку большая часть христиан на планете использует этот трехлетний цикл, моя попытка убедить Генеральный Синод принять четвертый год заранее была обречена на неудачу!

Поэтому как сами евангелисты, так и ранняя церковь хотели сохранить четыре разных евангелия, каждое со своими собственными литературными и богословскими целями и со своими разными портретами Иисуса. И все это тем более удивительно, если учесть, что хотя евангелисты чувствовали себя свободными в том, чтобы менять повествование с целью составления своего портрета Иисуса, тем не менее, все четверо, по сути, рассказывают одну и ту же историю: служение Иисуса от Его крещения до Его смерти, повествование о Его великих делах и словах, исцелении и учении в Галилее и Иерусалиме. Люди реагировали на Него по-разному — одни поверили Иисусу и последовали за Ним, а другие стали Его врагами, — что образует в каждой евангелии схожие сюжетные линии. Конфликт возникает между Иисусом и религиозными руководителями Его дней,

что в конечном счете и приводит к формированию церкви, начало которой положили Его ученики. Иисус описывается языком хвалы как Христос, Господь, или Сын Божий. В конечном счете Он приходит в Иерусалим, где Его схватили иудейские правители, а римские власти отдали Его на распятие — и после этого происходит нечто необычное. Существуют четыре евангелия с четырьмя портретами, повествующие четыре версии одной истории об Иисусе.

От четырех евангелий снова к одному Иисусу

Это базовое единство общего повествования в рамках нескольких портретов ставит перед нами новые вопросы относительно связи между четырьмя образами и поиском исторического Иисуса: какова здесь связь между Самим Иисусом и этими портретами? Говорим ли мы здесь об *Иисусе Марка*, подразумевая, что это его собственное творение — или же мы говорим о *взгляде Марка на Иисуса*, подразумевая корни исторической личности, которые евангелист раскрыл каким-то определенным образом? *Отбирал* ли евангелист нужный материал из своих источников или же *создавал* этот материал сам? Какова связь между «его историей» и «историей как таковой» — и может ли «его история» быть истинной, если она не соответствует «истории с научной точки зрения»?

У Иоанна мы читаем, как Пилат спрашивает Иисуса: «Что есть истина?» (Ин. 18:38). Даже сегодня, когда в нашем распоряжении есть самая разнообразная техника, позволяющая снимать изображения, записывать звуки, расшифровывать многие тексты, по-прежнему среди академиков нет единого мнения относительно того, что есть истина. В СМИ по-прежнему спорят о том, в чем разница между полудокументальным и документальным фильмом, между художественным произведением и измышлением. Мы не должны переносить эти современные концеп-

ции на древние тексты, не рассмотрев при этом древние представления об истине и мифе, лжи и художественном вымысле. В современном сознании «миф» — это что-то сродни неправде, «сказке»; в древнем мире мифом считалось средство выражения какой-либо основополагающей истины, и порой такие мифы были куда правдивее простых фактов. Противоположностью истине является не художественный вымысел, а ложь и обман; иногда даже история как наука может стать орудием обмана, тогда как рассказанные или сочиненные кем-то истории могут нести людям истину. Этот вопрос истины и художественного вымысла в древнем мире весьма сложен, и говорить о нем здесь в деталях просто не имеет смысла. Но самое главное, что нам нужно помнить, состоит в том, что древние были больше заинтересованы в нравственной и философской ценности утверждений, а не в их логичности. Они больше смотрели на истину утверждения, а не на факты как таковые. Вопрос Пилата отражает то обстоятельство, что слова «истинный» и «истина» в Евангелии от Иоанна встречаются около 45 раз.

К сожалению, споры между так называемыми «консерваторами» и «либералами» относительно истинности часто проходят с использованием терминологии XXI века. Один студент как-то спросил меня: «Почему Иоанн всюду фабриковал материал об Иисусе, несмотря на то, что всюду выражал свою обеспокоенность “истиной”?» Однако негативная коннотация «сфабрикованности» носит исключительно современный характер. Давайте проиллюстрируем эту мысль, рассмотрев еще одну древнюю биографию, «Жизнеописание Юлия Агриколы», римского правителя Британии в период с 78 по 84 годы от Р.Х., написанную его зятем, историком Тацитом. Четверть всей книги посвящена последней битве между римлянами и бриттами на одной из возвышенностей где-то в Шотландии; Тацит не стремился снабдить нас фактами, касающимися даты или мес-

та этого решающего сражения. Вместо этого мы читаем две длинные речи, сказанные военачальниками противоборствующих сторон, воодушевлявшими своих воинов на битву. Если тесть Тацита мог рассказать ему об этой речи в своих воспоминаниях, речь Калгака, вождя каледонцев, была Тацитом явно «сфабрикована» (*Agricola* 30 — 32). И совсем уж маловероятно, чтобы какой-то древний бритт что-нибудь знал к тому времени хотя бы о половине того поведения римлян, которое описано у Тацита, даже если бы он и смог понять прекрасно сбалансированную латинскую риторику — но ни Тацит, ни его читатели даже и не думали вносить «сфабрикованные» в наше понимание материалы в эту работу. Сила кратких, сжатых комментариев, подобных «*solitudinem faciunt, pacem appellant*» («они [римляне] превращают все в пустыню и называют это миром», 30:5), заключается в истине, и в нравственном вызове, который Тацит бросал своим читателям, даже если Калгак такого никогда и не говорил. Для Тацита важна истина, а не такие «факты», как время и место сражения. Более того, эти слова остаются вполне актуальными и сегодня, поскольку бросают вызов для многих правительств и политиков в наши дни, когда мы сталкиваемся с такими явлениями, как экономическая глобализация и «миротворческие» операции. Используя современную военную технику, гораздо проще приносить людям пустыню, выжженную землю, а не справедливость и мир.

Если евангелия являются биографическими портретами Иисуса, тогда нам надо изучать другие древние биографии и их связь с описываемыми в них людьми. Подобно тому, как четыре евангелия подразумевают наличие не одного повествования об Иисусе, у нас есть целое множество биографий других людей древности, таких как философ Сократ или римский политик Катон. Древние писатели видели разницу между написанием истории (что в любом случае подразумевало существенный уровень толко-

вания) и *epistolium*, или «евлогией», написанной для того, чтобы восхвалять кого-нибудь, часто в ущерб реальным фактам. С точки зрения литературного жанра биографы находились между двумя этими крайностями. Они могли позволить себе толковать в большей степени, чем авторы исторических произведений, но при этом они не впадали в славословие *epistolium* или раннего романа; должно было существовать определенное соотношение повествования с исторической личностью. Это говорит о том, что у евангелистов могло быть пространство для маневра в создании своих портретов Иисуса: нам не следует искать здесь соблюдения современных исторических критериев, как и творческого начала у легенды или романа того времени.

К сожалению, в современных исследованиях часто звучит идея о том, что если в евангелиях есть элемент «художественного вымысла», то они не аутентичны и не достоверны. Однако более тщательное рассмотрение показывает, что никто не писал классическую биографию, представив при этом исключительно документальный исторический текст — скорее все биографы предпринимали попытку познать человека как можно лучше. Даже сегодня многие биографы вносят в свой труд элемент воображения. Таким образом, внимание Иоанна к «истине» связано не с «документальным фактом», а с «более высокой истиной» того, Кто есть Иисус — и именно поэтому он пишет в формате биографии. Для него Иисус — это «путь и истина и жизнь», поэтому Иисус и говорит такие слова (Ин. 14:6), подобно тому, как Калгак у Тацита обличает римский империализм или как Иисус у Матфея выступает с горы, словно второй Моисей. Спросить, действительно ли Иисус или Калгак говорили эти слова, значит совершенно не понять главного. Это не ложь и не художественный вымысел — это способы, которыми авторы пытаются донести до читателя истину об описываемом субъекте.

Этой толковательной функцией биографии пренебрегают некоторые современные критики, которые предпочитают «срезать» евангельские пласты в попытке реконструировать «исторического Иисуса». Однако лишить Калгака той речи, которую в его уста вложил Тацит, — значит утратить литературную ценность повествования и историческую значимость работы Тацита. При таком подходе мы рискуем совершить типичный редакторский просчет. Назвать собор в Экзетере «простой грудой камней», лишив их смысла и толкования тысячелетнего существования, или описать человека просто как «синтез фунта химических соединений с ведром воды» или же как «скопление эгоистичных генов» — это упустить из виду их важность. Эти утверждения истинны на самом низком уровне значений, но другие уровни значений уже нельзя так урезать. Если мы будем подходить к четырем евангелиям как к собранию притчей, с которых мы будем срезать определенные пласты, чтобы увидеть Иисуса «просто иудейским пророком», то мы тем самым рискуем не просто ничего не оставить в центре, но и утратить значимость их биографического жанра. Эти пласты толкования показывают то воздействие, которое эта *личность* оказывает на авторов.

Бесспорно, историческая реконструкция важна. Написанный в XIX веке труд «Поиск исторического Иисуса», так же как и появившийся в 1950 — 1960-х годах «Новый поиск», породили различные портреты Иисуса, некоторые из которых более убедительны, чем остальные. В недавнее время были предприняты повторные попытки поместить Иисуса в социальный и исторический контекст Его времени. Были такие — особенно из «Семинара Иисуса», — которые уподобили Его странствующему философу или кинику эллинистической школы. Еще более крупный консенсус, достигнутый в недавнее время среди исследователей, представляет Иисуса исключительно на фоне Его иудейского происхож-

дения, как эсхатологического пророка. Как и многие другие, Иисус в Своих учениях и проповедях делал сильный акцент на труде Бога — или, если перевести это более удачно, царствовании Бога; все притчи рассказывают о том, что происходит, когда человек признает *правление* Бога, а не какую-то территорию или место. Он проповедовал необходимость в покаянии, чтобы подготовить людей к царству/царствованию, но при этом подчеркивал Божью всепрощающую любовь и Его принятие всех грешников, и даже изгоев. Этот подход, примером которого может служить Его поступок в храме, привел Его к конфликту с религиозными властями, которые и предали Его римлянам на распятие, полагая, что на этом вся эта история и закончится, как это уже не раз происходило со многими разрушающими существующие устои пророками. К сожалению, на этот раз так не произошло; воодушевленные своей верой в то, что Бог воскресил Иисуса из мертвых, Его последователи быстро росли в численности — и, таким образом, мы переходим к истории ранних христианских общин и их последующего отделения от иудаизма.

Некоторые реконструкции Иисуса заканчиваются созданием некой выхолощенной фигуры, которая так органично вливается в иудейское наследие, что уже становится непонятным, зачем кому-то понадобилось приговаривать Его к распятию. Другие обращают внимание на важную роль, которую Иисус видел для Себя в приведении людей к Божьему Царству, или, как некоторые предпочитают это называть, к «Победе Бога», через Его служение и, более всего, через Его смерть. Это видение Бога настолько проникло во все Его учение и Его проповеди, что такой предельно богословский Иисус всегда будет требовать истолкования, так как Его смысл и предназначение важнее для «истины», чем факты сами по себе. Вместо того чтобы убирать целые «пласты» от евангелистов, нам нужно, чтобы они раскрыли нам

то воздействие, которое Иисус оказывал на людей. Кроме того, нам необходимо понять, почему Его последователи верили в то, что Он до сих пор жив. Мы нуждаемся в историческом «ядре», с которого мы можем начать, чтобы объяснить, что привело к созданию этих четырех необычайных портретов.

В Евангелии от Марка истинность Иисуса раскрывается с помощью сверхъестественных средств, демонов и голоса с небес, а в конце она подтверждается сотником, стоящим у подножия креста: «Истинно Человек Сей был Сын Божий» (Мк. 15:39). В Евангелии от Матфея это ведет к поклонению Иисусу: от мудрецов при Его рождении (Мф. 2:2, 11), через лодку с учениками, швыряемую волнами во время бури (Мф. 14:33), к новой общине на горе (Мф. 28:17). Лука делает существенный сдвиг от использования *ho kurios* для обозначения «Господь Бог» в первых главах евангелия, к тому, что эта фраза становится основной для Иисуса; каков есть Бог, таков есть и Иисус. Иоанн показывает это уже в прологе — «Слово было Бог» (Ин. 1:1) — и через исповедание Фомы — «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20:28). Все четверо согласны с тем, что Своими делами и словами Иисус действует и говорит как Бог. Он не просто пророк, и даже не человеческий посланник Царства Божьего; для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно поклонение — то поклонение, которое можно отдать только Самому Богу. Могут существовать четыре евангелия, но существует только один Иисус, и Он есть Бог, Который жил среди нас как человек.

От четырех евангелий — вперед, ко многим Иисусам

Многие толкования создают портрет субъекта по образу самого автора. Ириней прилагает четыре живых существа не только к самим евангелистам, но и к их портретам Иисуса: четыре символа являются «образами характера Сына Божьего», описывающи-

ми какое-то значение Иисуса — лев символизирует Его царскую власть, вол — Его жертву, человек. отображает Его приход в человеческом облике, а орел олицетворяет Его Дух (*Против ересей*, III.11.8-9). Как вы не можете иметь дело с историей без толкования, так вы не можете иметь дело с биографией без главного героя. Когда главный герой меняет жизнь автора, а автор пишет для того, чтобы изменить читателей, толкование автора, героя и читателя неизбежны. Когда автор верит, что субъект по-прежнему жив и вдохновляет его писательский труд, следует творческое развитие. Более того, в Иисусе из Назарета есть что-то неуловимое: согласно открытию авторов, когда вы только думаете о том, что пригвоздили Его или даже придавили Его сверху огромными камнями, Он, как правило, снова появляется в самых неожиданных местах!

Поэтому не стоит удивляться, если различные реконструкции исторического Иисуса на какое-то время входят в моду, а потом обретают все новые формы. Так было с христологией во все времена ее существования. Если «Диатессарон» Татиана поначалу был весьма популярен как единое повествование, во втором и третьем столетии уже появилось множество подобных произведений об Иисусе. Некоторые из них были схожи между собой по биографическому жанру, хотя то, что до нас дошло, носит слишком фрагментарный характер, и нам трудно судить о них (например, Евангелие от назарян, или Евангелие эбионитов). Другие, такие как Евангелие от Фомы, представляли собой лишь собрание поговорок и изречений, и в них не было повествования как такового. Были и такие авторы, которые пытались заполнить пробел во времени легендами о младенчестве и детстве Иисуса (с историями о том, как Иисус якобы делал глиняных птиц, и они у Него оживали и улетали) или заходили еще дальше и рассказывали истории о Марии (Протоевангелие Иакова). Эти две тенденции — либо сводить евангелия к одному пове-

ствованию, либо до предела размножить эти повествования — породили великие споры и разногласия, длившиеся в течение второго, третьего и четвертого столетий, когда церковь думала о новозаветном каноне и определении христологии, природе и личности Иисуса. С одной стороны, сохранение четырех евангелий в Новом Завете означало, что в рамках канона допускался плюрализм. С другой стороны, христологические дебаты ранних соборов проводились вокруг установления определенных пределов в представлении об Иисусе.

В конце концов, на Халкидонском соборе в 451 году от Р.Х. была составлена ортодоксальная христологическая формулировка, согласно которой Иисус является одной Личностью, обладающей двумя природами, человеческой и Божественной — что явилось попыткой соединить вместе оба элемента, о которых мы говорили в наших четырех портретах. Однако такое утверждение отражает движение церкви к греко-римскому миру; вместо скитающегося иудейского равви и пророческого посланника Божьего Царства Иисус теперь предстает в контексте греческой философии. Такое христологическое развитие неизбежно, по мере того как портреты Иисуса заново истолковываются и воплощаются в сменяющихся культурах. Последующие столетия породили еще большее разнообразие бесчисленных образов Иисуса. Ранние мозаики описывают Иисуса как юного, чисто выбритого, кудрявого пастыря, заботящегося о Своем народе. Представления о Нем меняются во времена правления Константина от идеи о беспомощном человеке, висящем на кресте, к концепции, что Он является первым правителем Римской империи, а затем и византийским «Пантократором», властителем вселенной. Художественное выражение тоже было весьма разнообразным, когда образ Иисуса, одетого в пурпурную тогу, сменился изображением длинноволосого и бородатого человека в

белой одежде, Который строгим взглядом смотрит на нас со средневековых фресок и икон.

Когда в XV и XVI веках наступил Ренессанс, Иисус стал «Универсальным Человеком», описанным с новым реализмом такими мастерами, как Микеланджело, Рафаэль и Эль Греко. Когда реформаторы переводили евангелия на общеупотребительные языки Европы, Лютер настаивал на том, чтобы религиозное искусство отражало человеческую природу Иисуса как зеркало вечного Бога; Иоганн Себастьян Бах подчеркнул эту тему в своих удивительных произведениях «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну», тогда как Альбрехт Дюрер использовал свое собственное лицо, изображая Иисуса (*Автопортрет*, примерно 1500 год). Не может быть более наглядной демонстрации толкования главного героя через образ автора. Век Просвещения привнес образ рационального Иисуса в представления людей XVII и XVIII веков; Дэвид Хьюм обошел вниманием чудеса, а такие ученые, как Реймарус и Лессинг, стали исследовать исторического Иисуса, чисто человеческого учителя, которого можно было бы сравнить с такими учителями, как Сократ. В последующем столетии жизнь Иисуса стали описывать в стиле романтического идеализма, в то время как Хольман Хант в своем «Свете Миру» (Keble College, Oxford, 1853) изображает бородатую фигуру, безутешно стучащую в закрытую дверь человеческой души и при этом умоляюще взирающую на владельца этой души. По мере того как по миру стало распространяться миссионерское движение, Иисус стал человеком всех культур, сидящим скрестив ноги в индийской одежде или пьющим чай со своими учениками в Китае.

В конечном счете либерализм XIX века стал представлять Иисуса как Освободителя. Слова Павла о том, что во Христе «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3:28), стали мотивирующей силой для различных движений: от отмены рабства до ру-

коположения женщин. От лютеранского пастора Дитриха Бонхёффера, погибшего за свое участие в покушении на Гитлера, до католических священников, которые боролись с репрессивными режимами в Южной Америке, важный вопрос состоял в том, может ли Освободитель прийти с оружием как средством достижения свободы; в то же время такие великие современные апостолы и сторонники ненасилия, как Ганди и Мартин Лютер Кинг, также считали Иисуса вдохновляющей силой. Картина Грэма Сазерленда «Распятие», написанная после Второй мировой войны, отождествляет Иисуса со страданиями этого мира, тогда как его великая шпалера «Христос во Славе», находящаяся в соборе Ковентри, отражает характерную для 1960-х годов уверенность и возвращает нас к Иисусу, Восседающему на престоле вселенной. Но у нас также был и нацистский Иисус, изображенный типичным голубоглазым арийцем, тогда как в поп-культуре, в рок-опере Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса «Иисус Христос — Суперзвезда» Мария Магдалина поет: «Он человек, Он всего лишь человек», — и при этом не может понять, почему Он так воздействует на нее. Впоследствии Иисус даже стал пророком богатого образа жизни в знаменитом толковании миссис Тэтчер для Генеральной Ассамблеи Церкви Шотландии притчи о добром самарянине, который смог купить частную медицинскую помощь израненному человеку! Опять же, многочисленные попытки Голливуда пересказать эту историю, начиная от «Жизни Брайана» (1979 год) Монти Пайтона до «Страстей Христовых» (2004 год) Мела Гибсона, как правило, вызывают крайне неоднозначную реакцию.

От четырех евангелий мы перешли к множеству разных Иисусов в богословии, в культуре, в вере и в искусстве. Самый последний вопрос неизбежно связан с толкованием: все ли эти портреты в одинаковой степени ценны? Может ли Иисус перевоплотиться в каждом поколении? Можем ли мы создавать и пере-

создавать Иисуса по своему собственному образу, выбирая христологию *a la carte* для этого потребительского общества? Или все же существуют какие-то пределы?

Плюрализм в определенных пределах

Если мы вернемся к нашему первоначальному сравнению с Черчиллем, то леди Черчилль определенно была убеждена в том, что относительно портретов ее мужа существуют пределы, хотя критерии этих пределов могут быть у каждого свои. Шпалеру Грэма Сазерленда с изображением Христа по-прежнему можно видеть в Ковентри, но его никому не известный портрет Черчилля она уничтожила, потому что он ей не понравился. С другой стороны, в Чартвелле по-прежнему хранится множество карикатур и пародий на Черчилля. Некоторые из них узнаваемы в своем стиле, но есть и такие, которые выходят за рамки этой традиции (в частности, рисунки нацистской пропаганды, где также используется что-то характерное для героя, — например, неизменная сигара), но они описывают образ, не связанный с историческими данными или с традициями других картин подобного рода. Следовательно, мы можем использовать эти два критерия — историческое свидетельство и развитие традиции — в оценке множественного характера толкования Черчилля.

У нас в Новом Завете есть четыре евангелия, а не одно. Это подразумевает плюрализм и разнообразие наших представлений об Иисусе. С другой стороны, есть только четыре, а не сорок четыре евангелия, и это говорит о том, что плюрализм здесь имеет свои пределы; другие портреты, такие как апокрифические и гностические евангелия, не были признаны в качестве канона Нового Завета. Ранняя церковь хотела сохранить четыре различных портрета Иисуса и в то же время установить границы для будущих портретов. Роберт Морган предложил рассматри-

вать такой плюрализм не как проблему, но как богословскую возможность и для историков, и для доктринальных реконструкций, а также как побудительный мотив для появления других «образов Иисуса», порожденных верой, при том что канонические евангелия выполняют «роль как стимула, так и контроля» в данном процессе (*Interpretation* 33.4, October 1979, p. 386). Поэтому мы должны противостоять таким типичным реакциям на плюрализм, которые известны еще со времен «Диатессарона» Татиана, а именно гармонизации в единое повествование или смешению; четыре евангелия несут функцию «стимула» для новых образов. В то же время они исполняют и роль «контроля» над этим процессом: Ириней предложил, чтобы их было *четыре*, не больше и не меньше. Даже если аргумент Ириней относительно четырех направлений ветра и четырех сторон света кажется нам неубедительным, канонический подход по-прежнему побуждает нас остановиться на числе четыре.

Некоторые высказали предположение, что четыре евангелия представляют четыре *источника*, учение четырех апостольских миссий: миссии Иакова в Евангелии от Матфея, Петра в Евангелии от Марка, Павла в Евангелии от Луки и Иоанна в Евангелии от Иоанна. Другие считают, что четыре евангелия написаны из расчета четырех видов *читателей* — Матфей писал для иудеев, Марк писал для римлян, Лука — для греков, а Иоанн — для церкви. Мое символическое прочтение четырех портретов предполагает, что плюрализм связан с наличием разных *темпераментов*: Учитель у Матфея будет интересен тем, кто интересуется законом и учением, кто хочет все для себя разъяснить и связать в одну последовательность; загадочный лев Марка может помочь тем, кто переживает мрак страданий; трудолюбивый вол Луки будет интересен для тех людей, кто трудится за свободу угнетенных; тогда как полет орла у Иоанна привлечет внимание мистиков. Четыре евангелия

можно даже связать с четырьмя функциями личности в психологии Юнга, используемыми в типологии Майерс-Бриггс: так, Евангелие от Матфея — это «мыслящее» евангелие, полное логики и порядка; Марк написал «чувственное» евангелие с ясным и наглядным непосредственным повествованием; Евангелие от Луки можно назвать «эмоциональным», поскольку в нем в первую очередь отражена забота об обремененных людях; Иоанн написал «интуитивное» евангелие, полное полета метафор и символов.

Таким образом, плюрализм четырех евангелий дает стимул для множества образов Иисуса, порожденных в течение более чем тысячи лет; они также могут помочь стимулировать новые образы Иисуса для нашего постмодернистского, даже пост-атеистического мира XXI века, наступившего после коллапса оптимистического научного гуманизма на Западе и коммунизма на Востоке. Но что можно сказать о пределах? Каким образом четыре евангелия «контролируют» эти картины? Интересно отметить, что число четыре соответствует количеству сторон игрального поля. Играют ли люди в европейский или американский футбол, регби или бейсбол, мяч должен оставаться в пределах поля, чтобы он был в игре; если же он оказывается вне поля, значит он в «ауте», и нужно произвести вбрасывание, чтобы мяч снова оказался в игре. Если же мяч уйдет за лицевую линию поля, это приносит бросавшему «шесть очков» в крикете или «хоум-ран» в бейсболе — и тогда все зрители встают и аплодируют; но мяч должен после этого вернуться на поле, чтобы игра продолжилась.

Именно так функционируют положения классического христианства, которые служат «барьерами» или границами. Учение о Троице не определяет природу Бога (ибо кто может Его описать?) настолько, насколько она определяет пределы ортодоксальности. Если вы выйдете за пределы «триединства», вы станете «тритеистом», и у вас будет три отдельных бога, что противоречит монотеистической традиции.

С другой стороны, если вы будете делать слишком сильное ударение на единственное число, то может получиться так, что у вас один Бог будет действовать в трех режимах, и это приведет к таким проблемам, как Отец, страдающий и умирающий на кресте, и не останется никого, чтобы править вселенной в Священную Субботу или нести воскресение в Пасхальное воскресенье! Подобным образом, классическое учение о воплощении не все говорит нам в позитивном ключе об Иисусе, но дает негативное испытание: если вы говорите, что Он только человек, или человеческий пророк, или, наоборот, что Он есть Бог, Который никогда не касался земли, тогда вы отступаете от христианской традиции.

Так могут ли четыре евангелия с разными христологиями, символизируемые этими живыми существами, дать определение «игровому полю» и помочь нам поместить на нем одного Иисуса и много портретов? Выбирая в христианской традиции *четыре* портрета вместо одного, первые отцы церкви способствовали тому, что каждое новое поколение порождало новые образы этой Личности. Выбирая *только* четыре, они тем самым очертили игровое поле, на котором будут играть те, кто хочет остаться в рамках традиции. Если мы сосредоточим свои силы на том, чтобы добежать до лицевой линии, возможно, путем блестящего изложения какого-то одного евангелия, люди могут встать и одарить нас своими аплодисментами — но игру нельзя будет продолжить до тех пор, пока мы не вернемся в середину поля. Где-то *между* этими четырьмя границами, бегая по полю, но не желая останавливаться, находится исторический Иисус, Чей характер стимулировал всю игру с самого начала. Многие другие портреты Иисуса в человеческой истории также играли свою роль и вносили собственный вклад в игру в рамках этих четырех повествований.

Однако некоторые образы вышли за рамки этих пределов; так, Иисус как империалист, часто экс-

портируемый вместе с западной колониальной экспансией, прямо противоречит текстам всех четырех евангелий, в которых подчеркивается, что Иисус всегда был среди бедных и угнетенных. Сходным образом, Иисус как вооруженный революционер или как арийский нацист не имеет ничего общего с представлением Библии об Иисусе, несущем мир всем народам и нациям, поэтому подобного рода толкования не имеют никакой основы. Некоторые современные попытки представить Иисуса как Божественного Духа не принимают во внимание Его *человеческую природу*, описанную во всех четырех евангелиях. В равной степени и попытки представить Его как просто человека-пророка, как это делается в Коране или в иудейской традиции, или же в некоторых современных научных изысканиях, упускают из внимания то *поклонение*, которое воздавалось Ему в тексте евангелий. Ранняя церковь, возможно, вывела халкидонское определение одного Иисуса, обладающего двумя природами, в контексте греческой философии, но это была попытка удержаться в рамках игрового поля, остаться верными портретам, представленным в евангелиях. Докетические христологии, согласно которым Иисус был божественной Личностью, Которая только *выглядела* как человек (от греческого слова *dokein*, «выглядеть»), были за пределами поля с одной стороны; адопцианская христология, согласно которой Иисус был человеком-пророком, усыновленным Богом во время крещения, выходит за пределы текста в противоположном направлении. Оба толкования лежат в основе многих современных представлений об Иисусе; какими бы они ни были ценными сами по себе, они находятся за рамками тех правил, которые очерчены четырьмя евангелиями, за рамками христианской традиции. Таким образом, принцип «четыре евангелия, один Иисус» может служить плюрализмом и пределами, стимулом и контролем.

Биография, вера и поклонение

Эта книга была своего рода попыткой символического прочтения евангелий как биографий Иисуса. Биография является формой рассказа, где люди изображаются как личности именно посредством рассказов и историй, которые приносят в толкование мнение общества или общины. Во всяком общении неизбежно возникает треугольник отношений: автор, текст и читатель — или рассказчик, история и слушатели. Семьи дают себе определение по старым историям их отдельных членов, рассказанным на семейных собраниях; общественные группы знают свои истории благодаря свидетельствам своих членов. Двумя великими историями церкви являются Сотворение и Воплощение. Биография — это идеальный литературный жанр, ибо она создает значение и смысл, воплощая это в человеческой жизни. Иудейско-христианская традиция всегда имела сильное материалистическое измерение, корнями своими связанное с учением о Сотворении. Этот позитивный подход позволил ранним христианским писателям и общинам создать собственный жанр классической биографии, чтобы выразить свое представление об Иисусе из Назарета. Другие религиозные группы или философские школы определяли собственную идентичность, рассказывая истории о своем Основателе. Однако для первых христиан воскресение вносило в жизнь людей удивительные перемены — потому что герой истории был не умершим основателем, а живым присутствием среди них здесь и сейчас, и Он вдохновлял на написание, на сотворение истории посредством Своего Святого Духа. Бог стал реальным, жил на земле в Личности по имени Иисус — воплотился, как стало принято выражаться в более поздние времена. И вот теперь Иисуса надо пересказать в этой земной истории, и эта

история потом воплотилась в повествовании — в богословии, воплощенном в биографии.

Изучая евангелия, как в рамках научных исследований, так и в церкви, никогда не следует забывать об этом измерении. Часто в процессе исследования люди думают только о том, что стоит за текстом, какие источники или общины способствовали сохранению преданий об Иисусе, какие содержания и темы раскрываются в самом тексте, как например Царство Божье. В нашем треугольнике отношений мы всегда должны помнить о тех, кто стоит перед текстом, о читателе или слушателе. Какими бы ни были источники, содержание или аудитория — биография, по большому счету, пишется людьми, о людях и для людей. Все хорошие портреты знакомят нас с личностью и подразумевают определенную реакцию со стороны зрителя. Как четыре портрета Черчилля знакомят нас с самим этим человеком и пробуждают в нас определенные чувства, так и четыре евангелия ставят перед нами вопрос: что это за Личность? откуда у Него такая власть? — и самый актуальный: что лично вы собираетесь с ним делать? Это исследование предполагало, что, несмотря на наличие нескольких портретов, четыре евангелия знакомят нас с одним Иисусом — помогая нам понять, что Кем является Иисус, Тем является и Бог. В любом случае, та реакция, которая ожидается здесь от читателя, одна и та же — вера, которая приводит к поклонению: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28).

Лев, человек, вол и орел являются четырьмя лицами херувима, поддерживающего Божий престол в видении Иезекииля (Иез. 1:10; 10:14). Похожим образом четыре живых творения расположены вокруг престола Бога в Откровении Иоанна (Отк. 4:7); всякий раз, когда эти четыре творения воздают славу Богу, ответ ангелов, старцев и несметного числа людей состоит в том, чтобы пасть ниц и поклониться Ему (Отк. 4:10; 5:8, 11, 14). В Конце всего эти четыре символа имеют смысл только в контексте поклоне-

ния. Подобно запутанным рисункам *Келлской книги*, стремительный лев св. Марка, Учитель Израиля св. Матфея, несущий тяжести вол св. Луки и высоко парящий орел св. Иоанна помогают нам лучше понять четыре евангелия и признать при этом одного Иисуса.

Предложения для дополнительного чтения

ГЛАВА 1: ЧЕТЫРЕ ЕВАНГЕЛИЯ

О критике евангелия

Richard A. Burridge, *What are the Gospels? A Comparison with Graeco-Roman Biography*, SNTS Monograph Series 70 (Cambridge University Press, 1992; второе переработанное издание, Grand Rapids: Eerdmans, 2004). Опубликованная версия моей докторской диссертации, показывающей, что евангелия являются формами древней биографии, которая сейчас существенно переработана и пересмотрена.

Christopher Tuckett, *Reading the New Testament: Methods of Interpretation* (London: SPCK, 1987). Полезное пособие, знакомящее нас с самыми разнообразными инструментами критики Нового Завета.

О различных версиях символов в трудах отцов

T. C. Skeat, «Irenaeus and the Four-Gospel Canon», *Novum Testamentum* 34.2 (1992), pp. 194-199. Ясная и краткая дискуссия об Иринее.

Для богословов высокого уровня классической дискуссией (на немецком, разумеется!) остается работа Theodor Zahn «Die Thiersymbole der Evangelisten», pp. 257-275 из тома II книги *Der Evangeliencommentar des Theophilus von Antiochen*, в его серии *Forschungen zur Geschichte des neutestamentliche Kanons und althirche Literatur* (Erlangen: Andreas Deichert, 1883).

Об иллюстрированных манускриптах евангелий

George Henderson, *From Duro to Kells: The Insular Gospelbooks 650-800* (London: Thames and Hudson, 1987). Самая исчерпывающая дискуссия со множеством черно-белых фотографий.

Из числа индивидуальных работ для примера можно ознакомиться с книгами Janet Backhouse, *The Lindisfarne Gospels* (Oxford: Phaidon, 1981) или Peter Brown, *The Book of Kells* (London: Thames and Hudson, 1980), в каждой из которых представлено множество иллюстраций. Евангелие из *Линдисфарна* из лондонской Британской библиотеки, а также «Келльская книга» из дублинского Тринити Колледжа представлены на CD-дисках.

ГЛАВЫ 2 — 5: ЕВАНГЕЛИЯ

Ниже представлен ряд полезных и доступных книг, которые продаются в бумажной обложке. Их материал охватывает более чем одно евангелие.

Graham N. Stanton, *The Gospels and Jesus* (Oxford University Press, second edition, 2002). Вероятно, наилучшее из всех имеющихся в продаже введений; в части I рассматривается каждое евангелие по очереди, в части II разбираются важные вопросы, касающиеся Иисуса.

Stephen C. Barton, *The Spirituality of the Gospels* (London: SPCK, 1992). Самое полезное пособие, раскрывающее положительные стороны исследовательской работы в изучении представлений каждого евангелиста о присутствии Бога в Иисусе.

Jack Dean Kingsbury, *Jesus Christ in Matthew, Mark and Luke* (Philadelphia: Fortress Press, 1981). Рассматривает ученичество Иисуса, сотериологию «Q» и три синоптических евангелия.

J. L. Houlden, *Backward into Light: The Passion and Resurrection of Jesus according to Matthew and Mark* (London: SCM, 1987). Прекрасный перевод критического исследования, составленного в виде обращений страстной недели, полных глубоких идей.

F. J. Matera, *Passion Narratives and Gospel Theologies: Interpreting the Synoptics Through Their Passion Stories* (New York: Paulist Press, 1986). Представляет поочередно евангелия от Марка, от Матфея и от Луки, давая краткий обзор и комментарий на каждое из повествований о страстях, а также их связь с богословием соответствующего евангелия.

ГЛАВА 2: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

Комментарии

Morna D. Hooker, *The Gospel according to St. Mark*, в Black's New Testament Commentaries Series (London: A & C Black, 1991). Простой для чтения и доступный для понимания комментарий с хорошей дискуссионной по большинству вопросов.

Robert A. Guelich, *Mark 1 — 8:26*, Word Biblical Commentary, Vol. 34A (Dallas: Word, 1989). Хороший комментарий к первой половине евангелия.

Eduard Schweizer, *The Good News According to Mark* (London: SPCK, 1971). Эта работа остается классикой.

О технике повествования Марка

Robert C. Tannehill, «The Gospel of Mark as Narrative Christology» в *Perspectives on Mark's Gospel*, *Seneca* 16 (1979), pp. 55-95. Классическая статья, в которой этот подход к Марку начинается как история об Иисусе.

David Rhoads and Donald Michie, *Mark us Story: An Introduction to the Narrative of a Gospel* (Philadelphia: Fortress, 1982). Прекрасное исследование риторики, художественного оформления, замысла и персонажей Марка с точки зрения литературы.

Для дополнительного чтения по Евангелию от Марка и его темам

Christopher Tuckett (ed.), *The Messianic Secret. Issues in Religion and Theology 1* (London: SPCK, 1983).

William Telford (ed.), *The Interpretation of Mark*, *Issues in Religion and Theology 7* (London: second edition, T & T Clark, 1995). Обе эти книги

содержат различные важные статьи, написанные в 1960-е и 1970-е годы, и снабжены полезным введением к изложенным в книгах темам.

William Telford, *The Theology of the Gospel of Mark* (Cambridge University Press, 1999). Еще один вступительный материал, написанный Телфордом.

Jack Dean Kingsbury, *The Christology of Mark's Gospel* (Philadelphia: Fortress Press, 1983). Рассматривает различные теории об идентичности Иисуса как Сына Божьего и Сына Человеческого.

Ernest Best, *Mark: The Gospel as Story* (Edinburgh: T & T Clark, 1983). Содержит краткие и ясные введения во все главные разделы Евангелия от Марка — все, что написано Бестом о Марке, всегда заслуживает прочтения.

Ссылки на *Хроники Нарнии* в Главе 2 связаны с текстом книги К. С. Льюиса, изданной в издательстве Penguin Books, Harmondsworth последовательно в период с 1959 по 1965 годы и с тех пор неоднократно переиздававшейся.

ГЛАВА 3: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Комментарии

Eduard Schweizer, *The Good News According to Matthew* (London: SPCK, 1976). Интересное сочетание богословской и духовной мысли.

W. D. Davies and Dale C. Allison, *The Gospel According to St. Matthew* в International Critical Commentary Series (Edinburgh: T & T Clark; Vol. 1 1988; Vol. 2 1991; Vol. 3 1997). Это наиболее полный комментарий к теме будущего; он скрупулезный, основанный на греческом тексте, дорогой — но достойный занять одно из самых почетных мест в любой библиотеке. Том 1 содержит исчерпывающее введение ко всем основным разделам.

О содержании, темах и повествовании Евангелия от Матфея

Graham N. Stanton (ed.), *The Interpretation of Matthew. Issues in Religion and Theology 3* (Edinburgh: second edition, T & T Clark, 1995). Еще одно полезное собрание главных статей с прекрасным и четким вступлением редактора к исследованию Евангелия от Матфея.

Graham N. Stanton, *A Gospel for a New People: Studies in Matthew* (Edinburgh: T & T Clark, 1992). Содержит соответствующее современности вступление, а также главы, посвященные дискуссии вокруг различных подходов к Евангелию от Матфея, разным темам евангелия и основам раскола между церковью и синагогой.

R. T. France, *Matthew — Evangelist and Teacher* (Exeter: Paternoster Press, 1989). Подробная дискуссия по всем основным разделам с внимательным рассмотрением традиционных и современных взглядов.

Jack Dean Kingsbury, *Matthew as Story* (Philadelphia: Fortress Press, 1988; второе переработанное издание). Прилагается повествовательное (нарративное) исследование взглядов Матфея на Иисуса, учеников и иудейских руководителей.

Ulrich Luz, *The Theology of the Gospel of Matthew* (Cambridge University Press, 1995). Полезное введение, составленное одним из лучших в Европе комментаторов Евангелия от Матфея.

ГЛАВА 4: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

Комментарии

C. F. Evans, *Saint Luke* (London: SCM, 1990). Содержит более 100 страниц вступления к основным разделам, а также 800 страниц комментариев, что делает его достаточно дорогим для одной книги, но здесь представлен труд всей жизни автора, изобилующий серьезными и полезными идеями.

Joseph A. Fitzmyer, *The Gospel According to Luke*, Anchor Bible Vol. 28 on Lk. 1 — 9 and Vol. 28A on Lk. 10 — 24 (New York: Doubleday, 1981/1985). Эта книга содержит одно из лучших введений, после которого следуют подробные комментарии и примечания.

О богословии и интересах Луки

Paul Conzelmann, *The Theology of St. Luke* (Harper & Row, 1960; Philadelphia: Fortress Press paperback edition, 1982). Английская версия работы *Die Mitte Der Zeit* (1953/57), классическое исследование роли истории и географии в богословии спасения Евангелия от Луки.

Joel B. Green, *The Theology of the Gospel of Luke* (Cambridge University Press, 1995). Хорошее вступление к любому разделу богословия Луки.

Robert C. Tannehill, *The Narrative Unity of Luke-Acts: A Literary Interpretation*. Vol. 1 (Philadelphia: Fortress, 1986). Использует критику повествования применительно к рассказу Луки об Иисусе, людям, ученикам и властям; том 2 посвящен Книге Деяний.

ГЛАВА 5: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Комментарии

Richard A. Barridge, *John* (Oxford: Bible Reading Fellowship, 1998). Изложена в простой форме дискуссия по каждому отрывку, с молитвами.

Raymond E. Brown, S. S., *The Gospel According to John*, Anchor Bible Vol. 29 on Jn. 1 — 12 and 29A on Jn. 13 — 21 (New York: Doubleday, 1966/1970). Классический труд с подробным вступлением к темам и прекрасными комментариями к тексту. Вступление в настоящий момент переработано и носит название: *An Introduction to the Gospel of John*, Raymond E. Brown, ed. Francis J. Moloney (New York: Doubleday, 2003).

George R. Beasley-Murray, *John*, Word Biblical Commentary 36 (Dallas: Word, 1987). Хороший комментарий в традиционном формате, доступный в продаже и варианте мягкого переплета.

Mark W. G. Stibbe, *John*, Readings Series (Sheffield Academic Press, 1993). Чтение всего текста с точки зрения критики повествования, рассмотрение сюжетной линии, структуры, характеристики и контекста каждого раздела.

*О происхождении, богословии
и повествовании Евангелия от Иоанна*

John Ashton (ed.), *The Interpretation of John, Issues in Religion and Theology 9* (второе издание, Edinburgh: T & T Clark, 1997). Обычное собрание избранных исторически значимых статей представлено в предисловии вместе со вступлением.

Barnabas Lindars, *John*, JSNT New Testament Guides (Sheffield Academic Press, 1990). Краткое и доступно изложенное вступление к главным вопросам, касающимся изучения четвертого евангелия.

D. M. Smith, *The Theology of the Gospel of John* (Cambridge University Press, 1995). Превосходный разбор основных богословских тем.

Stephen Smalley, *John — Evangelist and Interpreter* (Exeter: Paternoster, 1978). Содержит прекрасный материал по всем основным разделам.

R. Alan Culpepper, *Anatomy of the Fourth Gospel: A Study in Literary Design* (Philadelphia: Fortress Press, 1983). Эта книга произвела настоящую революцию, заставив всех отвернуться от второстепенных вопросов и заняться изучением повествования, сюжета, характеристики, комментариев и роли читателя.

Ссылки на произведения Дж. Р. Р. Толкмена в главе 5 связаны со следующими изданиями:

The Hobbit, London: Unwin paperback third edition 1966.

The Lord of the Rings, London: Unwin one-volume India paper edition 1969.

The Silmarillion, London: Unwin hardback first edition 1977.

См. также экранизации Питера Джексона: «Братство кольца» (2001), «Две крепости» (2002), «Возвращение короля» (2003).

Для более подробной дискуссии о произведениях Толкмена, Льюиса и Библии см. Richard A. Burridge, *Faith Odyssey: A Journey Through Life* (Oxford: Bible Reading Fellowship; Grand Rapids: Eerdmans, 2003, переработанное издание).

ГЛАВА 6: ОДИН ИИСУС?

О развитии канона Нового Завета

Harry Y. Gamble, *The New Testament Canon: Its Making and Meaning* (Philadelphia: Fortress Press, 1985). Краткий и простой материал; с. 24-35 посвящены евангелиям.

Bruce M. Metzger, *The Canon of the New Testament: Its Origin, Development, and Significance* (Oxford: Clarendon, 1987). обстоятельная и подробная дискуссия обо всем материале отцов; обратите особое внимание на с. 262-264 в разделе «Плюрализм евангелий», а также на с. 296-297, где говорится о разных порядках в разных евангелиях.

Об исследовании исторического Иисуса

E. P. Sanders, *The Historical Figure of Jesus* (Harmondsworth; Allen Lane, Penguin, 1993). Самое краткое повествование; см. также *Jesus and Judaism* (London: SCM, 1985) того же автора, где представлены дополнительные подробности и материалы исследования.

N. T. Wright, *Who was Jesus?* (London: SPCK, 1992). Живой и краткий труд, в котором в обобщенной форме представлены различные исследования и изыскания, критика определенных популярных взглядов и общия схема реконструкции Райта; подробное исследование см. в работах Райта *The New Testament and the People of God* (London: SPCK, 1992), *Jesus and the Victory of God* (London: SPCK, 1996) и *The Resurrection of the Son of God* (London: SPCK, 2003).

Gerd Theissen and Annette Merz: *The Historical Jesus: A Comprehensive Guide* (London: SCM, 1998). Весьма подробный и обстоятельный труд.

О древних представлениях об истине

Christopher Gill and T. P. Wiseman, (eds.), *Lies and Fiction in the Ancient World* (Exeter University Press, 1993). Прекрасное собрание материала, охватывающего множество различных типов древней литературы — к сожалению, за исключением биографии!

C. B. R. Pelling, «Truth and Fiction in Plutarch's *Lives*», в D. A. Russell (ed.), *Antonine Literature* (Oxford University Press, 1990), pp. 19-52. Хорошая и внятная дискуссия о древнем биографе.

О многочисленных портретах Иисуса

Richard A. Burridge and Graham Gould, *Jesus Now and Then* (London: SPCK and Grand Rapids: Eerdmans, 2004). Небольшая дискуссия по христологии, начиная с Нового Завета, продолжая периодом ранней церкви и Халкидона, и заканчивая сегодняшними спорами.

Jaroslav Pelikan, *Jesus through the Centuries: His Place in the History of Culture* (Yale University Press, 1985). Самое читаемое и увлекательное повествование о разных событиях из жизни Иисуса, начиная с самых ранних дней Его жизни и до XX века.

Denis Thomas, *The Face of Christ* (London: Hamlyn, 1979). Прекрасно иллюстрированная книга, в которой представлены репродукции разного рода фресок, живописи и скульптуры с изображением Иисуса.

О множестве евангелий

Oscar Cullmann, «The Plurality of the Gospels as a Theological Problem in Antiquity» в его собрании *The Early Church: Studies in Early Christian History and Theology*, ed. A. J. B. Higgins (Philadelphia: Westminster Press, 1956), pp. 37-54; перевод с оригинала немецкой статьи в *Theologische Zeitschrift*, i (1945), pp. 23-42.

В журнале *Interpretation*, volume 33.4 (октябрь 1979 г.) есть полезные статьи: Charles H. Talbert, «The Gospel and the Gospels», pp. 351-362; Jack Dean Kingsbury, «The Gospel in Four Editions», pp. 363-375; Robert Morgan, «The Hermeneutical Significance of Four Gospels», pp. 376-388.

Graham N. Stanton, «The Fourfold Gospel», *New Testament Studies* 43 (1997), pp. 317-346.

Указатель имен

- Августин Блаженный 29, 32,
54, 235
Августин Кентерберийский 57
Амвросий Медиоланский 53,
55, 58
Бах, Иоганн Себастьян 46, 247
Бест 259
Бонхёффер, Дитрих 248
Борнкамм, Гюнтер 39
Бультманн, Рудольф 23, 34-35
Викторин Пегавский 53
Ганди, Махатма 248
Гибсон, Мел 248
Гитлер 248
Григорий I 57
Грнсбах, Иоганн Якоб 32
Джексон, Питер 13, 191, 211,
227, 261
Дикеарх 193
Дюрер, Альбрехт 247
Евсевий Кесарийский 32
Иероним 54-56, 113
Иоанн Павел II 57
Иринеи Лионский 51-53, 55, 58,
60, 234, 244, 250, 257
Калгак 240-242
Кальвин, Жан 45
Катон 240
Кинг, Мартин Лютер 248
Климент Александрийский 32,
197
Колумба 59
Константин Великий 246
Кутберг Линдисфарнский 59
Лессинг, Готхольд Эфраим 247
Льюис, Клайв Стейплз 64, 179,
181, 191, 259, 261
Лютер, Мартин 45, 247
Майерс-Бриггс 251
Маркион 235
Микеланджело 247
Морган, Роберт 249
Непот, Корнелий 26
Нерон 94
Ориген 235
Патрик 57
Плиний Младший 28
Плутарх 26, 154
Порфирий 234
Райс, Тим 248
Рафаэль 247
Реймарус, Германн Самюэль 247
Рузвельт, Теодор 17, 21, 235
Сазерленд, Грэм 248-249
Сократ 240, 247
Татман 20, 235, 245, 250
Тацит, Публий Корнелий 26,
239-242
Толкиен, Джон Рональд Руэл
191, 211, 227, 261
Тэтчер, Маргарет 248
Уотсон, Дэвид 34, 36
Уэббер, Эндрю Ллойд 248
Филострат 26
Фома Аквинский 45
Хант, Хольман 247
Хьюм, Дэвид 247
Цельс 234
Цицерон, Марк Туллий 154
Черчилль, Уинстон 17-19, 21-23,
27, 59, 233, 235, 240, 255
Шмидт, Карл Людвиг 23, 34-35
Эль Греко 247
Эриугена, Иоанн Скот 192
Юлиан 234
Юнг, Карл Густав 251

Тематический указатель

- birkath ha-minim 137, 216
амбивалентный 210
анализ воздействия 45, 47
анализ композиции 40
анализ редакций 38-40, 46
апокриф 144, 249
апологетика 25
аретология 85-86
Аслаи 64-65, 71, 81, 98, 101, 191
аутентичность 241
богословие 24, 39-41, 45-46, 53, 86, 99, 121, 138, 179, 192, 197, 205, 236-237, 243, 248, 250, 255
богослужение 35, 44, 137, 173
великое поручение 145
Властелин колец 13, 191, 211, 227
влияние истории 45
воскресение 20, 26, 31, 40, 60, 81, 100, 105, 118, 121, 128, 134, 136, 143-144, 160, 162, 165-166, 169, 171, 187-188, 202, 208, 219, 228-229, 252, 254
герменевтика 60
гностицизм 249
Диатессарон 234, 245, 250
дидактика 25
Евангелие из Линдисфарна 58, 112, 257
евхаристия 220
Еммаус 162, 171, 187
жанр 22-24, 54, 241-242, 245, 254
Жизнь Брайана 248
Иерусалим 40, 67-68, 72, 76, 86-90, 93-95, 107, 110, 115-116, 133-134, 136-138, 142, 152, 154, 157-158, 161-162, 167-168, 170-171, 176, 178, 181, 184-188, 200, 213-215, 219, 237-238
изгнание бесов 32, 67-68, 73-74, 77, 88-89, 131, 164, 197
Иисус Христос — Суперзвезда 248
ирония 82, 89-90, 92, 96-97, 136, 204-205, 207-208, 210, 223, 227
истинность Иисуса 144
исторический Иисус 13, 238, 242, 245, 247, 252, 261
источники евангелий 46
исцеление 35-36, 65, 67-69, 73-74, 84, 87-89, 116, 130-133, 164, 166, 168, 175, 198, 207, 227-228, 237
Иудейская война 94
канон 49, 53-54, 235, 246, 249, 261
Келлская книга 56, 59, 101, 234, 256-257
Книга из Дарроу 57-58
кониотация 239
конфликт 35, 40, 42, 69, 72, 74-78, 84, 88-89, 94-95, 98-99, 111, 121, 130-131, 133-136, 139, 167-168, 170, 196-198, 212, 215-218, 243
критика формы 24, 35, 38, 46
кульминация 25, 36, 42, 59, 76, 81, 93, 95, 99, 129, 135, 143, 145, 151, 155, 160-161, 182, 194, 199, 201, 208, 223, 227-228, 236
литературный анализ 43, 47
любимый ученик 228
множество евангелий 262
молитва 8, 22, 49, 77, 80, 90-91, 122, 128, 132, 137, 151-152, 157, 175, 177-178, 182-184, 186, 203, 207, 221, 224, 260
Нагорная проповедь 30, 40, 120, 122, 130, 172
плагиат 28
полемика 25
порядок евангелий 53
    праведность 122, 124-125, 161
преображение Христа 32, 79-80, 85-86, 115, 133, 165-166, 177, 186

Тематический указатель

- притчи 26, 30-32, 35-36, 40, 55, 73, 82, 90-91, 116, 118, 120-121, 123-127, 131, 133-135, 138, 149, 159, 168-169, 172-175, 179-180, 197, 242-243, 248
- радость 11-12, 77, 82-83, 144, 153, 157, 160, 173-174, 179-181, 187-188, 209, 228-229
- ранняя церковь 36, 51, 93, 100, 175, 234-235, 237, 262
- рассуждения 70, 119, 123, 125, 127, 129-131, 133, 135, 203
- риторика 42-43, 240, 258
- Семинар Иисуса 242
- символы 8, 18, 43, 50-51, 53-54
- синопсис 39
- синоптические евангелия 39, 162, 197, 200, 212, 214, 218, 221, 226, 237, 258
- слушатели 43, 67-68, 82, 121, 223, 237, 254-255
- стилистика 69
- страсти 68, 71, 215, 248
- структура 24, 26, 40, 42, 47, 65, 71, 85, 121, 155, 170, 197-198, 260
- тайная вечеря 32, 100, 165-166, 199, 214, 217, 220-222
- теофания 142
- триада 122, 124
- Троица 9, 48-49, 192, 251
- фарисеи 36, 70, 74, 76, 83, 92, 113, 117, 119, 123, 125, 130-134, 136, 138, 161-162, 164, 167-170, 172-173, 177, 187, 196, 204, 213, 216
- характеристика 60, 174, 208-210, 260-261
- христология 27, 60, 85-86, 102, 143, 162, 233-234, 245-246, 249, 252-253
- Царство Божье 35, 67-68, 85, 123, 126-127, 197, 207, 244
- читатели 3, 8, 10, 23, 25, 39, 41, 43-44
- чудеса 36, 40, 72-74, 76, 85, 99, 116, 119, 130, 152, 164, 166, 179, 187, 193, 198-199, 206-207, 212-213, 230, 247
- эгалитаризм 139
- эсхатология 83, 92, 123, 127, 169, 243
- Явие 137
- язычники 44, 107-108, 112-113, 117, 131-132, 134, 136-138, 140-142, 144-145, 154, 157, 171, 175-176, 188, 216, 236, 247

Содержание

<i>Предисловие и выражения признательности из первого издания</i>	7
<i>Предисловие к переработанному изданию</i>	12
1 Четыре евангелия...	
Четыре портрета	17
Что такое евангелия?	22
<i>Жанр</i>	
Как были написаны евангелия?	27
<i>Источники</i>	
Какого рода материалы содержатся в евангелиях?	34
<i>Формы</i>	
Что можно сказать об авторах?	37
<i>Редактирование и композиция</i>	
Литературный подход к текстам	41
<i>Повествование и читатели</i>	
Творчество и богодухновенность	46
<i>Анализ Писания</i>	
Четыре живых творения	50
<i>Символы евангелий</i>	
Четыре символа как наглядные обучающие пособия	54
<i>Причины и разъяснения</i>	
От Иеронима до <i>Келлской книги</i>	56
<i>Просвещенные евангелия</i>	
2 Рев льва — Иисус в представлении Марка	
Появление льва	63
<i>Символизм и значение</i>	

Стремительный лев	65
<i>Стиль, структура</i>	
<i>и техника повествования Марка</i>	
Зверь в противостоянии	72
<i>Противодействие и служение, Мк. 1 — 8</i>	
Лев и его прайд	77
<i>Роль дисциплины</i>	
Каким животным является это создание?	82
<i>Идентичность и интерлюдия, Мк. 8 — 10</i>	
Иерусалим — лежбище льва или вертеп разбойников?	88
<i>Храм, Мк. 11 — 13</i>	
Смерть	95
<i>Страсти, Мк. 14 — 15</i>	
«Воскрес, как лев»?	100
<i>Воскресение, Мк. 16:1-8</i>	
3 Учитель Израиля — Иисус в Евангелии от Матфея	
Человеческий лик	105
<i>Символизм и смысл</i>	
Где Тот, Кто родился Царем Иудейским?	106
<i>Повествования о детстве, Мф. 1 — 2</i>	
Еще один Моисей?	112
<i>Начало служения, Мф. 3 — 8:1</i>	
Новое учение	119
<i>Рассуждения,</i>	
<i>Мф. 5 — 7, 10, 13, 18, 23 — 25</i>	
Конфликт между Учителем и Израилем	129
<i>Мф. 8 — 23</i>	
Страдание Учителя	139
<i>Страсти, Мф. 26 — 27</i>	
Оправдание Учителя	143
<i>Воскресение — Мф. 28</i>	

4	Носитель бремени — Иисус в Евангелии от Луки	
	Сильный вол	149
	<i>Символизм и значение</i>	
	Вол в храме и в стойле	150
	<i>Младенчество и начало жизни, Лк. 1 — 4:13</i>	
	Вол проходит долгий и медленный путь	155
	<i>Стиль и структура Евангелия от Луки</i>	
	Вол, стадо и погонщики	160
	<i>Герои Евангелия от Луки</i>	
	Те, кто обременен тяжелой ношей	171
	<i>Служение вола</i>	
	Силы, чтобы нести ношу	176
	<i>Духовность Луки</i>	
	Самоотверженная, спасающая жертва	181
	<i>Страсти, Лк. 22 — 23</i>	
	Он снова идет	185
	<i>Воскресение, Лк. 24</i>	
5	Высоко парящий орел — Иисус в Евангелии от Иоанна	
	Орлы Гваихир и Остроглаз	191
	<i>Символизм и его значение</i>	
	Взгляд с высоты птичьего полета	193
	<i>Пролог и начало, Ин. 1:1-51</i>	
	«Пути орла на небе»	197
	<i>Повествование, стиль и структура Евангелия от Иоанна</i>	
	«Орел приземлился»?	205
	<i>Личность Иисуса</i>	
	Когти, обнаженные для битвы	211
	<i>Книга знамений и иудеи, Ин. 2 — 12</i>	
	Жизнь в тени Его крыльев	217
	<i>Ученики и тайная вечеря, Ин. 13 — 17</i>	

Час славы	223
<i>Страсти, Ин. 18 -- 19</i>	
«Воскрес с исцелением на своих крыльях»	227
<i>Воскресение, Ин. 20 -- 21</i>	
6 ...Один Иисус?	
Четыре портрета или четыре Иисуса?	234
От четырех евангелий	
снова к одному Иисусу	238
От четырех евангелий — вперед,	
ко многим Иисусам	244
Плюрализм в определенных пределах	249
Биография, вера и поклонение	254
<i>Предложения для дополнительного чтения</i>	257
<i>Указатель имен</i>	263
<i>Тематический указатель</i>	264

Четыре евангелия. **ОДИН ИИСУС?**

Новое издание

«Эта книга помогает нам лучше увидеть евангелия, потому что в ней прекрасно сочетаются материалы для молитвы, богослужения и богословского исследования; в ней чувствуется жизненная сила и свежесть, что меня в ней и привлекает. "Символическое прочтение" Ричарда Берриджа позволяет нам познакомиться с четырьмя евангелистами и услышать их рассказы, увидеть их индивидуальные особенности и отличительные черты, и тем самым полнее узнать факты и тайны, связанные с воплощенным Господом».

Дэвид Хоуп, бывший архиепископ Йорка

«Мало кому из академических работников удастся выйти из своей "башни из слоновой кости" и написать книгу языком, привлекательным для широкого круга читателей. Мало кому из богословов удастся сочетать в своих трудах академическую строгость и духовную чуткость. Ричард Берридж справился и с той, и с другой задачей, и именно поэтому его книга представляет большую ценность. Он создал прекрасный и легко читаемый обзор четырех евангелий, богатый своими символами и прекрасно показывающий разнообразные, и в то же время взаимодополняющие портреты главной Личности, биографию которой они представляют. Эту книгу необходимо приобрести и дорожить ею».

*Майкл Грин, старший научный сотрудник
института «Уиклифф Холл», Оксфорд*

Текст нового издания этой книги был исправлен, и в него были включены те изменения, которые произошли в исследовании Нового Завета уже после того, как в свет вышли первые издания. Были добавлены материалы из фильма «Властелин коней», святого дощечного роману Толькина, а также материалы из пособия по ивритскому языку.

Ричард Берридж является деканом Королевского колледжа в Лондоне. Его главная исследовательская работа, «Что такое евангелия? Сравнительная греко-римская биография» (второе, переработанное издание, Eerdmans, 2004), было единодушно признано прорывом в области исследования евангелий. Среди других его книг можно отметить работу «Иисус сейчас и тогда» (SPCK, 2003).

«ВЕРА и СВЯТОСТЬ»
Церковь Назарянина

ISBN 978-5-7454-1216-5

9 785745 412165